

891.709

M69s

~~22765~~

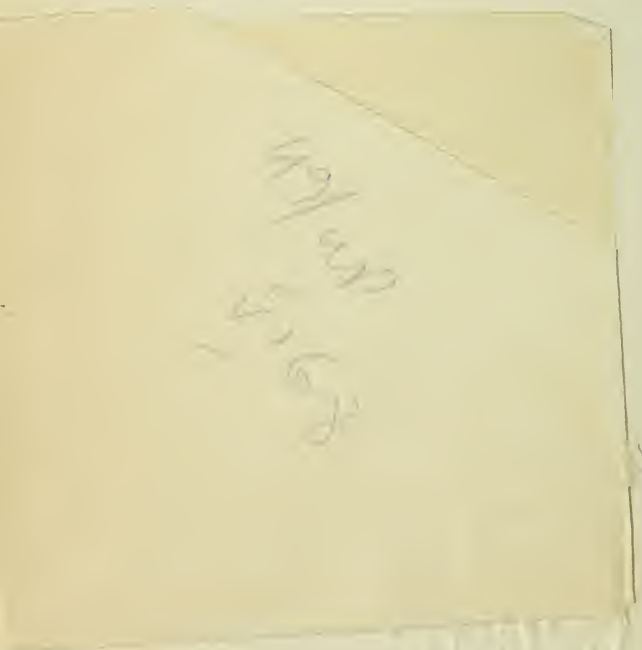
701-92

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.709

M69s

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 27 1976

JUL 1 1976

JUL 20 1996

JUN 25 1996

L161—O-1096

Digitized by the Internet Archive
in 2017 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign Alternates

XIII - 92

79.5.62

СТОЛѢТІЕ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ МИЗКО.

ОДЕССА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. НИТЧЕ.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ :

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Одесса, Ноября 8-го дня 1919 года.

Ценсоръ К. Зеленецкій.

891,709

M695

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Скептическій взглядъ на отечественную литературу не новость. Неоднократно высказывалось и высказывается сомнѣніе : есть ли у насъ литература, достойная имѣть свою исторію?... Правда, литература наша не привилась еще до той степени къ жизни народной, а жизнь народная въ такой мѣрѣ не усвоилась еще нашей литературѣ, что литература не составляетъ у насъ необходимой общественной потребности, а потому и не можетъ быть полнымъ выраженіемъ жизни народной и духа народнаго... Но, всматриваясь ближе въ ходъ умственной дѣятельности нашей, нельзя не признать нѣкотораго преемства ея фактовъ, связующаго неразрывнымъ союзомъ прошедшее съ настоящимъ въ залогъ будущаго. Систематическое познаніе этой связи явленій умственной жизни народной и есть то, что называется исторіей литературы. Въ этомъ отношеніи литература русская можетъ и должна имѣть свою исторію. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, надо лицомъ къ лицу знакомиться съ нашей

литературой во всѣ фазы ея развитія : оттого-то мы такъ равнодушны къ нашей литературѣ, что или совсѣмъ не знаемъ ее, или знаемъ очень поверхностно... Да, надо чаще обращать взоръ свой на прошедшее : тогда больше будетъ у насъ сочувствія къ настоящему и больше надежды на будущее.

Способствованіе этому, по мѣрѣ возможности, есть *цѣль* настоящаго изложенія, имѣющая въ виду преимущественно общедоступность : на этомъ основаніи *предметъ* настоящаго изложенія составляетъ, лишь, такъ называемую, изящную литературу, или собственно *словесность*; равнымъ образомъ *объемъ* ограничивается одною эпохою изъ исторіи литературы нашей, объемлющею юношескій ея возрастъ : такъ какъ народная словесность наша, въ предшествующую эпоху младенчества нашей литературы, болѣе можетъ быть предметомъ интереса археологическаго, словесности же литературной въ эту эпоху еще не было.

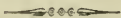
Разсматривая историческую судьбу отечественной литературы, нельзя не замѣтить, что *эпоха младенчества* ея была парочито продолжительна. Она соотвѣтствуетъ восьми-вѣковой государственной жизни, прошедшей столько искушеній — междоусобныя волненія періода удѣловъ, тяжкое иго монгольскаго владычества, смуты самозванцевъ и междоусарствія, — пока Промыслъ, благодѣющій нашей Руси православною, даровалъ ей спасеніе и утвержденіе въ благословенномъ Домѣ Романовъ.

выхъ, подъ счастливымъ самодержавствомъ котораго наше любезное отечество разцвѣло, созрѣло и мужается... Самымъ же мощнымъ воскресителемъ, обновителемъ, просвѣтителемъ Россіи былъ Петръ I. Онъ дѣлитъ нашу политическую исторію на двѣ рѣшительныя, діаметрально одна другой противоположныя, половины... По мановенію всемогущей десницы генія преобразователя, русскій духъ воспрянулъ, почувалъ свою мощь исполнить, нѣсколько вѣковъ таившій свои силы внутри самаго себя, и быстро шагнула наша Русь впередъ — по пути, указанному ей геніемъ Петра къ ея славѣ и величію. Съ этаго времени и литературная жизнь народа русскаго принимаетъ иное направленіе... Сѣмена, засяявшія въ царствованіе Петра I, вскорѣ по кончинѣ его, принесли плоды... Явился великій исполнитель великихъ намѣреній Великаго Монарха и, подобно ему, вдохнувшему въ нашъ государственный составъ новую жизнь, также обновляетъ новымъ духомъ нашу жизнь умственную... Это былъ бессмертный Ломоносовъ, съ котораго, по всей справедливости, обновленная наша литература начинаетъ свой *юношескій возрастъ*. Начало этой эпохи соотвѣтствуетъ началу литературной дѣятельности Ломоносова, относящемуся къ 1739 году; конецъ же — смерти Пушкина, послѣдовавшей въ началѣ 1837 года : въ тотъ и слѣдующіе годы продолжалъ издаваться, отъ имени Пушкина, журналъ его

«Современникъ,» въ которомъ слышались еще по-
смертные его звуки, — отсутствовавшій, — онъ
какъ бы присутствовалъ въ нашей литературѣ
послѣдними остатками своей литературной дѣятель-
ности, плодами которыхъ было усиленное литера-
турное движеніе и измѣненіе литературныхъ идей
съ 1839 года, съ котораго начинается *зрѣлый*
возрастъ нашей литературы.

Это *столѣтіе русской словесности съ 1739*
по 1839 годъ и составляетъ раму настоящаго
очерка. Для уясненія же послѣдующаго предше-
ствующимъ, необходимо, въ предварительномъ *вве-*
деніи, прослѣдить предшествовавшій появленію въ
литературѣ нашей Ломоносова послѣдній періодъ
эпохи ея младенчества, — періодъ переходной,
или пріуготовительный къ дальнѣйшему самостоя-
тельному развитію литературы въ эпоху юности,
подраздѣляющуюся также на три періода, предста-
вителями которыхъ — Ломоносовъ, Карамзинъ и
Пушкинъ.

Вотъ содержаніе и предѣлы, согласно съ пред-
положенною цѣлью, этого *очерка русской сло-*
весности.

ВВЕДЕНІЕ.

КАНТЕМИРЪ. ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Изъ русскихъ писателей, предшествовавшихъ Ломоносову, — отцу русской литературы и законодателю русскаго языка, — было лишь два, (непосредственно подвизавшіеся на поприщѣ русской словесности, которой они являются въ исторіи русской литературы) первыми представителями, это — *Кантемиръ* и *Тредьяковскій*. — Оба они начали писать прежде Ломоносова, лѣтъ за десять, и оба писали тѣмъ языкомъ, который послѣ преобразованъ былъ Ломоносовымъ. Оба они получили обширное европейское образованіе и первые внесли въ нашу литературу, — ограничивавшуюся до того времени кругомъ духовнымъ и историческою лѣтописью, — новый элементъ, послужившій основаніемъ свѣтской словесности. Но, (по различному общественному положенію, труды ихъ имѣли различное направленіе): у Кантемира — аристократа по происхожденію, по службѣ полномочнаго министра при дворахъ англійскомъ и французскомъ, — занятіе словесностью было, выражаясь языкомъ того

времени, лишь *пріятнымъ отдохновеніемъ съ музами* въ часы досуга отъ дѣлъ государственныхъ; у Тредьяковскаго — не знатнаго родомъ, бывшаго профессоромъ элоквенціи при с. петербургской академіи наукъ, — занятія литературныя были *официальнымъ служеніемъ Аполлону*, входившимъ въ составъ его профессіи. —

Кантемиръ, родившись и образовавшись въ царствованіе Петра I, былъ личнымъ свидѣтелемъ великаго государственнаго преобразованія, совершеннымъ въ Россіи первымъ ея императоромъ. — Преобразование Петра касалось не только всѣхъ видовъ государственной администраціи и формъ вышшняго народнаго быта, но и самой природы нравственной и даже физической народа русскаго. Иначе и быть не могло. Карамзинъ, возражая противъ почитающихъ преобразование, совершенное Петромъ I въ Россіи, насильственнымъ, говоритъ ¹⁾: «Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ; Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ, во первыхъ для того что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гиб-

¹⁾ Письма русскаго путешественника, въ Смирдиновскомъ изданіи, 1818, т. 2, стр. 514.

кими, способными учиться и перенимать.» — Около десяти лѣтъ какъ обнародованы любопытныя подробности о состояніи государства и народа въ Россіи до Петра I современника эпохи, предшествовавшей реформѣ Пестровой ¹⁾. Вспомните подробности, которыя рассказываетъ Кошихинъ о свадебныхъ обрядахъ двора (стр. 8 — 10), по примѣру которыхъ бывали и свадьбы бояръ, дворянъ и «противъ тогожъ обычая» торговыхъ людей и крестьянъ, картины семейнаго быта при дворѣ (стр. 12), и у бояръ (118 — 119); также описаніе продѣлокъ отцовъ и матерей — сбывать съ рукъ дочерей невѣстъ и бывавшихъ притомъ обманахъ, гдѣ онъ говоритъ : «Благоразумный читателю ! не удивляйся сему ; истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ ; *а такого у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смѣрляти и уговариватися временемъ съ невѣстою самому.*» (стр. 126 — 127). Вспомните изображеніе мѣстничества, представляющее эти интересныя сцены : «Также какъ у царя бываетъ столъ на властей и на бояръ, и власти у царя садятся за столомъ, по правой сторонѣ въ другомъ столѣ. И какъ тѣ бояре учнутъ садиться за столъ , по чину своему, бояринъ подъ бояриномъ , окольничей подъ окольничимъ и подъ боярами, думный человѣкъ подъ думнымъ человѣкомъ

¹⁾ О Россіи въ царствованіе Алексея Михайловича. Современное сочиненіе Григорія Кошихина. С. IIб. 1840.

и подѣ окольничими и подѣ боярами, а иныя изъ нихъ вѣдая съ кѣмъ въ породѣ своей ровность подѣ тѣми людьми садитися за столомъ не учнутъ, поѣдутъ по домамъ, или у царя того дни отпрашиваются куды къ кому въ гости, и такихъ царь отпускаетъ. А будетъ царь увѣдаетъ, что они у него учнутъ проситися въ гости на обманство, не хотя подѣ которымъ человѣкомъ сидѣть, или не прошався у царя поѣдетъ къ себѣ домой: и такимъ велитъ быть и за столомъ сидѣть, подѣ кѣмъ доведется. И они садитися не учнутъ, а учнутъ бити челомъ, что ему ниже того боярина, или окольничего, или думнаго челоуѣка, сидѣти не мочно, потому что онъ родомъ съ нимъ ровенъ, или и честнѣе, и на службу и за столомъ презъ того родъ ихъ съ тѣмъ родомъ, подѣ которымъ велятъ сидѣть, не бывалъ; и такого царь велитъ посадити сильно; и онъ посадити себя не даетъ, и того боярина безчеститъ и лаеетъ. А какъ его посадятъ сильно, и онъ подѣ нимъ не сидитъ и выбивается изъ-за стола вонъ, и его не пускаютъ и разговариваютъ, чтобъ онъ царя не приводилъ на гнѣвъ и былъ послушенъ; и онъ кричитъ: «хотя де царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подѣ тѣмъ не сидѣть» и спустится подѣ столъ; и царь укажетъ его вывести вонъ и послать въ тюрьму, или до указу къ себѣ на очи пущати не велитъ. А послѣ того, за то ослушаніе отнимается у нихъ честь, боярство, или окольничество и думное дворянство — и потомъ тѣ люди

старые своей службы дослуживаются вновь. А кому за такіе вины бывають наказанія, сажаютъ въ тюрьму, и отсылають головою, и бьютъ батоги и кнутомъ : и то записываютъ въ книги, имянно, впредь для вѣдомости и спору» (стр. 34 — 36). Вспомните и сообщаемыя Кошихинимъ извѣстія о тогдашней администраціи въ Россіи : «И кто что въ посольствѣ своемъ говорилъ какіе рѣчи, сверхъ наказу, или которые рѣчи не исполняютъ противъ наказу : и тѣ всѣ рѣчи, которые говорены, и которые не говорены, пишутъ они въ статейныхъ своихъ спискахъ не противъ того, какъ говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разумъ на обманство, чрезъ чтобъ достать у царя себѣ честь и жалованье большое ; и не срамяются того творити, понеже царю о томъ кто на нихъ можетъ о такомъ дѣлѣ объявить?» (стр. 41) ; уловки клятвопреступнаго взяточничества : «Однакожь хотя на такое дѣло положено наказаніе и чинятъ о тѣхъ посулахъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду по царскому указу и по уложенію : ни во что ихъ впра и заклинательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержать не могутъ и руки свои ко взятію скоро допускають, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ чрезъ жену, или дочь, или чрезъ сына и брата, и человека, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ» (стр. 93) ; грустные рассказы о пыткѣ,

употреблявшейся тогда при уголовномъ судопроизводствѣ и смертной казни, еще существовавшей въ то время (стр. 91 — 92).—Вотъ какова была Россія и народъ русскій, когда Петръ Великій принялъ ихъ подъ свое самодержавство!... А какими оставилъ ихъ чрезъ *тридцать шесть лѣтъ*! — Точно, по словамъ Карамзина, «одна только ревностная, дѣятельная воля и безпредѣльная власть царя русскаго могла произвести такую незапную, быструю перемѣну!» ¹⁾ Но чего это стоило! Исторія свидѣтельствуеть объ открытыхъ возмущеніяхъ; а сколько было тайныхъ недовольныхъ и противниковъ!... И опять, съ другой стороны, какъ понимали многіа мѣры благодѣтельной Петровой реформы даже самые исполнители ея! — И вотъ Кантемиръ видѣлъ всю странную смѣсь общества своего времени, состоявшую то изъ упорныхъ защитниковъ старины, то изъ новичковъ, которые отъ стараго отстали а къ новому не пристали; видѣлъ пороки, странности этого общества, въ которомъ азіатская лѣнь старой Руси сталкивалась съ мишурой и глянцомъ новой заморской образованности; чувствовалъ достоинство истиннаго просвѣщенія европейскаго, составившагося изъ наслѣдія, завѣщаннаго древнимъ міромъ — Греціей и Римомъ; пламенно желалъ видѣть свое отечество и въ умственномъ отношеніи достойнымъ своего полити-

¹⁾ Смирд. изд. 1847. стр. 515.

ческаго значенія: (и здѣсь то источникъ его патріотическаго одушевленія, отличающаго его литературную характеристику, въ этомъ отношеніи весьма замѣчательную.) — Онъ писалъ *пльси, басни, эпиграмы*; но преимущественно *сатиры*, которыхъ имъ написано восемь: здѣсь онъ ѣдко преслѣдуетъ современные пороки, метко издѣвается надъ слабостями, горячо вступаетъ за благо просвѣщенія, за права ума, добродѣтели, за прямую пользу общественную...¹⁾ Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ первой сатиры «На хулящихъ ученіе»: таковы ханжа Критонъ, скупецъ Сильванъ, сибаритъ Лука, щеголь Медоръ...

Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами;
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину...

Сильванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежь сего незная Латынѣ
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перецаявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли...

¹⁾ Въ этомъ онъ сошелся съ славнымъ сподвижникомъ Петра I, Θεοφάνωμъ Прокоповичемъ, неутомимо гремѣвшимъ съ кафедры церковной на противниковъ благотѣльнаго преобразованія Россіи великимъ монархомъ, особенно же на упорныхъ невѣжъ. За первую сатиру Кантемира архипастырь почтилъ его посланіемъ, за которое поэтъ отблагодарилъ его третьей сатирою, ему посвященною.

Румяный трюды рыгнувъ Лука подпиѣваетъ :
Наука содружество людей разрушаетъ ;
Люди мы къ сообществу Божіа тварь стали ,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному , когда я запруся
Въ чуланъ , для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся ?
Когда все дружество , вся моя ватага
Будеть чернило , перо , песокъ , да бумага ?
Въ весельи , въ пирахъ мы жизнь должны провождати ;
И такъ она не долга , на что коротати ,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи ?
Нелучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи ?

Медоръ тужить , что чрезъ чуръ бумаги исходить
На письмо , на печать книгъ , а ему приходитъ
Что не во что завертѣть завитыя кудри ,
Не смѣнить на Сенеку опъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ ,
Рексу , не Цицерону , похвала достойтъ...¹⁾

Да и на что она, эта наука ?

Что въ наукѣ ? что съ нею польза Церкви будетъ ?
Иной пища проповѣдь , выпишь позабудеть ,²⁾
Отъ чего доходамъ вредъ ; а въ нихъ Церкви права
Лучшія основаны и вся ея слава.
Хочешь ли судьею стать ? вздѣнь парикъ съ узлами ,
Брани того , кто просить съ пустыми руками ,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ ,
Спи на стулѣ , когда дякъ выписку читаетъ .
Еслижъ кто вспомнить тебѣ граждански уставы ,
Нль естественный законъ , нль народны права ,

¹⁾ Егоръ былъ сапожникъ , а Рексъ — портной , извѣстные тогда въ Москвѣ (какъ означено въ примѣчаніи къ этой сатирѣ).

²⁾ „Выписъ есть письмо приказное , которымъ судья свидѣтельствуешь , что товаръ чистъ и что съ него въ государственную казну пошлина взята , или подтверждаетъ владѣніе землн , деревни , двора и проч.“ (Примѣч.)

Плюнь ему въ рожу, скажи что вретъ околесну,
Палагая на судей ту тягость песноспу.

Да и какой почетъ наукѣ ? —

Наука ободрана въ лоскутахъ обшита,
Изъ всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ : никакой плодъ не видѣи съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.

То ли дѣло жизнь свѣтская ? —

Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ, ¹⁾
Смыслить искусно прибрать съ своимъ платьѣмъ цвѣты,
Тому ужъ и въ самые молодые лѣты
Всякая высша степень, мзда ужъ не велика,
Седьми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.

Или вотъ, на примѣръ, начало второй сатиры, во-
оружающейся на зависть и гордость дворянъ зло-
правныхъ, въ формѣ діалога : —

Ф и л а р е т ъ .

Что такъ смутенъ, дружокъ мой ? Щеки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали ?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конной свой заводъ раздарилъ не кстати ? ²⁾

¹⁾ „Дудочка значитъ косую флейту, которая была въ великомъ употребленіи въ то время, когда сатира сія писана, и почти всѣ молодые люди на ней играть обучались.“ (Примѣч.)

²⁾ „Всѣмъ извѣстно высокомысліе бывшаго архіепископа Р^{оссійскаго}, который ничего такъ не желалъ какъ быть главнѣйшимъ церкви россійской, а для полученія того чина, много копей раздарилъ, которыхъ имѣлъ изрядный заводъ.“ (Примѣч.)

Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ неленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вина ль дорогова?
Матерь знаю, и родия твоя вся здорова,
Обильство сыплеть тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Чтожъ молчишь? Ужъ ли твои уста коспы стали?
Не знаешь ли сколь намъ другъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А, а! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туллій деревьями
Награжденъ: ты съ пышными презрѣиъ именами,
Забыта крови твоей и слава, и древность
Предковъ, къ общества добру, многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ понахъ соборныхъ.

Евгеній.

Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ незавидно,
Чувствую сколь знатнымъ всѣмъ и стыдъ и обидно;
Что кто еще не всѣ стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, сальные, крича, ясно свѣчи
Горять, кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высокоу степенъ вспрыгнувши блистаетъ¹⁾;
А благородство мое во мнѣ унываетъ;
И не сильно принести мнѣ никакой польги.
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Размотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;
Съ праѣдова праѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, намѣстника, никто не былъ ниже;

¹⁾ Намѣкъ на Меньщикова.

Искусны въ мирѣ, въ войнѣ разсудно и смѣло
 Вершили ружьемъ, умомъ не одно тѣ — дѣло.
 Взгляни на пространныя стѣны нашей залы,
 Увидишь какъ рвали строй, какъ ломали валы.
 Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
 Милость ихъ, и помнитъ злу отсуду обидчикъ.
 А батюшка ужъ всѣмъ верхъ; какъ его не стало
 Государства правое плечо съ нимъ отпало.
 Какъ батюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
 И шапочку снявъ, ему головою въ ноги,
 Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
 Что на день рано съ утра крестова набита
 Тѣмъ, которыхъ теперь народъ почитаетъ,
 И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
 Сколько разъ, не смѣя тѣ приступить къ намъ сами,
 Дворецкому кланялись съ полными руками?
 И когда батюшка къ нимъ промолвить хотъ слово,
 Заторопѣвъ, опѣмѣвъ, слезы у инова
 Текли изъ глазъ съ радости, иной неспокоснѣ
 Всѣмъ наскучилъ хвастая, что былъ онъ достоенъ
 Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
 Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.
 Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
 Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться!
 Последнимъ видѣть себя, куда глазъ ни векину?

Здѣсь не нужны никакія поясненія : эта прекрасная картина современнаго поэту міра, въ которомъ еще долго оставались слѣды мѣстничества, говорятъ сама за себя. —

Не безъ умысла приведены всѣ эти извлеченія изъ сатиръ Кантемировыхъ, чтобы мало знакомые могли убѣдиться, что они стоятъ — и стоятъ не только любопытства, но серьезнаго изученія... Намъ столько съ дѣтства, на школьной скамьѣ, толкуютъ о *тяжелыхъ* стихахъ Кантемира, что не диво,

если — по словам Жуковского — «рѣдкій изъ русскихъ развертываетъ его сатиры» ¹⁾... Между тѣмъ въ приведенныхъ примѣрахъ безпристрастный читатель самъ увидитъ, въ какой мѣрѣ мнѣніе о неудобочитаемости стиховъ Кантемира преувеличено... Вся причина — конструкція силлабическихъ стиховъ Кантемира, тринадцатисложныхъ съ цезурой послѣ семи слоговъ и съ женскою риемою : эта то цезура, всегда на одномъ мѣстѣ, и неизмѣнное удареніе на предпоследнемъ слогѣ, отъ котораго происходитъ своевольная перестановка ударенія, насмлюющая звуки, причиною иногда неблагозвучія стиховъ Кантемира... Но вслушайтесь въ эти силлабическіе стихи, изъ посвященія императрицѣ Елисаветѣ поэтомъ его сатиръ, звучаіе стройной гармоніей греческаго гекзаметра :

Трижды строилъ лиру я, и дрожащи персты
Трижды на струны навелъ, и уста отверзты
Готовили тебѣ пѣснь; трижды раздѣлая
Быстро воздухъ, прилетѣлъ изъ вышняго края
Небесъ бѣлокурый богъ, обличилъ отвагу
Мою съ гнѣвомъ : изодравъ струны, лиру пагу
Вывалъ изъ рукъ, изломалъ и стиснулъ мнѣ губы.
Видѣлъ я въ свѣтломъ его лбу морщины грубы,
Молніи ярость въ очахъ, и на лицѣ пламень;
Безгласенъ, недвижимъ я сталъ съ страху какъ камень.

Или, вотъ напримѣръ, на удачу, нѣсколько стиховъ изъ четвертой сатиры «Къ музѣ своей», въ кото-

¹⁾ Соч. Жуковск. т. VII, стр. 93.

рыхъ нельзя не разслушать складу русскаго ума
и русской рѣчи :

Знаю, что правду пишу, и именъ незначу,
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцахъ о злонравныхъ плачу;¹⁾
Да правда рѣдко любя, и часто некстати.

..... безъ всякой украсы
Болтнешь, что не дѣлають чернца одиѣ рясы :
Такъ ли теперь говорятъ, такъ ли живутъ въ людяхъ ?
Медь держи на языкѣ, а желчь всю прячь въ грудяхъ...

..... трона та не нова ;
Всякъ такъ пишетъ, кто хвалить у насъ кого хочетъ,
Тому, кого въявь поетъ, самъ въ сердцахъ хохочетъ.

*Есть о чемъ писать, былабъ лишь къ тому охота,
Было бз кому работать, безъ конца работа.
А лучше вѣкъ не писать, нежъ писать сатиру,
Что приводитъ въ ненависть меня всему міру.*

Да, Кантемиръ, не только по внутреннему характеру своей поэзіи, сатирическимъ направленіемъ своимъ запечатлѣлъ будущее направленіе нашей словесности, выражавшееся постоянно у главнѣйшихъ ея дѣйствователей, начиная отъ Сумарокова, Фонъ-Визина, Державина, Крылова, Грибоѣдова, до Гоголя въ наше время; но и по внѣшней формѣ,

¹⁾ Вспомнимъ у Гоголя „видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“ (Мертв. Души, стр. 258). —

отдавъ дань своему времени силлабическимъ размѣромъ стиха своего, онъ, по духу языка, опередилъ далеко свое время и принадлежитъ къ позднѣйшему! — Что же касается до отношеній его сатиръ къ нпоземнымъ образцамъ, которымъ онъ подражалъ, то онъ самъ говоритъ, что въ сочиненіи своихъ сатиръ, наипаче «Горацію и Боалу французу послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ» ¹⁾.

Тредьяковскій, сорокъ лѣтъ трудившійся на поприщѣ литературномъ, писалъ *оды*, *идилліи*, *басни*; сочинилъ *трагедію* «Дендамія», *панегирикъ*, или «Похвальное слово императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ»; оставилъ нѣсколько *разсужденій*, (относящихся къ отечественной филологіи — «Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ», «Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ россійскомъ стихотвореніи», «Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ орѳографіи старинной и новой и вообще что принадлежитъ къ сей матеріи», да ненапечатанныя : «Объ окончаніяхъ нашихъ прилагательныхъ множественныхъ и мужескихъ именъ», «Разсужденіе объ окончаніяхъ собственныхъ нашихъ именъ, мужескихъ съ греческихъ и латинскихъ на Ась и Псь», также и къ отечественной исторіи — «Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ :

¹⁾ См. предисловіе въ Смирдин. изданіи, стр. XIX.

1) О первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ, 2) О первоначалѣ Россовъ, 3) О Варагахъ Руссахъ славянскаго званія, рода и языка»; перевелъ героическими ямбами «Гораціеву епистолу о стихотворствѣ» и «Стихотворческую науку Боало» съ примѣчаніями, приложилъ гекзаметрами Фенелона Телемака подъ названіемъ «Телемахиды», съ обширнымъ въ предисловіи трактатомъ объ иронической или эпической поэмѣ; сверхъ того оставилъ множество переводовъ, въ томъ числѣ 16 томовъ «Ролленевой древней и римской исторіи», дважды имъ переведенной, и 4 тома «Кревіеровой о римскихъ императорахъ», съ большими при каждой предисловіями. —

Тредьяковскій представляетъ въ нашей литературѣ до Ломоносова первый примѣръ трудолюбиваго и съ обширными, основательными свѣдѣніями, ученаго. — Онъ имѣлъ свои душевныя убѣжденія и горячо стоялъ за нихъ съ постоянствомъ, доходившимъ до упорства. Это то упорство было причиной, что его языкъ въ стихахъ и прозѣ коснѣлъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ началъ писать, хотя въ началѣ его литературнаго поприща, языкъ русскій, преобразованный Ломоносовымъ, по стезѣ, имъ проложенной, сдѣлалъ значительные успѣхи: извѣстно что Екатерина II употребляла стихи Тредьяковскаго въ наказаніе для

своихъ придворныхъ ¹⁾). И между тѣмъ этотъ самый Тредьяковскій писалъ легкіе французскіе стихи, которые могли бы весьма понравиться этимъ придворнымъ не хуже мадригаловъ Шольё ²⁾!

¹⁾ „При императрицѣ Екатеринѣ II въ эрмитажѣ установлено было шуточное наказаніе, за легкую вину выпить стаканъ холодной воды и прочесть изъ Телемахиды страницу; а за важнѣйшую выучить изъ оной шесть строкъ. Сей законъ написанъ былъ золотыми буквами на таблицѣ, которая и до нынѣ цѣла.“ (См. Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія, изд. Погодинымъ. М. 1845, т. II, стр. 221).

²⁾ См. Читенія о русскомъ языкѣ Греча, 1811, ч. I, стр. 97.

СТОЛѢТІЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

съ 1739 по 1839 годъ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

ЛОМОНОСОВЪ.

Кантемиръ и Тредьяковскій — были *предтечи*, предъуготовившіе путь отцу нашей литературы и законодателю нашего языка... *Его* же, давно желаннаго по предчувствію, давно ожидаемаго по всеобщей готовности къ принятію, еще не было... И онъ является чудеснымъ образомъ — какъ избранныкъ свыше предопредѣленный для своего великаго назначенія — быть сотрудникомъ умственнаго преобразованія Россіи, начатаго Петромъ Великимъ.)

Сынъ холмогорскаго рыбака Василя Дорофеева, *Михаилъ Ломоносовъ*, до 16-ти лѣтъ едва умѣвшій читать и писать, въ слѣдствіе какого-то роковаго душевнаго влеченія къ ученію, оставляетъ домъ родительскій и при обозѣ съ рыбой бѣжитъ въ Москву; учится тамъ въ такъ называемой «словено-

греко-латинской академіи»; терпитъ нужду, имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья на пропитаніе, обувь, бумагу и прочія надобности; выдерживаетъ насмѣшки школьниковъ, указывавшихъ на него пальцами: «смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латынѣ учиться!» Не взирая, однакожь, на все это, онъ учится прилежно и своими успѣхами изумляетъ своихъ наставниковъ и заставляетъ уважать себя своихъ товарищей. Но смутное предчувствіе говоритъ ему, что это не то, къ чему рвалась душа его: ему удалось побывать въ Кіевѣ; но свѣжая голова его не помирилась съ схоластическими умствованіями, встрѣченными имъ тамъ... Изъ Москвы его посылаютъ въ Петербургъ: новая сфера практическаго ученія, противоположнаго прежнему метафизическому, на нѣсколько времени удовлетворяетъ тревожный духъ юноши; но скоро опять заговорила въ немъ тоска о болѣе обширномъ кругѣ вѣдѣнія... И вотъ онъ въ Германіи!... (Сбылись, наконецъ, мечты его; блаженствуетъ онъ въ свѣтломъ мірѣ истинной науки: это уже не мишура семинарская, не педантизмъ гимназическій, это уже истинная ученость своего времени... Какъ сладостно вливается онъ въ себя божественную росу знанія по различнымъ частямъ въ сферѣ наукъ философскихъ, математическихъ и естественныхъ...). Въ то же время, по влеченію своего гения, онъ пытается создать отечественную версификацію и, въ самомъ дѣлѣ, изъ чужбины привѣтствуетъ отечество первыми рус-

скими стихами (1739 г.) — По здѣсь, гдѣ, кажется, судьба вѣщаетъ благородныя его усилія, снова преслѣдуютъ его испытанія судьбы ; не окончивъ своего образованія, онъ уходитъ отъ долговъ, едва не попадаетъ къ прусскимъ вербовщикамъ ; наконецъ достигаетъ Россіи... Вотъ уже Ломоносовъ и профессоръ академіи... Но и здѣсь, вмѣсто покойнаго исполненія всего, что онъ можетъ и хочетъ совершить на пользу наукъ и словесности въ отечествѣ, его встрѣчаютъ препятствія и противодѣйствія ; чего не претерпѣлъ онъ и отъ невѣжества, не понимавшаго его, и отъ равнодушія, не сочувствовавшаго его пламеннымъ усиліямъ къ благу общественному, и отъ зависти, безпрестанно его преслѣдовавшей !¹⁾ — Правда, его утѣшало сознаніе своего призванія, выполняемаго по мѣрѣ силъ ; подкрѣпляло покровительство вельможъ и высшихъ правительственныхъ лицъ того времени, между которыми особенно дружбою пользовался онъ у Шувалова ; ободряло вниманіе отъ Престола трехъ монархинь, въ царствованіе которыхъ онъ дѣйствовалъ. — Поощряемый этими побужденіями, онъ постоянно и неутомимо трудится въ теченіе своего тридцатипятилѣтняго ученаго и литературнаго поприща, съ самою разнообразною дѣятельностью : онъ въ одно время физикъ, химикъ, астрономъ, художникъ мозаической живописи, педагогъ, историкъ, филологъ, стихотворецъ, ораторъ...²⁾

¹⁾ См. письма Ломоносова къ Шувалову и другимъ, въ Смирдиновскомъ изданіи его сочиненій, 1847, т. I, стр. 657 — 714.

²⁾ Тамъ же, проекты и отрывки бумагъ, относящіеся къ служебной дѣятельности Ломоносова, съ страницы 714 до конца.

И вездѣ и во всемъ онъ *первый и единственный*, не только далеко оставляя за собой предшествующее время, вѣрно слѣдя за настоящимъ, но и прозорливо упреждая будущее.

Мимо ученыхъ трудовъ Ломоносова, непринадлежащихъ этому изложенію, — въ которыхъ по выраженію достойнаго ихъ цѣнителя ¹⁾, «находятся истины, доказанныя нынѣ многочисленными и точными наблюденіями, есть даже такія открытія, которымъ удивляются нынѣ въ сочиненіяхъ Гумбольта и Араго», — въ отношеніи существеннаго предмета этого изложенія, словесности, Ломоносовъ, собственными опытами въ поэзін и ораторствѣ, созданіемъ новыхъ формъ для прозаическаго и стихотворнаго слововыраженія, утвержденіемъ этой имъ созданной словесности и преобразованнаго отечественнаго языка, посредствомъ первой систематической теоріи и положительнаго кодекса, справедливо пользуется титуломъ отца русской литературы и законодателя русскаго языка. — Вспомнимъ, что не далѣе какъ за пять лѣтъ до первыхъ стиховъ Ломоносова у насъ писались такіе стихи въ 1734 году :

Маріе : ты благу часть отъ мене избрала,
Живущи въ мірѣ, міра страсти всѣ попрала.
Люты были болѣзни, свѣта ти съ напасти,

¹⁾ Д. М. Петевощикова : Разсмотрѣніе Ломоносова разсужденія „О явленіяхъ воздушныхъ отъ электрической силы происходящихъ,“ напечатанное въ числѣ рѣчей, произнесенныхъ въ торжественномъ собраніи московскаго университета, 1831 г. въ Телескопѣ 1831 г. № 1 и Маякѣ 1843 г. № 1.

Но азъ подкрѣпляхъ, всегда моими ты страсти.
Скончала теченіе, соблюла ты вѣру,
Сего ради пріяхъ ты, возлюбивъ надъ мѣру.
При семъ всемогущую простеръ къ ней десницу,
Осѣнивъ просвѣтилъ ю, какъ свѣтлу зарницу.

(Умозрительство душевное о переселеніи въ вѣчную
жизнь превосходительной баронессы Маріи Яковлевны
Строгоновой, Петра Буслаева, часть II, стр. 25).

Кое странное піанство
Къ пѣнію мой глазъ бодрить.
Вы, парнаасское убранство,
Музы! умъ не васъ ли зрить?
Струны ваши сладкогласны
Мѣру, лики слышу красны
Пламень въ мысляхъ востаетъ.
О народы! всѣ внемлите!
Бурны вѣтры, не шумите!
Анну стихъ мой воспоетъ.

(«Ода торжественная о здачѣ города Глаиска» въ
сочин. и перев. В. Тредьяковского, ч. II, стр. 11).

И вдругъ послѣ такихъ виршей раздался эти чистые,
прекрасные звуки лиры Ломоносова :

Одѣянь чудной красотой,
Зарей божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета
Шатру подобно предъ собой.

(Ода 8, преложеніе псалма 103).

Щедротъ источникъ, ангелъ мира,
Богиня радостныхъ сердець,
На коей какъ заря порфира,
Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ...

(Ода 15, на день тезоименитства императрицы
Елисаветы Петровны).

Или вотъ параллель Ломоносовскаго и Державинскаго переводовъ оды Анакреоновой : —

Ломоносова.

Державина.

Мнѣ дѣвушки сказали :
Ты дожилъ старыхъ лѣтъ,
И зеркало мнѣ дали,
Смотри ты лысъ и сѣдъ.
Я не тужу ни мало,
Еще ль мой волосъ цѣль,
Иль тѣмъ гладко стало,
И весь я побѣлѣлъ.
Лишь въ томъ могу божиться,
Что долженъ старичокъ
Тѣмъ больше веселиться,
Чѣмъ ближе видитъ рокъ.

Мнѣ дѣвушки шептали :
« Ты старъ , и сѣдъ и лысъ » ;
Вотъ зеркало , сказали :
« Возьми и посмотри » .
— « Что нужды , я незнаю ;
Я старъ » , сказалъ , « иль цѣтъ ;
Въ томъ только увѣрю ,
Что я душой не сѣдъ ,
И старику нужнѣе
Въ веселіи пожить ,
Приходить чѣмъ скорѣе
Меня похоронить » .

Замѣтьте , что разница между этими стихами почти *полувѣка* ! — Вспомнимъ также , что до Ломоносова у насъ не было русской грамматики , а были только славянскія грамматики Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго ; ~~что~~ грамматика Ломоносова , изданная въ 1755 году , оставалась въ теченіе полувѣка единственною до изданія въ 1802 году грамматики академической , и что его система склоненій оправдана въ наше время повѣйшими « Филологическими наблюденіями » О. Павскаго , а его система спряженій принята Востоковымъ въ его грамматикѣ . — Вспомнимъ еще его искусные переводы изъ разныхъ древнихъ и новыхъ писателей въ примѣрахъ , помѣщенныхъ въ его риторикѣ . — Вспомнимъ , наконецъ , ясный , одушевленный слогъ его исторіи...)

Обращаясь къ подробному исчисленію произве-

деній Ломоносова, относящихся къ предмету этого изложенія, словесности, мы находимъ въ отдѣлѣ стихотворномъ : 11 *одъ духовныхъ*, 19 *одъ похвальныхъ*; («Вѣщанная надежда Россійской Имперіи», переводъ съ нѣмецкаго, стихотворенія нѣкоего Готлиба Фридриха Вильгельма Юнкера; «Разговоръ съ Анакреономъ»; «Ода на счастье», переводъ съ французскаго, оды Руссо; 50 *похвальныхъ надписей*; 13 *мелкихъ стихотвореній*, заключающихъ въ себѣ экспромты, посланія къ императрицамъ Елисаветѣ и Екатеринѣ и къ вельможамъ того времени, покровительствовавшихъ Ломоносову; двѣ пѣсни неоконченной *эпической поэмы* «Петръ Великій»; двѣ *трагедіи* : «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ»; *дидактическая поэма* въ посланіи къ Шувалову «О пользѣ стекла». — Ораторское краснорѣчіе Ломоносова выразилось двумя *похвальными словами* : Петру I и Елисаветѣ Петровнѣ.

Какъ образецъ религіозной поэзіи Ломоносова, вотъ обращеніе Іеговы къ Іову въ 9 духовной одѣ :

Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
 Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
 Когда я твердь земли поставилъ,
 И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
 Величество и власть мою?
 Яви премудрость ты свою!

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
 Безчисленны тмы новыхъ звѣздъ,
 Моей возженныхъ вдругъ рукою
 Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ

Мое величество вѣщали,
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?)
Кто море удержалъ брегами,
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытою пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?
Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить...

— Но кромѣ религіознаго чувства, побужденіемъ вдохновенія Ломоносова было высокое національное чувство поэта: подъ вліяніемъ этого благороднаго одушевленія вылилось у Ломоносова, въ заключеніе его 12 похвальной оды, это энергическое воззваніе къ Господу силъ — хранителю и защитнику Руси православной:

Предъ мужемъ иѣкогда избраннымъ
Ты свѣтомъ клялся несозданнымъ,
Хранить во вѣкъ престолъ и родъ.
Исполни то надъ позднимъ свѣтомъ,
И таковымъ святымъ обѣтомъ
Благослови Россійскій родъ.
Для толь великихъ странъ покою,
Для счастья множества вѣковъ,
Поставь какъ солнце предъ Тобою
И какъ луну, престолъ Петровъ.

Да,) Ломоносовъ горячо сочувствовалъ историче-

скимъ судьбамъ отечества во всѣ моменты его государственной жизни : таковы его 1-я ода на взятіе Хотина 1739 года, его 15-я ода на побѣды надъ прусскимъ королемъ, его 6-я ода на возшествіе на престолъ Елисаветы, его 18-я ода на возшествіе на престолъ Екатерины II, воцареніемъ своимъ, подобно Елисаветѣ, избавившей Россію отъ грозившихъ ей внутреннихъ бѣдствій. — Иной предметъ вдохновенія Ломоносова есть наука, жрецомъ которой былъ онъ самъ : таковы девять послѣднихъ строфъ 10-й благодарственной оды императрицѣ Елисаветѣ, за монаршую милость. И такъ вотъ три благородныхъ источника поэтического одушевленія Ломоносова : это *религія, отечество, наука!* — Но есть еще герой, къ которому постоянно устремлены были его мысленныя очи и благоговѣйное сердечное чувство : это державный преобразователь Россіи *Петръ Великій*. — Вотъ какъ онъ въ пантегиркѣ, посвященномъ ему, изображаетъ безсмертнаго отца отечества въ его гениальной дѣятельности ко благу государства своего и своихъ подданныхъ : —

• Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо его присмотромъ, но и рукъ его вспоможеніемъ, къ приращенію поспѣшали, публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи награждителя. Чтожь его путешествія, или лучше быстро парящія летанія? Едва слышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь его скрылся на водахъ Азов-

скихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы великія рѣки, Южная Двина и полноточная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Рейнь и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите! я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, но какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ дровомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ; такъ онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

•Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными машинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стenanіемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей великими названныхъ. И правда предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства, но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто триумфа слышалъ плачь и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтелями украшенъ: но вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тяжести падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоинства и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употребляю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой пунической войны до Августа Непоты, Сципіона, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы, произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своей жизни. Кому жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я: каковъ Тотъ, которой всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо землю и море; дхнеть духъ Его и

потекуть воды : прикоснется гораѣ и воздымается. Но мыслятъ чело-
вѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ!
Обыкновенно представляютъ его въ челоѣческомъ видѣ. И такъ,
ежели челоѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, пайти надобно ;
кромя Петра Великаго не обрѣтаю.

Таковъ Ломоносовъ какъ поэтъ, ораторъ и пре-
образователь отечественнаго языка, образцы кото-
раго здѣсь представлены!

Какъ законодатель новаго созданнаго имъ языка,
Ломоносовъ даетъ свою *метрику* въ «Письмѣ о
правилахъ россійскаго стихотворства», свою *стил-*
листику въ разсужденіи «О пользѣ книгъ церков-
ныхъ въ россійскомъ языкѣ», свою русскую «Грам-
матику», предшествующую общему или философскою
грамматикою, свою «Риторику», которая есть только
начало полного *руководства къ красноречію*, дол-
женствовавшаго состоять изъ трехъ этой, общей,
подъ названіемъ *риторики*, и еще двухъ — *ораторіи*
и *пѣтики*.

Теперь остается сказать о вліяніи Ломоносова
на отечественную литературу. Въ этомъ отношеніи
сколько прежде наши критики не рѣдко преувели-
чивали это вліяніе ¹⁾, столько въ позднѣйшее время
старались уменьшать ²⁾. Первымъ сильнымъ автори-
тетомъ въ этомъ разѣ былъ Пушкинъ, сказавшій о
Ломоносовѣ слѣдующія слова ³⁾ : — Ломоносовъ
былъ великій челоѣкъ. Между Петромъ I и Екате-

¹⁾ Каченовскій, Мерзлаковъ.

²⁾ Полевой, Бѣлинскій.

³⁾ Соч. Пушкина, т. IX, стр. 21 — 22.

риною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои отливала въ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость полу-славянская, полу-латинская, сдѣлалась-было необходимостію; къ счастію, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига, и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова. Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное, и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности — вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ.» — Нѣтъ, мы видѣли, Ломоносовъ не былъ чуждъ ни поэтическаго вдохновенія, ни ораторскаго увлеченія, когда онъ былъ или одушевляемъ религіознымъ восторгомъ, или проникаемъ патріотическимъ чувствомъ, или согрѣваемъ теплымъ сочувствіемъ къ наукѣ, или озяряемъ свѣтлымъ воспоминаніемъ о незабвенномъ своемъ героѣ Петрѣ... Нѣтъ, у Ломоносова не было

недостатка ни въ чувствъ, ни воображеніи : читайте его «Утреннее» и «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», его изображеніе воинства и флота русскаго (въ 12-й похвальной одѣ), его олицетвореніе Россіи (въ 9-й похвальной одѣ), напоминающія Державина, его описаніе бури и сѣвернаго сіянія (въ поэмѣ «Петръ Великій»), его разсказъ о смерти Мамаѣ (въ трагедіи «Тамира и Селимъ»), или множество мѣстъ въ его панегирикахъ... Вспомнимъ это дивно художественное изображеніе печали Россіи о потерѣ Петра Великаго въ одѣ 16-й :

И сѣтовали всѣ мѣста :
Земля казалася пуста :
Взглянуть на небо , не сіяетъ ;
Взглянуть на рѣки , не текутъ ,
И горъ высота осѣдаетъ.

Или эту величественную поэтическую картину нашего необъятнаго , разнообразнаго , отечества въ стихахъ императрицъ Елисаветъ на фейерверкѣ , изображающей благоденствующую Россію :

Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ , земля , страна и царство
Подобная странѣ , монархія твоей ?
Отъ запада твое простерлось государство ,
Отъ юга , сѣвера и утреннихъ полей.
Какой монархъ возмогъ , чтобъ подъ одну державу
Народовъ множество толкое собрать ?
Чуть знаютъ по рѣчамъ себя , лицу и праву,
Но всѣ едины чтутъ тебя , російска мать.
Какъ утреннимъ лучемъ престолъ твой здѣсь сіяетъ ,
Другую часть страны твоей поконитъ ночь ;
Какъ утренняя заря Камчатку озаряетъ ,
Вечерняя отсель тогда отходитъ прочь ;

Когда имѣтъ ночь народъ твой южный лѣтомъ,
 То сѣверный народъ въ трудахъ полдневныхъ бдитъ :
 Какъ звѣзднымъ Астрахань въ ночи блистаетъ свѣтомъ;
 То Коль во полнѣшнемъ блистанѣ солнце зрѣтъ
 Все то, что скипетръ твой, богиня, освѣщаетъ,
 Востокъ, западъ, сѣверъ, югъ усердіемъ горитъ,
 Начавши отъ Двины огнь праздничный пылаетъ,
 По дальнѣйшей Амуръ, что Хинъ отъ насъ дѣлитъ.

Какъ напоминаютъ эти стихи Пушкина, отрицавшаго поэтическое родство свое съ Ломоносовымъ :

..... отъ Перьми до Тавриды,
 Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
 Отъ потрясеннаго Кремля
 До стѣнъ недвижнаго Китая. ¹⁾

Какъ творецъ отечественной словесности и преобразователь отечественнаго языка Ломоносовъ дѣйствовалъ самостоятельно : онъ далъ намъ образцы всѣхъ родовъ словесности, существовавшихъ въ другихъ литературахъ, и ввелъ нашъ языкъ въ колею образованныхъ языковъ, указавъ, притомъ, коренное отношеніе къ языку славянскому. И потому то, что *между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія*, — на преобразование, совершенное Ломоносовымъ въ русской словесности и русскомъ языкѣ, довершенное же Карамзинымъ и Пушкинымъ, должно взирать точно также какъ на преобразование Россіи Петромъ I,

¹⁾ „Клеветникамъ Россіи“.

довершенное Екатериною II, укрѣпленное Александромъ I, и принесшаго обильные плоды въ царствованіе Императора Николая I. — А вѣдь упреками же геніальнаго преобразователя Россіи за перемѣну старинной одежды русской на нѣмецкую, за бритье бороды, за введеніе европейской общественности вмѣсто прежняго азійскаго затворничества, — будто бы все это исказило нашу народность и лишило насъ національной характеристики. Упрекали же Петра и за усвоеніе нашей администраціи, мореходству, военному дѣлу иностранныхъ техническихъ терминовъ, — будто бы испортившихъ нашъ языкъ. Не диво, что и Ломоносову ставили въ укоръ подражаніе латинскимъ ораторамъ и нѣмецкимъ стихотворцамъ. — Нѣтъ, *преобразование Россіи, какъ политическое такъ и умственное, не было насильственнымъ*: оно проистекло изъ непосредственной сущности, условій и требованій этого преобразованія, и *подражаніе здѣсь не было вынужденною случайностію, а сознательною потребностію*. — Екатерина II, довершая преобразование Россіи, начатое Петромъ I, обратила народъ русскій къ сознанію національнаго своего достоинства, утвержденному въ царствованіе Александра I на незыблемомъ основаніи, на которомъ зиждется настоящее наше благоденствіе въ благополучное царствованіе Императора Николая I. — Карамзинъ, явившійся при Екатеринѣ II и дѣйствовавшій при Александрѣ I, внесъ въ нашу словесность животворный гуманическій элементъ и *обратилъ языкъ*

нашъ къ живымъ источникамъ народнаго слова ; Пушкинъ же, явившійся при Александрѣ I и дѣйствовавшій въ царствованіе Императора Николая I, обратилъ и словесность русскую къ самостоятельности и народности, языкъ же русскій облекъ въ художественную форму. — И вотъ преемство историческихъ явленій въ литературѣ нашей и зависимость ея отъ развитія нашей государственной жизни !)

СУМАРКОВЪ.

Современникъ и соперникъ Ломоносова , первый директоръ перваго русскаго театра , *Сумарковъ* является первымъ русскимъ литераторомъ : пародируя универсальность Вольтера , онъ писалъ во всѣхъ родахъ словесности. (Вотъ подробное исчисленіе его сочиненій , которыя изданы Новиковымъ въ 1781 и потомъ перепечатаны въ 1787 году въ 10 частяхъ. — Стихи : *Преложенія* всей Давидовой псалтыри , также церковныхъ стиховъ и библейскихъ главъ , духовныя и нравоучительныя оды , оды торжественныя и другія разнаго рода , надписи , эпистолы , притчи , сатиры , эклоги , идилліи , пѣсни , маскарадныя хоры , элегіи , стансы , сонеты , эпиграммы , эпитафіи , мадригалы , загадки , любовная гадательная книжка , и разныя мелкія стихотво-

ренія; 9 трагедій : «Хоревъ», «Гамлетъ», «Синавъ и Труворъ»; «Аристона», «Семира», «Ярополкъ и Демиза», «Вышеславъ», «Димитрій Самозванецъ» и «Мстиславъ», драма «Пустынникъ»; 12 комедій : «Опекунь», «Лихоимецъ», «Три брата совѣстника», «Ядовитый», «Нарцесъ», «Приданое обманомъ», «Чудовища», «Трисотнѣиусъ», «Пустая Ссора», «Рогоносецъ по воображенію», «Мать совѣстница дочери», «Вздорщица»; *прологъ* «Новые лавры»; *балетъ* «Прибѣжище добродѣтели»; двѣ *оперы* : «Алцеста», «Цефаль и Прокрисъ». Проза : «Разговоры въ царствѣ мертвыхъ»; 6 *похвальныхъ словъ* : «Слово похвальное о государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ», «На день коронаванія Е. В. императрицы Екатерины II», «Е. И. В. государю великому князю Павлу Петровичу», «Е. И. В. государынѣ Екатерины Алексѣевны, императрицѣ и самодержицѣ всероссійской», «На открытіе императорской санктпетербургской академіи художествъ», «На заложеніе кремлевскаго дворца», «На день восшествія на престолъ Е. В. государыни императрицы Екатерины II», «О любви къ ближнему»; *историческія* сочиненія : «Краткій московскій лѣтописецъ», «О первоначалѣ и созданіи Москвы», «Описаніе двухъ первыхъ стрѣleckихъ бунтовъ», «Приступъ къ исторіи Петра Великаго» (оба неоконченные); *разсужденія*, каковы, напримѣръ : «О россійскомъ духовномъ краснорѣчіи», «О стопосложеніи», «Разсмотрѣніе оды Ломоносова», «Мнѣніе во сновп-

деній о французскихъ трагедіяхъ», «Основаніе любомудрія», «Нѣкоторыя статьи о добродѣтели» и разныя мелкія нравственныя, сатирическія, историческія, критическія и полемическія сочиненія. — Онъ былъ и журналистъ, издавая «Трудолюбивую Пчелу», въ которой большею частию помѣщалъ свои сочиненія. —

Одна уже эта обширная литературная дѣятельность Сумарокова могла изумлять его современниковъ; прибавьте къ этому, далѣе, что онъ былъ въ то время единственнымъ драматическимъ писателемъ для возникавшаго театра, который, какъ новизна, могъ сильно возбуждать современное любопытство; наконецъ, надо еще замѣтить, что Сумароковъ исключительно писалъ сочиненія, принадлежація къ словесности, которыя могли быть обще-доступнымъ чтеніемъ, тогда какъ большая часть сочиненій Ломоносова и Тредьяковского были ученаго содержанія, и слѣдственно только для избраннаго круга. Этимъ объясняются современные восторги отъ произведеній Сумарокова, отголосокъ которыхъ остался въ «Словарѣ» Новикова, и которыя потомъ были, по преданію, основаніемъ критики Мерзлякова. — Независимо отъ суда современнаго, теперь нельзя найти въ Сумароковѣ ни поэтическаго дарованія, ни артистическаго такта: его оды, равно какъ легкія стихотворенія, комедіи и трагедіи, были рабскими подражаніями, или даже просто передѣлками и переводами, французскихъ писателей того времени; (его истори-

ческія и философскія сочиненія не имѣютъ никакого значенія;) лишь его сатиры, въ которыхъ онъ подъ часъ ѣдко нападаетъ на невѣжество, дворянскую снѣсь, канцелярское лихоимство, являютъ въ немъ писателя, проникнутаго жизненнымъ интересомъ, могущимъ интересовать и насъ. — Вотъ три такихъ отрывка изъ сатиръ Сумарокова :

Невѣжда говоритъ : я помню чей я внукъ ,
По дѣдовски живу, не надобно наукъ :
Пускай убытчатся уча ребятокъ моты ,
Мой мальчикъ не ученъ, а въ тѣжъ пойдетъ ворота.
На что мнѣ, чтобы знать чужихъ народовъ нравы ,
Или вперяться въ чужіе языки ?
Какъ будто безъ того ужъ мы и дураки !

Дворяня безъ меня свой долгъ довольно знаютъ ;
Но многіе одно дворянство вспоминаютъ ,
Не помня, что отъ бабъ рожденных и отъ дамъ ,
Безъ исключенія всѣмъ праотецъ Адамъ.
На толь дворяня мы чтобъ люди работали ,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали ?
Какое барица различье съ мужикомъ ?
И тотъ , и тотъ земли одушевленный комъ.
И если не ясный умъ барскій мужикова ,
Такъ и различія не вижу никакова.
Мужикъ и пьетъ и ѣстъ , родился и умереть ,
Господскій такъ же сынъ, хотя и слаще жреть ,
И благородіе свое нерѣдко славить ,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ.
Ахъ , должно ли людьми скотинѣ обладать ?
Не жалколь ? можетъ быкъ людей быку продать ?

На то ли обществу имѣть судей злочинныхъ ,
Дабы законами губить имъ невинныхъ ?
Я взяткамъ предпочту бездѣльникову кражу :

Ему не ввѣрило отечество суда,
И честныхъ онъ людей не судить никогда.

О слогъ его даже Мерзляковъ, называющій Сумарокова «геніемъ», отзывается весьма не лестно, соглашаясь что «причиною упадка трагедій Сумарокова, есть устарѣлый языкъ и не благородство разговора, который часто бываетъ ниже комическаго». Вотъ извѣстный монологъ Гамлета «To be, or not to be»:

Постой! великое днесь дѣло предлежитъ :
Мое сей тѣло часъ съ душою раздѣлить.
Отверзть ли гроба дверь и бѣдствы окончати ?
Или во свѣтъ семъ еще претерпѣвати ?
Когда умру — засну, засну и буду спать,
Но что за сны сія ночь будетъ представлять ?
Умреть и внити въ гробъ — спокойствіе прелестно,
Но что послѣдуетъ сну сладку? неизвѣстно!
Мы знаемъ, что судить намъ щедро Божество...
Надежда есть — духъ бодръ — но слабо естество...
О смерть, послѣдній часъ, минута прелютѣйша!
Послѣдняя напасть, но всѣхъ напастей злѣйша!
Воображеніе мучительное намъ,
Неизреченный страхъ отважнѣйшимъ сердцамъ!
Единымъ именемъ твоимъ вся плоть трепещетъ
И отъ пристанища опять въ валы отмещетъ.
Но еслибы въ бѣдахъ здѣсь жизнь была вѣчна,
Кто бъ не хотѣлъ имѣть сего спокойна сна?
И кто бы могъ снести злосчастія, гошеня,
Болѣзни, нищету и сильныхъ нападеня,
Неправосудіе безсовѣстныхъ судей,
Грабежъ, обиды, гнѣвъ, невѣрности друзей,
Вліянный ядъ въ сердца великихъ лъсти рѣчами,
Когда бъ мы жили въ вѣкъ и скорбь жила вѣкъ съ нами?
Во обстоятельствахъ такихъ намъ смерть нужна.
Но, ахъ! во всѣхъ бѣдахъ еще страшна она...
И какъ ты, естество, суровствамъ подчиняешся!
Страшна... Но весь сей страхъ пройдетъ мгновенно!...

Мой разумъ естество почти превозмогло....

О долгъ! о красота! о сколь терпѣть мнѣ зло!

Я горести своей вдаюся безразсудно....

Не можно вообразить, какъ мнѣ терпѣти трудно ...

— Именно, языкъ Сумарокова причиною, что его сочиненія, при отсутствіи литературнаго достоинства, могутъ быть теперь доступны лишь изучающимъ серьезно отечественную литературу; но не могутъ быть даже и предметомъ любопытства читателей, ищущихъ въ чтеніи непосредственнаго интереса, кромѣ сатиръ и мелкихъ сатирическихъ сочиненій, ярко характеризующихъ духъ времени и современныя понятія.

ПЕТРОВЪ. ХЕРАСКОВЪ. КНЯЖНИНЪ.

Недавно еще съ Ломоносовымъ неразлучно соединялись Сумароковъ и Херасковъ для образованія тріумвирата лирической, драматической и эпической поэзии. Но такая параллель рѣшительно не имѣетъ основанія, если разсматривать Ломоносова какъ отца русской литературы во всѣхъ родахъ, и тріумвиратъ такой гораздо основательнѣе можетъ быть составленъ изъ трехъ современниковъ — послѣдователей Ломоносова и Сумарокова: *Петрова* — лирика исключительно, *Хераскова* — преимущественно эпика и *Княжнина* — драматурга.

Петровъ своей одой на карусель, во время коронаціи Екатерины II въ Москвѣ, приобрѣлъ извѣстность императрицы и былъ покровительствуемъ Потемкинымъ, считаясь по службѣ придворнымъ библіотекаремъ. Можетъ быть, эти самыя обстоятельства дали направленіе его стихотворству: онъ писалъ *торжественныя оды*, каковы — «На взятіе Очакова», «На взятіе Измаила», «На побѣду російскаго флота надъ турецкимъ», «Плачь на кончину князя Потемкина», «Плачь и утѣшеніе Россіи императору Павлу I» по случаю смерти Екатерины II и «Торжественное вънчание и помазаніе на царство Павла I.» — Сверхъ того онъ перевелъ съ латискаго: *Виргиліеву «Энеиду»* и съ англійскаго *Мильтоновъ «Потерянный рай.»* — *Мерзляковъ*, также по преданію какъ *Сумарокова*, превозноситъ и *Петрова*, называя его «стихотворцемъ-философомъ», а его оды «прекрасными», отличающимися «полнотою мыслей сильныхъ и краткихъ» и даже о языкѣ ихъ говорить, что «есть цѣлыя оды, написанныя гладкими, гармоническими стихами!» — Нѣтъ, у *Петрова* нельзя найти не только цѣлой оды, выдержанной по мыслямъ и по слогу, но и нѣсколькихъ сряду строкъ безукоризненныхъ: мысли его постоянно натянуты, слогъ напыщенъ и некстати загроможденъ гиперболами, метафорами; эстетическаго вкуса нѣтъ и слѣда. — Вотъ, для образца нѣсколько строкъ изъ лучшей оды его «На побѣду російскаго флота надъ турецкимъ»:

О радость ! торжество ! о слава нашихъ дней ,
Безмрачныхъ съ красотой сравнившася лучей !
Полночны Тифисы , защитники Россіи ,
Летятъ среди валовъ ! гремящи въ облакахъ

Перуны въ ихъ рукахъ ;

Послушны имъ стихи !

Преходятъ морь стези , гдѣ кроется ихъ врагъ !
Очами ищутъ , гдѣ турецкій вѣтъ флагъ .
Нашли , обрадуясь , пустились , полетѣли !
Всѣхъ руки на ударъ простерты , взнесены ,

Всѣ гнѣвомъ разжены ;

Постигли , загремѣли !

Я зрю плывущихъ Этихъ побѣдоносный строй ,
Какъ ихъ ведетъ морямъ незнаемый герой !

Ихъ парусы — крыль , ихъ мачты — лѣсъ дремучій !

Вдругъ ступягъ , вдругъ блеснуть ! вновь грянуть , вновь грозятъ .

И идутъ и разятъ ,

Какъ громомъ тяжки тучи .

.....
Что тако озаренъ средь темной ночи понтъ ?
Не фебъ ли ускорилъ взлетѣть на горизонтъ ?
Нѣтъ — вижу — метятъ врагамъ разгнѣванные Россы !
Ихъ это , ихъ горятъ торжественны огни !

Севана ! встань , взгляни ,

Какъ гибнуть чалмоносцы !

Тамъ портъ выѣстилице неизреченныхъ мукъ ;
Тамъ сѣра , огонь , смола , смрадь дыма , вопль и звукъ ;
Реветь разинувъ тамъ рокъ челюсти песыты ,
Геенна носится по холодной быстринѣ ,

Мянутся въ глубинѣ

Встревоженные киты .

Клокочетъ , какъ котель , вздымаясь океанъ ,
Багрѣетъ , аки кровь , весь трупами устанъ !
Ихъ жретъ , мутясь , волна , ихъ жретъ свирѣпый пламень !
Возхитивъ сѣрный прахъ въ воздушную страну .

Бросаетъ вдругъ ко дну

Какъ олово , какъ камень !

О горькихъ сонмъ смертей ! о грозный лютый часъ !
Тамъ всѣ стихи вдругъ... прерви свой , муза , гласъ !
И страшный адъ , гдѣ твой и смертныхъ врагъ страдаетъ ,
Скорѣй завѣсою молчанія закрой .

— Гречъ имѣлъ полное право сказать о Петровѣ въ своихъ «Чтеніяхъ о русекомъ языкѣ»: ¹⁾ «Современники читали его стихи, какъ лучшія произведенія своего времени; нѣкоторые вздыхали о Ломоносовѣ, другіе отдавали пальму первенства Петрову, но потомство, неумолимое и почти всегда справедливое, его забыло. Имя Петрова встрѣчается въ учебникахъ, раздается въ классахъ, повторяется рабски, но кто изъ незанесенныхъ литераторовъ помнитъ хоть одну его оду, одну строфу, одинъ стихъ?»

Херасковъ — кураторъ московскаго университета, ревнитель просвѣщенія и трудолюбивый литераторъ, подвизавшійся на поприщѣ русской словесности во всѣхъ родахъ ея какъ стихотворецъ и какъ прозаикъ. — Стихами написалъ онъ: *оды* — *духовныя, торжественныя и похвальные, нравоучительныя, анакреонтическія*; *духовную поэму* «Вселенная»; *дидактическую поэму* «Плоды наукъ»; *эпическія поэмы* — «Россіяда», и «Владиміръ»; *лироэпическую* «Чесменскій бой»; *стихотворныя повѣсти* — «Пилгримы, или искатели счастія», «Царь, или спасенный Новгородъ», «Бахаріана или неизвѣстный», «Селимъ и Селима»; *трагедіи* — «Венеціанская монахиня», «Пламена», «Мартезія и Фалестра», «Бориславъ, царь Богемскій», «Идолопоклонники, или Горислава», «Юліанъ отступникъ», «Освобожденная

¹⁾ Ч. I, стр. 269 — 270.

Москва», «Цидъ, передѣланная изъ Корнеля»; *комедію* «Непавистникъ». — Въ прозѣ имѣемъ отъ него : *драмы* — «Другъ несчастныхъ», «Гоимые», «Милена» (съ пѣснями), «Школа добродѣтели», «Извинительная резвость»; *романы* — «Кадмъ и Гармонія», «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи», «Нума Помпилій, или просвѣщенный Римъ»; сверхъ того при первомъ изданіи «Россіады» находится его *разсужденіе* «Взглядъ на эпическія поэмы». Онъ издавалъ и *журналы* : «Певниное упражненіе», «Полезное увеселеніе и Свободные часы».

Изъ произведеній его пайбольшимъ почетомъ въ свое время и долго послѣ еще пользовались его эпическія поэмы «Россіада» и «Владиміръ»; извѣстно четырестишіе Дмитріева :

Пускай отъ зависти сердца въ Зоилахъ поютъ ;
Хераскову они вреда не нанесутъ :
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Но очарованіе современное прошло вмѣстѣ съ своей эпохой, да и критика, которая по преданіямъ своей школы судила о поэмахъ Хераскова, съ измѣненіемъ направленія искусства, утратила для нашего времени свой авторитетъ : и вотъ источникъ тѣхъ строгихъ порицаній, которымъ подверглись поэмы Хераскова въ наше время, вмѣсто прежнихъ похвалъ, которыми ихъ осыпали. — Чтобъ имѣть безпристрастную точку взгляда на поэмы Хераскова, должно, мимо историческаго отношенія ихъ къ своему или нашему вре-

мени, разсматривать ихъ лишь теоретически по отноше-
 нию къ теоріи, къ которой они принадлежать : эта
 теорія, какъ извѣстно, есть такъ называемая клас-
 сическая теорія, извлеченная Аристотелемъ изъ Го-
 мера и узаконенная новымъ поэтическимъ кодексомъ
 Боало. — Чтожъ такое *эпопея*, какъ она суще-
 ствуетъ во всѣхъ литературахъ? — Это повѣство-
 ваніе въ поэтической формѣ событія, интереснаго въ
 жизни какого нибудь народа, или человѣчества. —
Предметы эпопей Гомеровыхъ : «Илліады» — война
 Троянская, «Одиссеи» — возвращеніе одного изъ ге-
 роевъ, участвовавшихъ въ этой войнѣ, на родину,
 послѣ чего началась новая блистательная эпоха гре-
 ческой цивилизаціи; «Виргиліева Энеида» имѣетъ
 своимъ предметомъ основаніе новой державы въ
 Италіи, гдѣ процвѣлъ вѣчный Римъ; Луканова «Фар-
 салада» воспѣваетъ побѣду Цезаря надъ респуб-
 ликанскою партіей, послужившую началомъ всемірнаго
 величія римской имперіи; Тассовъ «Освобожденный
 Іерусалимъ» изображаетъ возвращеніе святаго го-
 рода, гдѣ находится гробъ Господень, изъ рукъ
 невѣрныхъ, во время перваго крестоваго похода;
 Камоэнсова «Лузіады» описываетъ открытіе порту-
 гальцемъ Васкою де Гамой пути въ Восточную Индію;
 Вольтерова «Генріада» имѣетъ своимъ героемъ побѣ-
 дителя внутреннихъ междоусобій во Франціи Ген-
 риха IV. Такъ и предметы эпическихъ поэмъ Хер-
 раскова, «Россіады» — покореніе царемъ Іоанномъ IV
 Казани, столицы царства монголовъ, подъ двухъ-

сотлѣтнимъ владычествомъ которыхъ степала Россія; «Владимира» — просвѣщеніе Россіи божественнымъ свѣтомъ вѣры христіанской. — *Дѣйствіе* въ эпопеи есть достиженіе героемъ цѣли своей посредствомъ преодоленія встрѣчающихся ему препятствій: такіа препятствія въ эпопеѣ языческой зависятъ отъ воли боговъ, вмѣшивающихся въ дѣла человѣческія; отсюда беретъ свое начало и чудесное эпопей христіанскихъ: разумѣется, здѣсь то, что въ древнихъ эпопеяхъ было проявленіемъ національнаго вѣрованія, въ новыхъ эпическихъ поэмахъ является только подражаніемъ, выполняющимъ законы теоріи древней классической эпопеи. Такъ, герои Гомера совершаютъ свои подвиги при содѣйствіи боговъ, которымъ приписались ежедневно жертвы въ храмахъ греческихъ; такъ и Виргилій, — столько же по условіямъ своего религіознаго вѣрованія, сколько и съ цѣлью политическою — показать въ лицѣ Августа верховное орудіе божественныхъ судебъ, предназначенныхъ искони римской имперіи, и возвеличить національность римскую родствомъ съ божествами греческими, — употребляетъ эти божества дѣйствующими лицами вмѣстѣ съ его героями, также божественнаго происхожденія; Луканъ же, избравъ предметомъ своей эпопеи событіе близкое современной ему эпохѣ, и при томъ по духу философін, въ которой воспитанъ, устранилъ боговъ, подчинивъ своихъ героевъ вліянію рока, и ограничивъ чудесное предвѣщаніями, гаданіями, снами; у Камюэнса хри-

стіанскія вѣрованія смѣшаны съ міѳологією и его Португальцы, плывущіе въ Индію съ цѣлью распро-
страненія христіанства, покровительствуемы Афродитой, которой противоборствуетъ Вакхъ, въ совѣтѣ же боговъ, по этому случаю, Юпитеръ объявляетъ торжество христіанства надъ магометанствомъ; у Тасса, въ борьбѣ христіанъ съ невѣрными за обладаніе Іерусалимомъ, ангелы помогаютъ первымъ а демоны вторымъ, посредствомъ адскихъ чаръ, разсѣваемыхъ небесными чудесами; у Вольтера явля-
ются, какъ дѣйствующія аллегорическія существа, Вражда, Злоба, Любовь и проч. Въ *изложеніи* эпическомъ господствуетъ непосредственное отношеніе къ напрасу и музѣ пѣснопѣвія. — Херасковъ шелъ по той же колѣѣ, и его эпическія поэмы вѣрны классической теоріи эпоса и ея образцамъ. «Россіяда» — какъ уже замѣчено выше — имѣетъ предметомъ покореніе Казани: юный царь Іоаннъ IV, погруженный въ пѣгу и праздность, видитъ во снѣ убійскаго татарамъ Александра Тверскаго, укоряющаго его и указывающаго ему достойное его назначеніе; Іоаннъ, по молитвѣ съ Адашевымъ у гроба Св. Сергія, обновляется духовно и, послѣ совѣта въ Думѣ, выступаетъ съ войскомъ изъ Москвы въ походъ; въ то же время, въ Казани, вдовствующая царица Сумбека, желая вновь сочетаться бракомъ, вопрошаетъ на гробницѣ своего супруга Сафгирея, тѣмъ котораго совѣтуетъ ей избрать супругомъ своимъ царя Алея, а между тѣмъ Алея, въ обвороченномъ лѣсу

встрѣчаясь съ Сумбекой, чувствуетъ къ ней страсть; Іоаннъ, вошедши съ своимъ войскомъ въ предѣлы казанскіе, терпитъ бѣдствія зноя, голода, жажды, по дѣйствию адскихъ духовъ, которые, побораая за невѣрныхъ, вооружаютъ противъ него самыя стихіи: здѣсь свиданіе Іоанна съ старцемъ Вассіаномъ, который читаетъ ему книгу судебъ; зной умѣряется, сосѣдніе съ Казанью народы присоединяются къ русскимъ, между обожателями Сумбеки происходятъ междоусобія, наконецъ они погибаютъ, Алей же спасается бѣгствомъ, казанцы выдаютъ Сумбеку, которую встрѣчаетъ въ Свияжскѣ Іоаннъ; по Казань, правимая Эдигеромъ, готовится къ отраженію: возникаетъ съ одной стороны ожесточенное нападеніе, съ другой стороны упорное сопротивленіе; между тѣмъ чародѣй Нигринъ наводитъ на Казань зиму, которая препятствуетъ осадѣ, но Іоаннъ повелѣваетъ воздвигнуть хоругвь и зима прекращается; наконецъ устроенный подкопъ зажигается и городская стѣна летитъ на воздухъ: во время пѣнія божественной литургіи, русскіе берутъ Казань; Іоаннъ создаетъ въ Казани храмъ Богу истинному. — Если здѣсь главные характеры — Іоанна, Сумбеки и Алея неудовлетворительны; то за то второстепенные — Адашевъ, Курбскій и Гирей являются въ яркомъ свѣтѣ ихъ нравственной доблести. — Также и въ отношеніи исполненія; если цѣлое эпопеи не выдержано, то за то есть весьма замѣчательныя частности: напримѣръ, рѣчи Св. Александра Іоанну (п. I), Іоанна въ Думѣ

(п. II), Адашева (п. VII), Палецкого (п. XI). — Въ поэмѣ «Владимиръ», герой ея послѣ явленія надъ Кіевомъ Животворящаго Креста, озаряется благоговѣйнымъ желаніемъ креститься: здѣсь возникаютъ препятствія въ противодѣйствіи духа тьмы посредствомъ чаръ волхва Зломира, который побѣждается благословеніемъ Св. Апостола Андрея — благовѣстника Евангелія въ Россіи. Въ этой, какъ и въ первой поэмѣ, таже невыдержанность въ цѣломъ, и также прекрасныя частности; напримѣръ — обращеніе Владимира (п. VII), сказаніе святаго мужа Кира о жизни загробной (п. VIII), видѣніе Св. Ольги (п. XV), крещеніе Владимира и просвѣщеніе Россіи (п. XVI). — Въ обѣихъ поэмахъ, встрѣчаются не избѣжныя, какъ и въ другихъ эпопеяхъ, обращенія къ музѣ, къ бореямъ, зефирамъ, нимфамъ, паядамъ, граціямъ и къ парнасу. — Такимъ образомъ, эпическія поэмы Хераскова, разсматриваемыя какъ произведенія искусства, вѣрные той теоріи искусства, къ которой принадлежатъ, получаютъ настоящее свое значеніе и имѣютъ свое достоинство.)

Изъ трагедій его «Венеціанская монахиня», особенно же «Освобожденная Москва», имѣли огромный современный успѣхъ: въ послѣдней впервые на сценѣ нашей явились имена Минина, Пожарскаго, повторенные потомъ Крюковскимъ и Кукольниковъ. Послѣ первыхъ представленій «Освобожденной Москвы», Херасковымъ прибавленъ былъ въ заключеніе пьесы патріотическій хоръ, возбуждавшій «ура!», оглашавшее

театръ. Императоръ Павелъ пожаловалъ автору за эту пьесу драгоценный подарокъ, и, бывая въ театрѣ, повторялъ : «спасибо, спасибо, старику!»¹⁾ Комедія его «Ненавистникъ» заимствована изъ Мольерова «Мизантропа»; вотъ какъ герой ея Змѣядъ говоритъ о своихъ агентахъ, разсѣвающихъ сплетни и клевету :

Не впрямь ли думаютъ, что я имъ вѣрный другъ ?
Мнѣ надобны они для маленькихъ услугъ ,
Не сходныхъ съ честностью, съ самымъ людскимъ закономъ ;
Я съ ними обхожусь , какъ-будто-бы съ лимономъ :
Сокъ выжму изъ него — бросаю за окно !
Что дружба, что лимонъ, по моему, одно !

— Стихи эти заставляютъ жалѣть, что Херасковъ ограничился одной этой комедіей.

Что касается до языка въ произведеніяхъ Хераскова, то стихи его гораздо выше прозы : прозаическій слогъ его драмъ и романовъ, не только не соотвѣтствуетъ этого рода произведеніямъ словесности, но и самъ по себѣ тяжелъ и грубъ; стихи же его, если въ эпопеяхъ слишкомъ однообразны и потому утомительны, за то въ одахъ, большею частію, правильны и благозвучны, въ трагедіяхъ же и комедіяхъ гораздо превосходятъ стихи Сумарокова.)

Князюшкинъ, драматургъ, написалъ стихами :
6 трагедій — «Дидона», «Титово милосердіе», «Рос-

¹⁾ Воспоминаніе о М. М. Херасковѣ, какъ о драматическомъ писателѣ — Макарова, въ Репертуарѣ русскаго театра, 1845 г.

лавъ», «Владиссанъ», «Владиміръ и Ярополкъ» «Софонисба»; ¹⁾ 4 комедіи — двѣ стихами «Хвастунъ» и «Чудаки» и двѣ прозой «Неудачный примиритель, или безъ обѣду домой поѣду» и «Трауръ, или утѣшенная вдова»; 5 оперъ — «Сбитеньщикъ», «Несчастіе отъ кареты», «Скупой», «Притворно-сумасшедшая», «Мужья-женщи своихъ женъ»; мелодраму «Орфей»; кромѣ того написаны были имъ нѣсколько стихотвореній, басень, двѣ рѣчи, говоренныя имъ въ академіи художествъ и въ кадетскомъ корпусѣ; да сверхъ того «Отрывки изъ риторики» и «Отрывокъ толковаго словаря».

Большая часть его пьесъ, были, въ первый разъ, представлены на придворномъ театрѣ императрицы Екатерины II, въ ея присутствіи : любимой пьесой ея была опера «Несчастіе отъ кареты»; трагедія же «Титово милосердіе» написана Княжнинымъ въ три недѣли, въ слѣдствіе желанія императрицы видѣть на сценѣ римскаго Тита, хотя эта пьеса заимствована изъ Метастазія, но нельзя не замѣтить въ ней нѣкоторыхъ мѣстъ, относившихся къ Екатеринѣ, — на примѣръ эти слова въ устахъ римскаго народа, обращенныя къ Титу :

Чѣмъ болѣ кто на тронѣ человекъ,
Тѣмъ болѣ тотъ богамъ подобенъ.

¹⁾ «Вадимъ, князь новгородскій,» трагедія Княжнина, неизвѣстная при жизни его и напечатанная уже по смерти его, не вошла въ собраніе его сочиненій; осталась лишь рецензія Клушина въ Санктпетербургскомъ Меркуріи, часть III (см. «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, житрополита Евгенія,» т. I, стр. 291).

Сенатъ опредѣляетъ поднести Титу отъ имени народа названіе отца отечества и посвятить ему храмъ; Титъ отрицается отъ этой чести и въ отвѣтъ своимъ говоритъ :

Не смѣю титломъ толь священнымъ украшаться,
Доволенъ, если могъ то ими заслужить.

.....
Да будетъ храмъ мой — Римъ, алтарь — сердца гражданъ.

Императрица Екатерина наградила автора за эту пьесу драгоценнымъ подаркомъ и пьеса эта повторяема была часто, особенно поддерживаемая игрою Дмитревскаго. — Особенно же имѣла успѣхъ изъ трагедій Княжнина «Рославъ», за которую былъ вызванъ авторъ восхищенными зрителями, но по скромности не явился, а за него благодарилъ публику Дмитревскій : это былъ первый вызовъ драматическихъ авторовъ, съ тѣхъ поръ вошедшій въ обычай. — Драматическія сочиненія Княжнина, — какъ и тестя его Сумарокова, — были подражанія или передѣлки, а иныя и просто переводы, изъ Корнеля, Расина, Вольтера, Метастазія, Мольера, Бамарше, Детуша, Реньяра. Его комедіи и оперы болѣе свободны чѣмъ трагедіи, будучи выраженіемъ современныхъ нравовъ : и въ этомъ отношеніи онѣ имѣютъ теперь для насъ непосредственный интересъ, тогда какъ трагедіи составляютъ только историческую принадлежность нашей литературы. Лучшая его комедія, безспорно, «Чудаки»: главное лице въ ней Лентягинъ — характеръ оригинальный, выдержанный

съ начала до конца : въ основѣ этаго характера есть черты, могущія имѣть примѣненіе во всякое время. Какая тонкая иронія въ этихъ наивныхъ словахъ его въ послѣднемъ явленіи пьесы :

Отмѣнной мудрости отборная семья,
Подымаемъ дурости людскія мы на шутки,
И дома у себя растопчемъ предрасудки;
Въ тулупахъ, въ колпакахъ, мы вѣкъ златой введемъ.

Исключительныя сцены, гдѣ обрисовывается этотъ характеръ : дѣйствіе I явленіе 1, д. III я. 4 и д. IV я. 4 и 5. — Въ Лентягиной предвидится Простакова. — Вѣтромахъ и Пріятъ — живые портреты своего времени. У перваго

весь умъ въ Французскихъ лишь словахъ,
Въ помадѣ и духахъ и пудрѣ благовонной.

Другой пародируетъ

проказы времена аркадскихъ пастушковъ.

Какъ интересна сцена его съ слугой своимъ Пролозомъ! Мечтая о будущемъ счастьи съ своей любезной, онъ говоритъ : —

И такъ, уже могу ту сладость воображать,
Какъ буду я всегда у ногъ ея вздыхать,
На мякенькихъ лугахъ между цвѣтовъ у рѣчки,
Пасутся издали невинны гдѣ овечки...

Пролозъ.

Охъ! загоните вы овечекъ вашихъ въ клѣвъ,
И выдѣте изъ земли бездѣлицъ и романовъ.
Не стыдноль вамъ, сударь, въ тотъ часъ пасти барановъ,
Какъ надо дѣйствовать, — будь сказано не въ гнѣвъ.

Не менѣе интересна и слѣдующая сцена Вѣтромаха съ его слугой Высоносомъ (д. III я. 1). — Пьеса заключается этими замѣчательными словами, произносимыми Пролазомъ, смастерившимъ свадьбу барина своего Пріята съ дочерью Лентягина — Улинькой :

Окончивъ дѣло я теперь могу смѣяться
Всѣмъ этимъ чудакамъ... Поймай, Пролазъ !
И оберни-ка ты на всѣхъ свой строгій глазъ ,
А пуще на себя... не станешь забавляться ,
Увидишь , ежели не слишкомъ ты дуракъ ,
Что всякой , много ли , иль мало , но чудакъ ;
И глупость предстоитъ при каждомъ рожденіе ,
Намъ всѣмъ дурачиться даетъ благословеніе .

— А сколько , и въ этой и въ другихъ пьесахъ Княжнина, есть сценъ истинно комическихъ ! Таковы въ «Чудакахъ», — сцена представленія сватомъ Трусиномъ жениховъ (д. III я. 6 и 7) , весьма напоминающая подобную сцену въ «Женитьбѣ» Гоголя ; сцена Улиньки съ Пріатомъ при посредствѣ служанки Марины и Пролаза (д. IV я. 10 и 11) ; дуэль двухъ слугъ — Высоноса и Пролаза (д. IV я. 12) ; забавная сцена ссоры двухъ стихотворцевъ Тромпетина и Свирѣлкина (д. V я. 5). Въ «Хвастунѣ», напримѣръ , сцены безстыднаго хвастовства Верхолета (д. II я. 4 и 7), — такъ напоминающаго Хлеstackова и подобныя сцены въ Гоголевскомъ «Ревизорѣ»; или сцены Верхолета съ Замиромъ (д. IV явлен. 5). Въ «Неудачномъ примирителѣ» сцена между господиномъ Кутерьмой и госпожею Кутерьмой (д. II я. 1) и послѣдняя этой пьесы. Въ «Траурѣ»

развязка пьесы (д. II съ явленія 3 до конца). — А вотъ и рѣзкія черты современныхъ слабостей и пороковъ! Простодумъ, дядя Верховлета, откровенно признается : —

Три тысячи скопилъ я дома лѣтъ въ десятокъ,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людьми.

(Хвастунъ, д. I, я. 5).

Верхолетъ говоритъ Чванкиной, за дочь которой, Милену, сватается безуспѣшно :

Однако слышала я, что вашу дочь прельстили.

П о л и с т ъ.

Какъ видно, то съ пути ее романы сбили.

Ч в а н к и н а, съ сердцемъ.

Романы!... я ее поотучу отъ нихъ!
Романы!... слушаться такихъ людей дурныхъ!
А гдѣ они живутъ? и гдѣ она видалась?
Марина, отъ тебя и дочь избаловалась.

М а р и н а.

Клянуся, у меня такихъ знакомцевъ нѣтъ.

(Хвастунъ, д. II, я. 7).

Трусимъ рассказываетъ, какимъ образомъ онъ оглохъ и переломилъ ногу : —

У милостивца мѣ Андроса то случилось :
Въ тотъ разъ чихнувъ платокъ изволилъ уронить.
Обрадовавшись, я вдругъ низко поклонился;
И, чтобъ въ усердіи другихъ опередить,
Какъ самый быстрый конь платокъ поднять пустился;
Полъ гладокъ былъ какъ ледъ; я какъ то зацѣпился,
И ногу повредилъ, ударившись вискомъ.
Былъ долго боленъ я; съ тѣхъ поръ и глухъ и хромя.

Л е н т я г и н ъ .

О , низость !

Т р у с и м ъ .

Склизость ? да и полъ былъ вытертъ воскомъ .

Л е н т я г и н ъ .

Я низость говорю .

Т р у с и м ъ .

Хоть низко я упалъ ,

Но я разшился весь на этомъ мѣстѣ плоскомъ .

(Чудаки, д. II, я. 4).

Пролазъ такъ обрисовываетъ ябедника — отставнаго судью :

Онъ въ ябедѣ себѣ находитъ содержанье ,

Изъ одного въ другой переходя приказъ .

Иной ему дастъ хлѣбъ , мясо , соль , указъ ;

Иной вино , его нужнѣйше пропитанье .

(Чудаки, д. IV я, 1).

Пролазъ совѣтуетъ ему — какъ единственное средство для удаленія соперника — «подстеречь его и сшибти съ сѣдла», — а онъ отвѣчаетъ :

Чрезъ драку не введу души моей въ лабеть .

Чтобъ я дрался , того въ судахъ вы не найдете ,

А многожды былъ битъ и бралъ съ того доходъ .

П р о л а з ъ .

Да кто же говоритъ , чтобъ вамъ подраться ?

Законами къ нему вы можете придраться .

(тамъ же , я. 2).

Далѣ онъ говоритъ тоже :

Побои и толчки умѣю переплавить
Я въ злато и серебро...

(тамъ же, д. V я. 7).

Стихотворный языкъ въ комедіяхъ Княжнина гораздо чище и легче нежели въ трагедіяхъ; по проза его свободнѣе стиховъ. Есть, впрочемъ, одно изъ мелкихъ его стихотвореній, подъ заглавіемъ «Исповѣданіе жеманихи, посланіе къ сочинителю былей и небылицъ», весьма замѣчательное, какъ по своему остроумному содержанію, такъ и по игривой пріятной формѣ, напоминающей «Сенсаціи мадамъ Курдюковой».

БОГДАНОВИЧЪ. ХЕМИНЦЕРЪ. АБЛЕСИМОВЪ.

Въ то время какъ словесность наша, подъ непосредственнымъ вліяніемъ французской, имѣя дѣло съ олимпомъ, парнасомъ и древними героями, какъ-то чуждалась земли, людей и современности, стихами только *пѣла*, а прозой *спичала*, свое же родное, если и бывало предметомъ ея вниманія, то не смѣло показываться иначе какъ въ чужомъ нарядѣ, и вдругъ являются три произведенія, рѣзко отличившіеся своимъ духомъ и формой отъ всего имъ предшествовавшего : это «Душенька» *Богдановича*, «Басни» *Хемницера* и «Мельникъ» *Аблесимова*. Здѣсь есть любопытное сближеніе обстоятельствъ. Всѣ эти три произведенія

явились въ одно время : дѣйствительно, первыя изданія « Душеньки » Богдановича и « Басень » Хемницера принадлежать къ 1778 году, а первое представленіе « Мельника » Аблесимова было въ 1779 году. Два изъ этихъ писателей были воспитанниками двухъ корифеевъ нашей словесности того времени : Богдановичъ жилъ въ домѣ Хераскова и воспитывался подъ его руководствомъ въ московскомъ университетѣ ; Аблесимовъ жилъ въ домѣ Сумарокова и занимался переписываніемъ его сочиненій ; Хемницеръ былъ родомъ нѣмецъ и предоставленъ самому себѣ. Два изъ этихъ писателей писали немного : Хемницеръ, кромѣ басень, сочинилъ трагедію « Бланка », которая, однакожъ, не была представлена, и перевелъ « Леманово кобальтословіе »¹⁾. Аблесимовъ, прежде « Мельника », писалъ басни и сказки ; а послѣ « Мельника », написалъ оперу « Счастье по жеребью » и прологъ — діалогъ « Странники », для открытія московскаго петровскаго театра²⁾. Богдановичъ же писалъ болѣе : прежде « Душеньки » онъ сочинилъ поэму « Сугубое блаженство », перевелъ Вольтеру оду « На разрушеніе Лиссабона », « Вертотову исторію перемѣнъ въ Римѣ » и « Пѣснь Екатерины II Микель-Анджелло Джіанотти » (за которую былъ представленъ императрицѣ), да сочинилъ « Историческое изображеніе Россіи » ; послѣ же « Душеньки »,

¹⁾ Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія, т. II, стр. 235.

²⁾ „Аблесимовъ,“ соч. Макарова, въ Репертуарѣ русскаго театра 1841 г.

написалъ лирическую комедію «Радость Душеньки» и драму «Славяне», а также, по порученію Екатерины II, издалъ «Собраніе русскихъ пословицъ»; сверхъ того онъ былъ издателемъ журналовъ «Невпипное увеселеніе» и «Санктпетербургскій Вѣстникъ». — Но все это остается лишь архивною принадлежностью нашей литературы; между тѣмъ какъ «Душенька», «Басни», «Мельникъ» могутъ быть причислены къ капитальнымъ приобрѣтеніямъ нашей литературы. По этому то онъ и оцѣнены не въ свое время, а гораздо позже : такъ, «Душенька» Богдановича, впервые представлена въ надлежащемъ свѣтѣ Карамзиннымъ, въ 1803 году, въ его «Вѣстникѣ Европы»; «Басни» Хемницера не замѣчены во время ихъ появленія, и публика, равно какъ и критика, гораздо позже обратили на нихъ свое вниманіе; «Мельникъ» Аблесимова, имѣвшій сначала успѣхъ, скоро однакожъ, наскучилъ своими мужиками тогдашнимъ именитымъ любителямъ драматическаго искусства, избалованнымъ французскимъ театромъ. — Но сѣмя было брошено, — и оно принесло плодъ свой во время свое...

«Душенька» Богдановича, будучи въ свое время явленіемъ необыкновеннымъ, останется навсегда въ нашей литературѣ памятникомъ дарованія оригинальнаго уже потому, что Богдановичъ умѣлъ выйти изъ обыкновенной коленъ стихотворцевъ, а его поэзія впервые заговорила у насъ на такой ладъ :

О ты, пѣвецъ боговъ,
Омиръ, отецъ стиховъ,
Двойчатыхъ, мѣрныхъ, стройныхъ,
И къ пѣнію пристойныхъ!

Прости вину мою,
Коль выкройкою словъ себя не беспокою
И мѣрныхъ пѣсней здѣсь порядочно не строю.
Доволенъ мыслию простою,
Черты, безъ ровныхъ стопъ, по вольному покрою,
На разный образецъ крою,
И малой мѣры, и большія,
И часто рѣзны холостыя,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ,
Свободно ставлю на концахъ.
А естли отъ того устану,
Безтрудно и отважно стану,
Забывъ чернилъ и перьевъ страхъ,
Забывъ сатиръ и критикъ грозу,
Писать безъ рѣзъ, нѣ просто въ прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою;
Но чтобъ въ часы прохладъ, веселья и покоя,
Пріятно разсмѣялась Хлоя.

Издравле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,
На вѣчну память ихъ именъ,
Воспѣли Душеньку, и въ прозѣ и стихами,
Другимъ языкомъ съ нами.

Въ сей повѣсти они
Острѣйшимъ разумомъ пріятности явили;
Перомъ ихъ, кажется, что граціи водили,
Иль сами граціи писали то одни.
Но если подражать ихъ слогу невозможно,
Потщусь за ними въ слѣдъ, хотя въ чертахъ простыхъ.
Тому подобно тѣмъ представить осторожно
И въ повѣсть иногда вмѣстить забавный стихъ.

Какъ подражаніе сказкъ Лафонтена, заимствованной
имъ у Апулея, «Душенька» также обнаруживаетъ
въ Богдановичѣ дарованіе оригинальное насколько

онъ успѣлъ это подражаніе сдѣлать произведеніемъ самостоятельнымъ, придавъ ему колоритъ національный. — Но народность наша, скользящая мимоходомъ въ сказкѣ Богдановича, гораздо яснѣе проявляется въ басняхъ Хемницера — писателя, съ талантомъ еще болѣе оригинальнымъ и самобытнымъ. Оригинальность эта обнаруживается въ двухъ существенныхъ качествахъ, отличающихъ басни Хемницера: это его простодушіе — искреннее, а потому и увлекательное, и при томъ игра ума чисто русскаго, облеченнаго и въ русскую рѣчь; (здѣсь то впервые зардѣлась свѣтлая заря нашей народности, просіявшая яркимъ солнцемъ въ басняхъ Крылова... Сравнивая переводныя басни Хемницера (каковы, напримѣръ: — «Медвѣдь плясунъ», «Зеленый осель», «Лисица и со-рока», «Счастливое супружество», «Перенелка и крестьянинъ», «Усмирительный способъ», «Воля и неволя», «Стрѣлка часовая», «Стряпчій и воры», «Орлы», «Дѣлежъ львиной»); съ оригинальными (напримѣръ: «Метафизикъ», «Буквы», «Привиллегія», «Поборъ львиной», «Левъ свать», «Осель, приглашенный на охоту», «Лѣстница», «Два богача», «Левъ, учредившій совѣтъ», «Тѣнь мужа и Харонъ», «Друзья», «Чужая бѣда») — нельзя не признать, что первыя, будучи переводы лишь по мысли и по содержанию, заимствованнымъ у Лафонтена, Геллерта и другихъ, по выраженію и колориту чисто самобытныя произведенія; равно вторыя не уступаютъ образцовымъ авторитетамъ, какъ художественною выдер-

жанностию въ цѣломъ, такъ и прекрасными частностями.
Вотъ, напримѣръ, двѣ оригинальныя басни Хемпшера :

ЛЕВЪ , УЧРЕДИВШІЙ СОВѢТЪ .

Левъ учредилъ Совѣтъ какой-то неизвѣстно ,
И посади въ него сочленами Слоновъ ,
Прибавилъ больше къ нимъ Ословъ .
Хотя Слонамъ сидѣть съ Осами и невмѣстно ,
Но Левъ не могъ того числа Слоновъ набрать ,
Какому надлежало
Въ Совѣтъ засѣдать .
Ну , чтожь ! пускай числа всего бы не достало ,
Вѣдь это-бъ не мѣшало
Дѣла производить ?
Нѣтъ ! какъ-же ? А уставъ ужли переступить ?
Хоть будь Ослы судьи , лишь счетомъ бы ихъ стало .
А сверхъ того , какъ Левъ Совѣтъ сей учреждалъ ,
Онъ этакъ разсуждалъ
И все надеждой льстился :
Что умъ Слоновъ
На разумъ наведетъ Ословъ .
Однако , какъ Совѣтъ открылся ,
Дѣла совѣтъ другимъ порядкомъ потекли :
Ослы Слоновъ съ ума свели .

ДРУЗЬЯ .

Давно я зналъ , и вновь опять я научился ,
Чтобъ другомъ никого , не испытать , не звать .
Случилось мужику чрезъ ледъ переѣзжать ,
И возъ его сквозь ледъ , къ несчастью , провалился .
Мужикъ метаться и кричать :
« Ой , батюшки ! тону , тону ! Ой , помогите ! »
— « Ребята ! что же вы стоите ?
Поможемъ-те » , одинъ другому говорилъ ,
Кто вмѣстѣ съ мужикомъ въ одномъ обрѣзѣ былъ .
« Поможемъ » ! каждой подтвердилъ ;

Но къ возу , между тѣмъ , никто не подходилъ .
А должно знать , что всѣ одной деревни были ,
Друзьями межъ собою слыли ,
Не разъ , за братское здоровье , вмѣстѣ пили ;
А сверхъ того , между собой ,
Для утвержденія ихъ дружбы круговой ,
Крестами даже помѣнялись .
Другъ друга братомъ всякъ зоветъ —
А братнїй возъ ко дву идетъ !
По счастью мужика , стороннїе сбѣжались ,
И вытащили возъ на ледъ .

Еще ярче высказывается наша народность въ комической оперѣ Аблесимова «Мельникъ». — Дѣло очень просто : Филимонъ любить Анюту, Анюта любитъ Филимона; отецъ ея Анкудинъ желаетъ выдать дочь свою за мужика, а мать Фетинья за дворянина; парень и дѣвка обращаются къ мельнику Фадѣю, который, по народному предразсудку, что мельники знаютъ съ домовыми, слыветъ колдуномъ; мельникъ устраиваетъ свадьбу, увѣряя отца, что женихъ — мужикъ, а мать, что онъ дворянинъ : да какъ же это ? спрашиваютъ они; и вотъ онъ поетъ пѣсню, въ которой разгадывается загадка : —

На Руси у насъ давно :
Самъ помѣщикъ , самъ крестьянинъ ,
Самъ холопъ , и самъ бояринъ ;
Самъ и пашетъ , самъ оріотъ ,
И съ крестьянъ оброкъ беріотъ .

Это знайте ;
Это знайте ,
Не вступайте ,
Больше въ спорецъ .
Ево знаютъ ,
Называютъ ,
Одюдворецъ !...

Но дѣло не въ сюжетѣ, а въ изложеніи : прислушайтесь къ языку дѣйствующихъ лицъ, взгляните въ образъ ихъ мыслей, — и вы увидите, что это настоящая наша Русь — не подмалеванная, но списанная живьемъ съ натуры... Судите же, какой эффектъ могла произвести эта картина, выведенная на сцену въ то время, когда публика знала лишь подрумяненныхъ и подбѣленныхъ Оронтовъ, Криспиновъ, Финетъ, и тому подобныхъ. — Еще замѣчательны въ этой оперѣ пѣсни, напримѣръ : «Кто умѣетъ жить обманомъ», «Вотъ спюю какую пѣсю», «Ахъ начтожъ было, ахъ къ чему жъ было».

ДЕРЖАВИНЪ. ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

Изъ всѣхъ литературныхъ именъ, принадлежащихъ вѣку Екатерины и Ломоносовскому періоду нашей литературы, рѣзко выдвигаются впередъ, по обширному самобытному своему значенію въ исторіи нашей литературы, два писателя, которыми, безспорно, она можетъ гордиться : это *Державинъ* и *Фонъ-Визинъ*. Оба они пользовались большою славою въ свое время, оба они неотъемлемо сохранили этотъ авторитетъ свой въ исторіи нашей литературы, оба

они были, какъ нельзя болѣе, вѣрны духу своего времени, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оба они глубоко проникнуты были духомъ своенароднымъ, хотя и не достигшимъ въ ихъ произведеніяхъ полнаго проявленія. Вотъ ихъ сходства, но здѣсь же и ихъ разница — какъ въ отношеніи предмета и направленія ихъ литературной дѣятельности и собственнаго ихъ значенія, такъ и въ отношеніи ихъ литературнаго вліянія: одинъ изъ нихъ стихотворецъ, другой прозаикъ; первый лирикъ, второй драматургъ: Державинъ, будучи избраннымъ поэтическимъ гениемъ въ самыхъ исполненныхъ размѣрахъ, своими дивными созданіями не оставилъ, однакожъ, никакого слѣда въ нашей литературѣ, Фонъ-Визинъ, какъ писатель драматическій съ особеннымъ сатирическимъ направленіемъ, немногими своими произведеніями внесъ плодотворное вліяніе въ нашу литературу, а чрезъ нее въ нашу общественность; по отношенію же ихъ обоихъ къ предшествовавшей литературѣ, Державинъ былъ прямой наслѣдникъ Ломоносова, Фонъ-Визинъ — Кантемира.

Державинъ ¹⁾, по происхожденію своему русскій дворянинъ, родился въ Казани: есть преданіе, что первымъ младенческимъ лепетомъ его было слово *Богъ*, и одно изъ первыхъ свободныхъ движеній руки

¹⁾ Ключъ въ сочиненіяхъ Державина, изданный Остолоповымъ. Спб. 1822. — Объясненія къ сочиненію Державина, имъ самымъ диктованія, изданныя Львовымъ. Спб. 1831. —

младенца Державина было указаніе на комету, появившуюся въ 1744 году, въ который прибыла принцесса Ангальтъ-Цербская, въ послѣдствіи императрица Екатерина II. — Сначала воспитывается онъ въ оренбургской частной школѣ пѣмца Розе: потомъ въ казанской гимназій, подѣ дирекцію Веревкина, читаетъ Ломоносова, Сумарокова, Тредьяковского, и пятнадцати лѣтъ пишетъ стихи, романы, сказки, подражая читаннымъ образцамъ, но все это уничтожаетъ не показывая никому даже и школьнымъ своимъ товарищамъ. Записанный кондукторомъ въ инженерный корпусъ, онъ, по прибытіи въ Петербургъ, переведенъ рядовымъ въ преображенскій полкъ: замѣчательно, что будущій бардъ вѣка Екатерины стоялъ на часахъ въ петергофскомъ дворцѣ, въ ту самую ночь, когда послѣдовало ея возшествіе на престолъ, также присутствовалъ и при ея коронаціи въ Москвѣ. — Живя въ Петербургѣ, въ полковыхъ казармахъ, онъ продолжалъ читать книги, попадавшіяся ему подѣ руку и писать стихи единственно для себя на разные случаи. (и здѣсь — какъ самъ говоритъ — «правила поэзіи [почерпалъ изъ сочиненій Тредьяковского, а въ выраженіяхъ и слогѣ старался подражать Ломоносову.» —) Съ полученіемъ офицерскаго чина, ему было болѣе досужно читать и писать: онъ переводилъ съ нѣмецкаго, подражалъ Гагедорну, Клейсту, Захаріи, Галлеру, и перевелъ двѣ пѣсни «Мессіады» Клопштока. Въ это время (1772 г.) въ періодическомъ изданіи Рубана

«Старина и Новизна» въ первый разъ былъ напечатанъ его переводъ прозою Овидіевой героиды, «Вивлида къ Кавну»). Затѣмъ, подъ начальствомъ генералъ-аншефа Библикова, онъ находился въ экспедиціи противъ Пугачева: здѣсь онъ въ торжественной рѣчи и въ письмѣ отъ имени казанскаго предводителя выражаетъ императрицѣ благодарность казанскаго дворянства, къ которому и самъ принадлежалъ, за ея монаршее вниманіе, и потомъ отличается также и мечемъ какъ перомъ; возвратившись, онъ переведенъ былъ въ сенатъ подъ начальство кн. Вяземскаго. Помѣщая все написанное имъ въ то время въ «Санктпетербургскомъ вѣстникѣ», издававшемся подъ редакціею Брайко, онъ сдѣлалъ (въ 1779 г.) первое собраніе нѣсколькихъ своихъ сочиненій и переводовъ прозой и стихами, подъ названіемъ «Четалагайскихъ одъ», названныхъ такъ, потому, что они писаны въ таратовской губерніи при горѣ Четалагай. — Съ этого времени начинается новый періодъ литературной его дѣятельности, въ который, онъ, по собственному его выраженію, «избралъ совершенно особый путь, преводимый наставленіями Батте». Въ самомъ дѣлѣ, съ слѣдующаго года (1780 г.), — въ который написана имъ ода «На смерть кн. Мещерскаго», и во время заутрени, въ свѣтлое воскресенье, въ дворцовой церквѣ, возникла первая идея оды «Богъ», — начинается рядъ тѣхъ капитальныхъ произведеній Державина, которыми онъ стяжалъ себѣ бессмертную славу. Такъ, чрезъ годъ

послѣ (1782), написана имъ «Фелица», напечатанная, мимо вѣдома Державина, княгинею Дашковою (въ 1783 г.), въ издававшемся ею, подъ руководствомъ императрицы Екатерины, «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова»: императрица, до глубины души растроганная искренностію обращенія къ ней поэта, пожелала видѣть того, «кто бы могъ такъ хорошо знать ее»; Державинъ былъ награжденъ императрицею, представленъ къ двору и здѣсь начинается новая эпоха жизни Державина: онъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Олопецкѣ, откуда переведенъ въ Тамбовъ; прослуживъ пять лѣтъ, два года былъ въ отставкѣ, потомъ опредѣленъ статсъ-секретаремъ при императрицѣ, за тѣмъ сенаторомъ и президентомъ коммерческой коллегіи; при императорѣ Павлѣ I сдѣланъ государственнымъ казначеемъ; а при императорѣ Александрѣ I, годъ находился министромъ юстиціи. — Девятнадцати лѣтъ поступивъ на службу отечеству, шестнадцати лѣтъ прослуживъ на поприщѣ воинскомъ и двадцать шесть лѣтъ на поприщѣ гражданскомъ, онъ остальныя тринадцать лѣтъ доживаетъ то въ своемъ сельскомъ уединеніи Званкѣ, то въ С.-Петербургѣ, гдѣ въ домѣ его собиралась такъ называвшаяся *бесѣда любителей русскаго слова*.

Такова жизнь поэта Державина, какъ человѣка, имѣвшая непосредственное отношеніе къ его поэзій.

Обращаясь же къ поэтической характеристикѣ Державина, нельзя не видѣть въ немъ — какъ уже замѣчено выше — прямаго преемника Ломоносова: не

даромъ онъ постоянно читалъ къ нему благоговѣйную память и называлъ себя его ученикомъ. Дѣйствительно, по историческому значенію Ломоносова и Державина, какъ поэтовъ національных, они находятся между собою въ ближайшемъ отношеніи. Ломоносовъ, какъ христіанинъ, былъ постоянный провозвѣстникъ небесныхъ истинъ и святыхъ чувствъ; какъ русскій, онъ былъ пѣвецъ современной ему исторической славы своего отечества; но преимущественно задушевными думами его были — великій герой Россіи Петръ и науки, которыхъ Ломоносовъ былъ представителемъ. Петромъ посаженный и лелѣемый державною дочерію его — покровительницею Ломоносова. Такъ и Державинъ, то проникается религіознымъ восторгомъ, или въ божественномъ откровеніи находитъ утѣшеніе отъ скорбей сердечныхъ и успокоеніе отъ волненій душевныхъ, то славить современные ему блистательные подвиги русскаго оружія; то воспѣваетъ Екатерину II — учредительницу благоустроенной гражданственности въ отечествѣ, и свою покровительницу. — Но это лишь виѣшняя относительная сторона поэзіи Державина; что касается до того, что принадлежитъ безотносительно самому Державину и составляетъ внутреннюю сущность его поэзіи, это — непосредственное увлеченіе его духомъ своего времени и вмѣстѣ кровное родство его съ своенароднымъ духомъ: здѣсь поэзія его пріобрѣтаетъ тотъ жизненный характеръ, который отличаетъ ее отъ кабинетной поэзіи Ломоносова и даетъ

надъ нею важное преимущество. — Какъ *лирикъ* вообще, онъ въ своихъ произведеніяхъ проявилъ все четыре рода ея, представителями которыхъ — Пиндаръ, Анакреонъ, Гораций, Овидій. — Вотъ данныя, на основаніи которыхъ могутъ быть обобщаемы произведенія Державина, составляющія драгоценное сокровище отечественной литературы.

Выше сказано, что славная извѣстность Державина приобрѣтена имъ его безсмертною «Фелицей», поправившеюся императрицѣ за ея искренній тонъ. Да еслибы даже ода эта не имѣла своего непосредственнаго поэтическаго достоинства, то уже она имѣетъ сама по себѣ великое значеніе, какъ благородный голосъ поэта-подданнаго къ своей монархинѣ, какъ вѣрное изображеніе Екатерины Великой, какъ яркая картина современныхъ общественныхъ нравовъ. Поэтому, хотя «Фелица» слишкомъ извѣстна всѣмъ грамотнымъ людямъ на Руси: но, въ слѣдствіе предположеннаго направленія этого *очерка русской словесности*, заключающаго въ себѣ *фактическое изложеніе отечественной словесности*, поэма Державина, — составляющая, по отношенію къ поэтической личности творца, драгоценное свидѣтельство, по предмету и содержанію своему монументальный документъ, не только въ исторіи нашей литературы, но и въ исторіи нашей гражданственности, какъ художественное же произведеніе неразрывное цѣлое, — должна быть представлена здѣсь вполнѣ.

ОДА ПРЕМУДРОЙ КИРГИЗЪ-КАЙСАЦКОЙ ЦАРЕВИЦЪ ФЕЛИЦЪ.

написанная иѣкоторымъ татарскимъ мурзою, издавна въ Москвѣ поселившимся и живущимъ въ С.-Петербургѣ, перепадъ ея арабскаго языка ¹⁾.

Богopodobная Царевна
 Киргизъ-Кайсацкія орды,
 Которой мудрость несравненна
 Открыла вѣрные слѣды
 Царевичу младому Хлору
 Взойти на ту высоку гору,
 Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
 Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
 Она мой духъ и умъ плѣняетъ:
 Подай, найди ея, совѣтъ.

Подай, Фелица! наставленіе,
 Какъ пышно и правдиво жить,
 Какъ укрощать страстей волненіе,
 И счастливымъ на свѣтѣ быть?
 Меня твой голосъ возбуждаетъ,
 Меня твой смѣхъ препровождаетъ;
 Но имъ послѣдовать я слабъ:
 Мятясь житейской суетою,
 Сегодня властвую собою,
 А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
 Почасту ходишь ты иѣшкомъ,
 И лица самая простая
 Бываетъ за твоимъ столомъ;
 Не дорожа твоимъ покоемъ,
 Читаешь, пишешь предъ палатомъ,

¹⁾ Подъ такимъ заглавіемъ была первоначально напечатана „Фелица“. — Здѣсь подъ именемъ киргизской царицы Фелицы представлена императрица Екатерина. Извѣстно, что она сочинила сказку о Царевичѣ Хлорѣ, котораго Фелица, то-есть богиня счастья, сопровождала на гору, гдѣ растетъ роза безъ шиповъ, и была путеводительницею Хлора въ храмъ добродѣтели. Авторъ имѣлъ свои деревни въ оренбургской губерніи, въ сосѣдствѣ киргизской орды, которая числится въ подданствѣ Россіи. (См. примѣч. 2 къ „Фелицѣ“, Смирн. изд. соч. Державина, т. I)

И всѣмъ изъ своего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь ;
Подобно въ карты не играешь ,
Какъ я , отъ утра до утра ;

Не слишкомъ любишь маскарады ,
А въ клубъ не ступишь и ногой ;
Храня обычаи , обряды ,
Не донкишотствуешь собой ;
Коня парнасека не сѣдлаешь ,
Къ духамъ въ собранье не вѣзжаешь ,¹⁾
Не ходишь съ трона на востокъ ;
Но , кротости ходя стезею ,
Благотворящею душою ,
Полезныхъ дней проводишь токъ .

А я , проспавши до полудни ,
Курю табакъ и кофе пью ;
Преображая въ праздникъ будни ,
Кружу въ химерахъ мысль мою :
То плѣнъ отъ персовъ похищаю ,
То , стрѣлы къ туркамъ обращаю ;
То , возмечтавъ , что я султанъ ,
Вселенну устрашаю взглядомъ ;
То вдругъ прельщаяся нарядомъ ,
Скачу къ портному по кафтанъ ;

Или , въ пиру я пребогатомъ ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ ,
Гдѣ блещетъ столъ серебромъ и златомъ ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ —
Тамъ славный окорокъ вестфальской ,
Тамъ звеня рыбы астраханской ,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ ,
Шампанскимъ вафли запиваю ,
И все на свѣтъ забываю
Средь винъ , сластей и ароматъ ,

¹⁾ Разумѣется масонская ложа. (См. примѣч. 5).

Или, средь рошцы прекрасной
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь, —
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердце ей любовь;

Или, великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Или съ красавицей какой,
Я подъ качелями гуляю;
Въ шинки пить меду заѣжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Нмѣя шашку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгуиѣ;

Или, музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или, кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ,
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту,
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или, надъ певскими брегами,
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ;

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ пей на голубятню лажу;
То въ жмурки рѣвнимся порой;
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся,
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю :

Полкана и Бову читаю ,
За Библией , зѣвая , сплю .

Таковъ , Фелица , я развратенъ !
Но на меня весь свѣтъ похожъ .
Кто сколько мудростью ни знатенъ ,
По всякій человекъ есть ложъ .
Не ходимъ свѣта мы путями ,
Бѣжимъ разврата за мечтами .
Между лентяемъ и брюзгой¹⁾ ,
Между тщеславья и порокомъ ,
Нашель кто развѣ не нарокомъ
Путь добродѣтели прямой ?

Нашель : но лѣзя ль не заблуждаться
Намъ , слабымъ смертнымъ , въ семъ пути ,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ въ слѣдъ страстямъ идти ;
Гдѣ намъ ученые невѣжды ,
Какъ мгла у путниковъ , тмятъ вѣжды ;
Вездѣ соблазнъ и лѣсть живетъ ;
Нашей всѣхъ роскошь угнѣтасть ,
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растеть ?

Тебѣ единой лишь пристойно ,
Царевна ! свѣтъ изъ тмы творить ;
Дѣля хаосъ на сѣеры стройно ,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить ;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать .
Такъ кормщикъ , черезъ понтъ плывущій ,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій ,
Умѣетъ судномъ управлять .

¹⁾ Всѣ это намѣки на прихоти, привычки, образъ жизни Потемкина, Орлова, Нарышкина, Вяземскаго. (См. примѣчанія 6, 7, 8, 9, 10, 11 къ „Фелицѣ“, въ Смирдин. изданіи, сочиненій Державина, 1847, т. I).

Едина ты лишь не обидишь ,
Не оскорбляешь никого ;
Дурачества сквозь пальцы видишь ;
Лишь зла не терпишь одного ;
Проступки снисхожденьемъ правишь ;
Какъ волкъ овецъ , людей не давишь , —
Ты знаешь прямо цѣну ихъ :
Царей они подвластны волѣ ,
Но Богу правосудну болѣ ,
Живущему въ законахъ ихъ .

Ты здраво о заслугахъ мыслишь :
Достойнымъ воздаешь ты честь ;
Пророкомъ ты того не числишь ,
Кто только ризы можетъ плести .
А что сія ума забава ,
Калифовъ добрыхъ честь и слава ,
Снисходишь ты на лирный ладъ :
Поэзія Тебѣ любезна ,
Пріятна , сладостна , полезна ,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ .

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ ,
Что ты ни мало не горда ,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда ;
Что ты въ напастяхъ равнодушна ,
А въ славѣ такъ великодушна ,
Что отеклась и Мудрой слыть .
Еще же говорить не ложно ,
Что будто завсегда возможно ,
Тебѣ и правду говорить .

Неслыханное также дѣло ,
Достойное тебя одной ,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ , и въявь , и подъ рукой ,
И знать и мыслить позволяешь ,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить :
Что будто самымъ крокодиламъ ,

Твоихъ всѣхъ милостей Зоиламъ ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О , коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей ,
Гдѣ ангелъ кроткій , ангелъ мирный ,
Скрытый въ свѣтлости порфирной ,
Съ небесъ низпосланъ скиптръ носить !
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ ,
И казни не боясь , въ объѣдахъ
За здравіе царей не пить ;

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить ,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить ;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парять ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарять ,
Не щолкаютъ въ усы вельможъ ;
Князя насѣдками не клохчутъ ,
Любимцы вѣявъ имъ не хохочутъ ,
И сажей не мараютъ рож¹⁾.

Ты вѣдаешь , Фелица ! правы
И человѣковъ и царей :
Когда ты просвѣщаешь нравы ,
Ты не дурачишь такъ людей ;
Въ твои отъ дѣлъ отдоховенья ,
Ты пишешь въ сказкахъ поученья ,
И Хлору въ азбукѣ твердишь :
« Не дѣлай ничего худова , —
И самаго сатира злова
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь ».

Стыдишься слыть ты гѣмъ Великой
Чтобъ страшной , не любимой быть ;

¹⁾ Относится къ прежнимъ временамъ и, между прочимъ, къ извѣстной свадьбѣ князя Голицына, въ царствование Анны Іоанновны. (См. примѣч. къ „Фелицѣ“ 14 и 15)

Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горлчкѣ бѣдства,
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ какъ Богъ.

Фелицы слава — слава Бога,
Который брани умирить,
Который сира и убога
Покрываетъ, одѣваетъ и накормить;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ дарить,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоить, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творить;

Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ,
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и пряхать, и шить;
Развязывая узы и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить³⁾;

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ. —
Вѣщай, премудрая Фелица!
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?

³⁾ Все это относится къ государственнымъ распоряженіямъ, къ благолемию народному, въ царствованіе императрицы Екатерины II. (См. примѣч. къ „Фелицѣ“ 17, 18, 19, 20, 21 и 22).

Заслуга хлѣбъ себѣ находить ?
Гдѣ мечь не гонить никого ?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ ? —
У трона развѣ твоего !

Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мирѣ !
Гдѣ , вѣгвъ небесная , цвѣтешь ?
Въ Багдадѣ ? Смирнѣ ? Кашемирѣ ?
Послушай , гдѣ ты ни живешь :
Хвалы мои тебѣ примѣга ,
Не мни , чтобъ шапки , иль бешмета ,
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство ,
Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго Пророка :
Да праха ногъ твоихъ коснусь !
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья насладюсь !
Небесныя прошу я силы ,
Да ихъ простря сафиры крылы ,
Невидимо тебя хранить
Отъ всѣхъ болѣзней , золь и скуки !
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки ,
Какъ въ небѣ звѣзды , возблестятъ !

Извѣстно, что чрезъ нѣсколько дней по напечатаніи «Фелицы» въ «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова», Державинъ, обѣдая у начальника своего князя Вяземскаго, получилъ принесенный почталіономъ пакетъ съ надписью : «Изъ Оренбурга отъ Киргизской царевны къ мурзѣ», въ которомъ находилась золотая табакерка , осыпанная бриліантами и въ ней 500 червонцевъ. — Между тѣмъ княгиня Дашкова дала знать Державину, что ода его поднесена императрицѣ

и приказала представить сочинителя. Вотъ что говоритъ самъ Державинъ объ этомъ представленіи въ «Объясненіяхъ», диктованныхъ имъ племянницѣ своей Львовой: «Авторъ представленъ былъ императрицѣ въ воскресенье, въ кавалергардской комнатѣ, при множествѣ зрителей. Государиня, подойдя къ нему, въ нѣсколькихъ шагахъ остановилась и, окинувъ автора быстрымъ взоромъ, подала наконецъ ему руку. Сего величественнаго взора авторъ не могъ забыть никогда.» — Поэтъ выразилъ признательность свою державной покровительницѣ одою «Благодарность Фелицѣ». — Но «Фелица», доставивъ Державину громкую извѣстность, вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила противъ него зависть и злобу: инымъ странно было, что экзекуторъ сената отважился такъ смѣло подойти къ престолу владычицы полсвѣта, которая такъ милостиво и любезно приняла безвѣстнаго стихотворца; другимъ досадно было, что домашнія ихъ дѣла выводились наружу меткою сатирой поэта; третьи находили въ нелицемѣрномъ обращеніи Державина къ императрицѣ, лестъ выскочки, желающаго пробить себѣ дорогу къ почестямъ; да и сама императрица намекала, что пѣвецъ слишкомъ ее хвалить... Это вызвало у Державина эти энергическіе стихи въ одѣ его «Видѣніе мурзы», которыми она оканчивается:

Возможно ль, кроткая царевна!
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему

И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту,
За каждую мысль, за каждый стихъ,
Отвѣтствовать лихому свѣту,
И отъ сатиръ считаться злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не деруть его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидить;
Иному — очень своевольно
Съ тобой мурза твой говорить;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленіе,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеніи
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ;
Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ анбаровъ
Тебѣ наряды я крою;
Но, вѣнцепосна добродѣтель!
Не лести я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты. —
Я пѣлъ, пою, и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;

Какъ солнце , какъ луну , поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ ;
Превознесу тебя , прославлю ;
Тобой безсмертенъ буду самъ !

И поэтъ остался вѣренъ своему обѣту : онъ продолжаетъ славить свою Фелицу, и такъ рисуетъ портретъ ея устами ея самой («Изображеніе Фелицы») : —

•Я счастья вашего искала
И въ васъ его нашла я вамъ :
Ставъ сами вы себѣ послушны ,
Живите . славьтесь въ мой вѣкъ ,
И будьте столь благополучны ,
Колико можетъ человѣкъ .

•Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя , цѣнить ,
Не въ рабствѣ , а въ подданствѣ числить ,
И въ ноги мнѣ челомъ не бить ;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять ,
Читать и знать мои законы ,
И въ нихъ ошибки замѣчать ;

•Даю вамъ право собираться ,
И въ Думахъ золото конить ,
Ко мнѣ послами отправляться
И не всегда меня хвалить :
Даю вамъ право безпристрастно .
Въ судьи другъ друга выбирать ,
Самимъ дѣла свои всевластно
И начинать и окончать¹⁾ .

•Не воспрещу я стихотворцамъ
Писать и челуху и лесть ,
Халдеямъ . новымъ чудотворцамъ ,

¹⁾ Относится къ правамъ сословій , дарованнымъ въ царствованіе императрицы Екате-
рины II и государственнымъ ея мѣрамъ . (См. примѣч. къ „Изобр. Фелицы“ 11, 12, 13, 15 101)

Махать съ духами, пить и ѣсть;
Но я во всемъ что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть;
Великолѣпно и спокойно
Мои благодѣянья лить.

За годъ до кончины императрицы Державинъ поднесъ ей собраніе своихъ сочиненій съ «Приношеніемъ», въ заключеніи котораго онъ выражается :

И алчный червь когда, межъ гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глотать :
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою, — твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

Но — какъ самъ Державинъ говорить — это «названіе Фелицы, употребляемое авторомъ въ забавныхъ сочиненіяхъ, другіе стихотворцы уже употребляли во всякихъ сочиненіяхъ, гдѣ было какое нибудь отношеніе къ государынѣ»; а потому онъ воспѣваетъ день рожденія императрицы стихотвореніемъ «На рожденіе царицы Гремиславы» (надписанномъ Л. А. Нарышкину) : оно начинается любимымъ изреченіемъ Екатерины II : «Живи и жить давай другимъ»; оканчивается же этой прекрасной строфой :

Въ цвѣтахъ другой нѣтъ розы въ мірѣ¹⁾ :
Такой царицы міръ не зреть !

¹⁾ „Поляки, по возвращеніи изъ Варшавы, выбили въ семь году медаль, на одной сторонѣ которой изобразили портретъ императрицы, а на другой розу съ иглами и съ надписью : „Благоухаетъ и страмнѣтъ“. (Примѣч.).

Любовь и власть въ ея порфирѣ
Благоухаетъ и страшить.
Такъ знаетъ царствовать искусство
Лишь въ Гремиславѣ — Божество.

Это былъ, однакожъ, послѣдній день рожденія императрицы : тогожъ года ее не стало , и бардъ ея гласить въ «Надгробной» :

Россія! се Екатерина,
Владичица твоя и мать!
Ея вселенной половина
Души невозмогла вмѣщать.
Се въ гробъ образецъ царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о ней.

Таковы были отношенія поэзи Державина къ императрицѣ Екатеринѣ II! Кромѣ личныхъ признательныхъ чувствъ къ своей благотворительницѣ, онъ, какъ русскій, очами всей Россіи, видѣлъ въ ней истинную мать отечества, какъ человѣкъ, сочувствовалъ въ ней святому человѣчеству на правленію, характеризовавшему ея царствованіе, служившее довершеніемъ царствованія Петра I. — Державинъ сознавалъ и этотъ прекрасный историческій союзъ великаго героя сѣвера съ сѣверной героиней, воздвигшею ему въ созданной имъ столицѣ достойный его памятникъ, и одинъ изъ первыхъ патриотическихъ пѣснопѣній своей лиры онъ посвящаетъ «Петру Великому» и его «Монументу». — Вотъ нѣсколько отѣвъныхъ строкъ изъ первой пьесы, въ которой такъ типически возсозданъ имъ неподражаемый прототипъ гласа и гласія и гениальнѣйшаго властителя народовъ :

Какъ Богъ , великимъ провидѣньемъ ,
Онъ все собою озиралъ ;
Какъ рабъ , несмысленнымъ раченьемъ ,
Онъ все собою исполнялъ.

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ ;
Звучать доднесъ по свѣту звуки ,
Какъ онъ съкирой ударялъ.

Владыка будучи полсвѣта ,
Герой въ поляхъ и на моряхъ ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.

Монархамъ возвращалъ короны ,
Законы подданнымъ писалъ ;
Что должны дѣлать миллионы ,
Собой всѣмъ образъ подавалъ.

Поднесъ вселенну изумляетъ
Величіе его чудесъ ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ :
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ ?

— Созданная Петромъ русская армія , рассчитавшись съ героемъ шведскимъ на поляхъ полтавскихъ за урокъ въ военномъ искусствѣ , въ царствованіе же дщери Петра Елисаветы помѣнявшись силами съ героемъ прусскимъ , въ царствованіе Екатерины II и преемника ея Павла I. ознаменовала себя безпре-

рывнымъ рядомъ побѣдоносныхъ торжествъ, при внукѣ же ея Александрѣ I сокрушила мощь всемірнаго завоевателя. Какъ русскій, Державинъ съ любовію слѣдитъ современные ему успѣхи русскаго оружія, съ начала до конца своего поприща. Кому не извѣстны его оды : «На пріобрѣтеніе Крыма», «Осень во время осады Очакова», «На шведскій миръ», «На взятіе Измаила», «На взятіе Варшавы», «На покореніе Дербента», «Орелъ», «На побѣды въ Италіи», «На переходъ альпійскихъ горъ», «На выступленіе корпуса гвардейскаго въ походъ», «На миръ 1807 года», «На побѣду подъ Люцинымъ», «На побѣду при Лейпцигѣ», «На покореніе Парижа», «На торжество, бывшее въ Санктпетербургѣ 18 марта 1816 г.», «Гимнъ лироэпическій на прогнаніе Французовъ изъ отечества». — И въ какихъ величественныхъ образахъ представляетъ поэтъ военачальниковъ, воиновъ и ихъ доблестныя дѣянія!

Идутъ — какъ въ тучахъ скрыты громы,
Какъ двинуты безмолвны холмы;
Подъ ними стонъ, — за ними дымъ.

Идутъ въ молчаніи глубокомъ;
Во мрачной, страшной тишинѣ;
Собой пренебрегаютъ, рокомъ;
Зарница только въ вышинѣ
По ихъ оружію играетъ,
И только ихъ душа сіяетъ,
Когда на бой, на смерть идетъ.
Ужъ блещутъ молніи крылами,
Ужъ осыпаются громами;
Они молчатъ, идутъ впередъ.

Не бардъ ли древній , изступленный ,
Волшебнымъ ихъ ведетъ жезломъ ?
Нѣтъ ! свѣше пастырь вдохновенный
Предъ ними идетъ со крестомъ ;
Вѣнцы нетлѣнны общаетъ ,
И кровь пролить благословляетъ
За честь , за вѣру , за царя ;
За нимъ вождей рядъ предъ полками ,
Какъ бурныхъ дней предъ облаками ,
Идетъ огнистая заря .

Такъ идутъ русскіе къ твердынямъ измаильскимъ...
И предъ всесокрушительными громами ихъ падаютъ
эти твердины, — и русскіе входятъ въ Измаиль : —

Представъ : по свѣтлости лазуря ,
По наклоненію небесъ ,
Взошла чернобагрова буря
И грозно возлегла на лѣсъ ;
Какъ страшна ночь , надулась чревомъ ,
Дохнула съ свистомъ , воемъ , ревомъ ,
Помчала воздухъ , прахъ и листъ ;
Подъ тяжкими ея крылами
Упали кедры вверхъ корнями ,
И затрещалъ Ливанъ кремнистъ .

Представъ послѣдній день природы ,
Что пролилася звѣздъ рѣка ;
На огонь пошли стѣною воды ,
Бугры взвились на облака ;
Что вихри тучи къ тучамъ гнали ,
Что мракъ лишь молнии освѣщали ,
Что громъ потрясъ всемірну ось ,
Что солнце мглою покровенно ,
Ядро казалось раскаленно :
Се видъ . какъ вшелъ въ Измаиль Россъ !

Это ода , или , лучше сказать , поэма , заключается

преlestнымъ изображеніемъ славной памяти падшихъ
за отечество :

А слава тѣхъ не умираетъ ,
Кто за отечество умеръ :
Она такъ въ вѣчности сіяетъ ,
Какъ въ морѣ ночью лунный свѣтъ.
Временъ въ глубокомъ отдаленіи
Потомство тѣхъ увидитъ тѣни ,
Которыхъ мужественъ былъ духъ.
Съ гробовъ ихъ въ души огонь полется ,
Когда по рощамъ раздается ,
Безсмертной лирой дѣлъ ихъ звукъ .

А какая величественная картина покоренія Варшавы : —

Пошелъ , — и гдѣ тристаты злобы ?
Чему коснулся , все сразилъ !
Поля и грады стали гробы ;
Шагнулъ — и царство покорилъ !
О , Россѣ ! о , подвигъ исполина !
О , всемогущая жена !
Безсмертная Екатерина !

Полсвѣта очертилъ блистающій вашъ мечъ ;
И славы громъ ,
Какъ шумъ морей , какъ гулъ воздушныхъ споровъ ,
Изъ дола въ доль , съ холма на холмъ ,
Изъ дебри въ дебрь , отъ рода въ родъ ,
Прокатится , пройдетъ ,
Промчится , прозвучитъ ,
И въ вѣчность возвѣститъ ,
Кто быль Суворовъ !

Въ поэтическихъ своихъ сочувствіяхъ Державинъ не
пропускаетъ также ни одного торжественнаго случая

царствующаго Дома : между такими одами его особенно замѣчательны, относящіяся къ блаженной памяти императору Александру Благословенному (сравните «На рожденіе въ сѣверѣ пофиророднаго отрока» съ одой «На возшествіе на престолъ Александра I») и ода по случаю крещенія нынѣ благополучно-царствующаго Императора Николая I, предвозвѣстившая великую судьбу поворожденнаго : —

Родителямъ по крови,
По сану — исполнѣ;
По благости, любви,
Полсвѣта Властелинѣ;
Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душей Екатеринѣ равенъ!

— Но въкъ Екатерины былъ, по преимуществу, въ-комъ героическимъ : сѣверная героиня была окружена героями, между которыми въ исполнискихъ образахъ рисуются гомерическія личности Потемкина и Суворова. Державинъ, при жизни Потемкина, изображаетъ его въ одахъ «Рѣшмыслу», «Анакреонъ въ собраніи», кончину же его оплакиваетъ дивнымъ своимъ созданіемъ «Водопадъ» : —

Чей трупъ, какъ на распутыи игла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Двѣ лепты покрываютъ очи,
Прижаты къ холодной груди персты,
Уста безмолвуютъ отверсты! ¹⁾

¹⁾ Относится къ подробностямъ скоропостижной кончины кн. Потемкина, 5 октября 1791 г. на дорогѣ изъ Яссы въ Николаевъ. (См. примѣч. къ „Водопаду“ 15 и 16).

Чей одръ — земля; кровь — воздухъ синь;
Чертоги — вокругъ пустыни виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Внезапно палъ среди степей?

Не ты ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмъ музъ, другъ Аполлона,
На полѣ Марса вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ — хотя и не въ порфирѣ?

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознестъ твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древнѣй Римъ стоялъ,
И всей вселенной колесалъ?

Не ты ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустыни
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрывъ понть черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами?

Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ русской силъ,
Стихиі самую пожать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой? ¹⁾

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
Парящій замыслами умъ!

¹⁾ Разумѣются подвиги князя Потемкина, какъ новороссійскаго генералъ-губернатора и какъ военачальника. (Примѣч. 17, 18, 19).

Не шель ты средь путей извѣстныхъ ,
Но проложилъ ихъ самъ , — и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки ;
Се ты , о , чудный вожь Потемкинъ !

Се ты , которому врата
Торжественныя созидали ;
Искусство , разумъ , красота
Недавно лавръ и ширть сплетали ;
Забавы , роскошь вокругъ цвѣли ,
И счастье съ славой слѣдомъ шли .

Се ты , небеснаго плодь дара ,
Кому едва я посвятилъ ;
Въ созвучность грошкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ ;
Воспѣлъ побѣду Измаила ,
Воспѣлъ... Но смерть тебя скосила !

Увы ! и хоровъ сладкій звукъ
Моихъ въ стenanье превратился ;
Свалилась лира съ слабыхъ рукъ ,
И я тамъ въ слезы погрузился ,
Гдѣ бездна разноцвѣтныхъ звѣздъ
Чертогъ являли райскихъ мѣстъ .

Увы ! и громы онѣмѣли ,
Ревущія тебя вокругъ ;
Полки твои осиротѣли ,
Наполнили рыданьемъ слухъ :
И все , что близъ тебя блистало ,
Уныло и печально стало .

Потухъ лавровый твой вѣнокъ ,
Гранена булава упала ,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ , ---
Екатерина возрыдала !
Полсвѣта потряслось за ней
Незапной смертію твоей !

Представляя Суворова при жизни въ одахъ «На взятіе Варшавы», «На переходъ Альпійскихъ горъ», онъ, въ своей граціозной пьесѣ «Снигирь», написанной по случаю погребенія Суворова, вопрошаетъ :

Кто теперь вождь вашъ? кто богатырь?
Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежать.

Кто передъ ратью будетъ, пылая,
Ѣздитъ на клячѣ, ѣстъ сухари;
Въ стужѣ и въ зноѣ мечъ закаляя,
Спать на соломѣ, бдѣть до зари,
Тысячи воинствъ, стѣнъ и затворовъ,
Съ горстью Россіянъ все побѣждать?

Быть вездѣ первымъ въ мужествѣ строгомъ;
Шутками зависть, злобу штыкомъ,
Рокъ низлагать молитвой и Богомъ,
Скиптры давая, зваться рабомъ;
Доблестей бывъ страдалецъ единыхъ,
Жить для царей, себя изкурять?

— Но не однихъ лишь героевъ брани — Потемкина, Суворова, Орлова («Аѳинейскому витязю», «На кончину графа Орлова»), Зубова («На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи»), Бибикова («На смерть Бибикова») воспѣваетъ громозвучная лира Державина: она равно славить и прекрасныхъ подвижниковъ мирной гражданственности: Бецкаго («На кончину благотворителя»), Шувалова («На выздоровленіе Мецената»), Строганова («Любителю художествъ»), не забываетъ и скромнаго, неизвѣстнаго въ исторіи, но незабвеннаго въ памяти народной, имени Наумова —

способствовавшаго предстательствомъ своимъ къ уничтоженію пытки («Монументъ милосердію»). Равнымъ образомъ лира Державина отзывается гармоническимъ созвучіемъ лирамъ сподвижниковъ его на поприщѣ отечественной словесности; онъ благоговѣнно вспоминаетъ предшественника своего Ломоносова (въ одѣ «На взятіе Варшавы»), онъ обращается къ Хераскову («Ключъ»), Озерову («На приписаніе Эдипа»), Карамзину («Прогулка въ Сарскомъ селѣ»), онъ же, на закатѣ дней своихъ, благословляетъ юношу Пушкина¹⁾. — Современнымъ событіямъ европейскимъ, въ которыхъ принимало участіе и наше отечество, голосъ Державина отзывался одами: «На коварство французскаго возмущенія», «Конница», «На панихиду Людовика XVI», «Флотъ». —

Таковъ Державинъ какъ русскій и сынъ отечества; какъ человѣкъ и сынъ своего времени, онъ, также ясно, высказывается въ своихъ твореніяхъ. — Державинъ родился въ половинѣ, а началъ писать въ послѣдней четверти XVIII вѣка — называемаго философскимъ: названіе это если и принадлежитъ XVIII вѣку, то не потому что философія въ эту эпоху достигла своего высшаго развитія; а развѣ потому, что никогда еще философія не достигала такого общенія съ жизнію и жизнь не имѣла такого вліянія на философію, какъ въ XVIII вѣкѣ. — Иде-

¹⁾ Сочин. Пушкина, т. IX, стр. 176.

ализмъ, мистицизмъ, скептицизмъ, сенсуализмъ, — вотъ четыре системы, въ сферѣ которыхъ вращается философія во всѣ ея эпохи: послѣдняя была господствующей системой XVIII вѣка. Родоначальникъ этой философіи англичанинъ Локкъ; французъ Кондильякъ, развивая идеи Локка, далъ имъ такое направленіе, которое у Гельвеція превратилось въ ученіе совершеннаго матеріализма, поставлявшаго единственнымъ побужденіемъ и закономъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ чистый эгоизмъ; эта то система личнаго интереса получила у Сень-Ламберта частное поясненіе ¹⁾. Въ практическомъ развитіи своемъ эта философія примѣнена была къ религіи, политикѣ, морали, точнымъ наукамъ, поэзіи, и Монтескье, Вольтеръ, Дидеротъ, Даламбертъ, Руссо, Парни своимъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ увлекали вниманіе всего міра ²⁾. — Вліяніе французской литературы на нашу началось преимущественно съ Сумарокова—литератора царствованія Елисаветы, распространилось же въ царствованіе Екатерины II. Вспомните тогда, частныя сношенія, у насъ въ Россіи, съ французскими литераторами, изъ которыхъ Парни писалъ посланія къ Шувалову ³⁾, Дидеротъ самъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, Вольтеръ былъ посѣщаемъ нашими знатными

¹⁾ Cours de l'histoire de la philosophie moral au dix-huitième siècle, par V. Cousin, 1839, à Paris.

²⁾ Cours de littérature française, par Willemain, à Bruxelles, 1847. Tableau du dix-huitième siècle. Deuxième partie, 1828.

³⁾ Oeuvres d'Evarest Parny, à Paris, MDCCCVIII, v. 1, p. 143.

лицами въ своемъ фернейскомъ уединеніи. Разумѣется, что большинство, оставляя лицевую сторону, скорѣе бросается на изнанку... Вспомните рассказы фонъ-Визина о графѣ ***, дававшемъ въ Петербургѣ обѣды въ родѣ парижскихъ обѣдовъ барона Гольбаха, и этого Чеб..., проповѣдывавшаго на гостинномъ дворѣ свое вольнодумство ¹⁾. Вспомните тогдашнюю характеристику вельможъ нашихъ, такъ дагеротипно — вѣрно ресторированную Пушкинымъ въ его пьесѣ «Вельможа». — Возьмите при томъ, во вниманіе, что если внутренняя самобытность богатаго силами духа нерѣдко торжествуетъ надъ виѣшнею дѣйствительностью, то не менѣе того и виѣшняя дѣйствительность беретъ свою дань, — и согласитесь, что Державинъ не могъ устоять противу духа времени... И жизнь, раскрывавшаяся предъ нимъ, представлялась ему въ такомъ видѣ, какъ онъ ее изображаетъ своими стихотвореніями: «Приглашеніе къ обѣду», «Къ первому сосѣду», «Гостю»: —

Шексинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ;
Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая
То льдомъ, то искрами, манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются;
Плоды среди корзины смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть;
Тебя стола въ кругъ ожидая
Хозяйка статная, молодая,
Готова руку протянуть.

¹⁾ Чистосердечное признаніе, въ Смирд. изд. сочиненій фонъ-Визина, стр. 508—509, 513.

Прійди, мой благодѣтель давний¹⁾,
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра!
Прійди, — и домъ, хоть не нарядный,
Безъ рѣзбы, злата и серебра,
Мой посѣти: его богатство —
Пріятный только вкусъ, опрятство,
И твердый мой, нелестивый нравъ.
Прійди отъ дѣлъ по прохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться,
Безъ вредныхъ здравію приправъ.

.....

Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда груститъ и царь;
Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь.
Хотя онъ громкой славой знатенъ,
Но, ахъ! и тронъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зрѣть обманъ, тамъ зрѣть упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!

И такъ, доколь еще ненастье
Не помрачаетъ красныхъ дней,
И приголубливаетъ счастье
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколь не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы, —
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться, —
По платью ноги протягать.

Кого роскошными пирами
На влажныхъ невскихъ островахъ,

¹⁾ Относится къ И. И. Шувалову и графу Безбородкѣ, обѣдавшимъ въ тотъ день у Державина.

Между тѣнистыми древами ,
На муравѣ и на цвѣтахъ ,
Въ шатрахъ персидскихъ , златошвейныхъ ,
Изъ глины китайскихъ драгоцѣнныхъ ,
Изъ вѣскихъ чистыхъ хрусталей ,
Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей ?

Гремитъ музыка ; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ :
Сластей и ананасовъ горы ,
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ ;
Младая дѣвы угощаютъ ,
Подносятъ вина чередой ,
И аліатико съ шампанскимъ ,
И пиво русское съ британскимъ ,
И мозель съ зельцерской водой.

Въ вертепѣ мраморномъ , прохладномъ ,
Въ которомъ льется водоскатъ ,
На ложѣ розъ благоуханномъ ,
Средь лѣни , нѣги и отрады ,
Любовью распаленный страстной ,
Съ молодой , веселою , прекрасной
И нѣжной нимфой ты сидишь :
Она поетъ , — ты страстью таешь :
То съ ней въ весельи утопаешь ,
То , утомленъ весельемъ , спишь.

Ты спишь — и сонъ тебѣ мечтаетъ ,
Что ввѣкъ благополученъ ты ;
Что само небо разсыпаетъ
Блаженства вкругъ тебя цвѣты ;
Что парка дней твоихъ не коситъ ;
Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
Сибирски горы серебра ,
И дождь златый къ тебѣ лѣтся¹⁾.

¹⁾ Относится къ тогдашнему откупщику винныхъ сборовъ Голикову.

Блаженъ, кто по утру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безперерывно въ жизни сей!
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурны дышуть непогоды,
Горамъ подобно гонять воды,
И съ пѣною песокъ мутять.
Петрополь сосны осыняли;
Но, вихремъ поражены, пали:
Теперь корнями вверхъ лежать.

.....
Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорѣи злыя,
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдь!
На свѣтѣ жить намъ время срочно.

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ, отдохни;
Въ семь тонкомъ пологу, перловомъ,
И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вздремли послѣ стола немножко:
Пріятно часикъ похрапѣть:
Златой кузнечикъ, сѣра мошка,
Сюда не могутъ залетѣть.

Случится, что изъ сновъ прелестныхъ
Приснится здѣсь тебѣ какой:
Хоть кладъ изъ облаковъ небесныхъ
Златой посыплется рѣкой,
Хоть дѣвушки мои домашни
Рукой тебѣ махнутъ, — я радъ:
Любовныя пріятны шашни,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ.

— Очень естественно, что, среди такой жизни, долженъ былъ страшно смутить душу — металла звонъ, какъ глаголь временъ. — И вотъ Державинъ, въ одѣ «На смерть князя Мещерскаго», такъ задумывается глубокою, крѣпкою, задушевною думою :

Синъ роскоши, прохлада и нѣтъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни берегъ;
Къ берегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ,
Гдѣ жъ онъ? — онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? — не знаемъ.
Мы только плачемъ и зываемъ:
«О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!»

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блитали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣтъ кровь,
И духъ мятется отъ печали;
Гдѣ столъ былъ явствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики.

— Такая жъ дума постигаетъ въ располхъ поэта и при смерти Потемкина — другаго, еще блистательнѣйшаго представителя своего вѣка :

Гдѣ слава? гдѣ великолѣнье?
Гдѣ ты, о, сильный человекъ?
Маеусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ;
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое.

Иль, нѣтъ! — тяжелый нѣкій шаръ
На нѣжномъ волосѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ

И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ,
И, ахъ! зефиры легки рвутъ¹⁾.

— А отъ чего этотъ тревожный страхъ, это отчаяніе горькаго разочарованія? — Это отъ того, что философія того времени ограничивала все тѣсною сферою здѣшной земной жизни; поэтому весьма понятно это безвыходное разочарованіе — какъ слѣдствіе безвѣстности о жизни будущей... Въдь это Гамлетовское «Быть, иль не быть»: —

4) Вспомини здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ одъ Вольтера, сходныя съ приведенными теперь изъ Державина: —

Ce qu'on perd en ce monde-ci
Le retrouvera-t-on dans une nuit profonde?
Des mysteres de l'autre monde
On n'est que trop tôt éclairci.

.....
Et la véritable sagesse
Est de savoir fuir la tristesse
Dans les bras de la volupté.

(A. m. l'abbé De^{ss}).

La nuit s'avance avec vitesse;
Profite de l'éclat du jour:
Les plaisirs ont leur temps; la sagesse a son tour.
Dans ta jeunesse fais l'amour,
Et ton salut dans ta vieillesse.

(A une dame un peu mondaine et trop dévote).

Hélas! pourquoi parler encor de mes amours?
Quelquefois ils ont fait le charme de ma vie;
Aujourd'hui la maladie
En éteint le flambeau peut-être pour toujours;
De mes ans passagers la trame est raccourcie;
Mes organes lassés sont morts pour les plaisirs;
Mon cœur est étonné de se voir sans desirs.
Dans cet état il ne me reste

...Кто несъ бы бремя жизни,
Кто гнулсѣ бы подѣ тяжестью трудовъ?
И только страхъ чего то послѣ смерти, —
Страна безвѣстная, откуда путникъ,
Не возвращалсѣ къ намъ, — смущаетъ волю,
И мы скорѣй снесемъ земное горе,
Чѣмъ убѣжимъ къ безвѣстности за гробомъ¹⁾.

И Державина не разъ охватывало это раздумье...
Внимайте этотъ страшный вопль души растерзанной,
въ одѣ «Успокоенное невѣріе»: —

Что жизнь? — Жизнь смерти тлѣнно сѣмя.
Что жить? — Жить мигъ летяща время, —
Едва почувствовать, познать,
Познать ничтожество, — страдать;

Страдать, — и скорбно чувство мукъ
Умѣть еще сносить безъ сукъ.

Qu'un assemblage vain de sentiments confus,
Un présent douloureux, un avenir funeste,
Et l'affreux souvenir d'un bonheur qui n'est plus.
Pour comble de malheur je sens de ma pensée
Se déranger les ressorts;
Mon esprit m'abandonne, et mon ame éclipsee
Perd en moi de son être, et meurt avant mon corps.
Est-ce là ce rayon de l'essence suprême

Qu'on nous peint si lumineux?
Est-ce là cet esprit survivant à lui-même?
Il naît avec nos sens, croît, s'affaiblit comme eux;

Hélas! périra-t-il de même?
Je ne sais; mais j'ose espérer
Que, de la mort, du temps et des destins le maître,
Dieu conserve pour lui le plus pur de notre être,
Et n'aneantit point ce qu'il daigne éclairer.

(A. m. de la Faluere de Genonville).

Un mort dans son tombeau ne peut se corriger.
Profitons bien du temps; ce sont là tes maximes.

(A Horace).

¹⁾ Гамлетъ, трагедія Шекспира, переводъ А. Кронеберга. дѣйств. III, сц. 1.

На то ли создалъ Ты отъ вѣка ,
О , Боже ! брѣнна человѣка ?
Творецъ ! Но на Тебя ль роптать ?
Такъ что жъ осталось ? — Страдать .

Такая жизнь — не жизнь , но ядъ :
Злѣя въ груди , геенна , адъ ,
Живаго жретъ меня до гроба .
Ахъ ! если самая та жъ злоба
По смерти мститъ намъ и въ гробахъ :
Кого жъ Творцемъ назвать ? кто благъ ?

Лишь парки жизни нить прервутъ ,
Ужъ въ стрѣчу фуріи бѣгутъ :
Отсель изъемлетъ скоротечность !
А тамъ , а тамъ разверста вѣчность !
Дрожу ! лѣтся въ жилахъ холодъ .
О , вѣчность , вѣчно мука , адъ ;

Но вотъ совѣсть немолчно вопіетъ , — быть можетъ
возникаютъ сладостныя воспоминанья первоначальнаго
въ православномъ домѣ родительскомъ воспитанія , —
и поэтъ , умиротворяемый мыслию о благодати Божіей ,
врачующей немощь нашего естества , вразумляющей
наше невѣдѣніе , взываетъ : —

Прошли отчаянья мечты :
Всесильный , помоги мнѣ Ты !

Уйми страстей моихъ Ты шумъ ,
И бурный обуздай мой умъ :
Чего понять онъ не возможетъ ,
Да благость въ томъ Твоя поможетъ ,
Чтобъ я средь золь покоенъ былъ .
Терпя бѣды , Тебя любилъ !

Поборствуй руку лобызать ,
Котора поднята карать ;

Средь юности моей неспѣлой,
Средь зрѣлой жизни, престарѣлой,
Средь ярыхъ волнъ, мірскихъ суетъ,
Дай силъ спосить мнѣ иго бѣдъ!

Чтобъ меньше скорби ощущать,
Собою больше обладать,
Пошли, пошли, Творецъ вселенной,
Своей Ты твари бѣдной, бренной,
Небесну помощь съ высоты :
Ты щедръ, щедротъ источникъ Ты!

Таково же стихотвореніе «Тоска души». — Все таже, одна, неотразимая мысль, мысль вѣка, — предметъ соблазна для кичливаго разума, спасительное утѣшеніе для вѣрующаго!... И благо ему — вѣрующему... Сильна была борьба душевная поэта; но онъ не палъ, потому что сила Божія, въ немощи совершающаяся, невидимо укрѣпляла его и, во мракъ сомнѣнія, указывала ему отрадный свѣточъ истины... Таковы, напримѣръ, нѣкоторыя строфы его безсмертной оды «Богъ». Поэтъ, углубясь мыслями въ созерцаніе безпредѣльнаго величія природы и Творца ея, въ сравненіи съ ничтожествомъ атома — человѣка, восклицаетъ :

И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа миллиономъ
Стократъ другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною :
А я передъ Тобой ничто.

Ничто!... Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ ;

Во мнѣ Себя изображаешь ,
Какъ солнце въ малой каплѣ водѣ .
Ничто !... Но жизнь я ощущаю ,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты ;
Тебя душа моя быть чаеъ ,
Вникаеъ , мыслить , разсуждаеъ ;
Я есмь — конечно есъ и Ты !

Ты есъ — природы чинъ вѣщаеъ ;
Гласить мое мнѣ сердце то ;
Меня мой разумъ увѣряеъ :
Ты есъ ! — и я ужъ не ничто !
Частица цѣлой я вселенной ,
Поставленъ , мнится мнѣ , въ почтенной
Въ срединѣ естества я той ,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ ,
И цѣль существъ связалъ всѣхъ мной .

Я связь міровъ , повсюду сущихъ ,
Я крайня степень вещества ;
Я средоточіе живущихъ ,
Черта начальна божества ;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю ,
Умомъ громамъ повелѣваю ;
Я царь — я рабъ ; — я червь — я Богъ !
Но , будучи я столь чудесенъ ,
Отколѣ произшелъ ? — безвѣстенъ ;
А самъ собой я быть не могъ .

Твое созданье я , Создатель !
Твоей премудрости я тварь .
Источникъ жизни , благъ податель ,
Душа души моей и царь !
Твоей то правдѣ нужно было ,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе ;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился ,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился ,
Отецъ ! въ безсмертіе Твое .

Неизъяснимый, непостижимый!
Я знаю! что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ не возможно
Тебя ни чѣмъ инымъ почитать,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Стихаютъ, наконецъ, тревожныя волненія ума, смутныя тревоги души («Безсмертіе души»), — и устанавливающееся убѣжденіе въ истинахъ святой вѣры, разрѣшается возвышеннымъ гимномъ «Христосъ» — плодомъ не только вдохновенія, но и изученія чистѣйшаго источника истиннаго просвѣщенія — Священнаго Писанія... Это новое направленіе увлекаетъ даже поэта, подъ конецъ жизни, въ мистицизмъ, обнаружившійся въ его лиро-эпическомъ гимнѣ «На прогнаніе Французовъ изъ отечества». —

До сихъ поръ видѣли мы — и въ горячемъ патриотизмѣ Державина, и въ торжествѣ православія — истинно русскую душу его; но онъ, чувствуя и мысля по русски, умѣлъ и выражаться по русски... Читайте его блистательную оду «На счастье», въ которой онъ такъ бойко заговорилъ настоящей нашею ежедневною рѣчью:

Въ тѣ дни людскаго просвѣщенья,
Какъ вѣтъ кикиморовъ явленья,
Какъ ты лишь всѣмъ чудотворишь:
Дѣвицъ и дамъ магнизируешь,
Изъ камней золото варишь,

Въ глаза патріотизма плюешь ,
Катаешь кубаремъ весь міръ ;
Какъ рѣзвости твоей примѣровъ ,
Полна земля вся кавалеровъ ,
И цѣлый свѣтъ сталъ бригадиръ ;

Въ тѣ дни , какъ всюду скороходомъ
Предъ русскимъ ты бѣжишь народомъ ,
И лавры рвешь ему зимой ,
Стамбулу бороду ерошишь ,
На Тавръ ѣдешь чехардой ,
Задать Стокгольму перцу хочешь ,
Берлину фабришь ты усы ,
А Темзу въ фижмы наряжаешь ,
Хохолъ Варшавѣ раздуваешь ,
Коптишь голландцамъ колбасы ;

Въ тѣ дни , какъ Вѣну ободряешь ,
Парижу пукли разбиваешь ,
Мадриту поднимаешь носъ ,
На Копенгагенъ иней сѣешь ,
Пучокъ подносишь Гданску розъ ,
Венецы , Мальтѣ не радѣешь ,
А Греціи велишь зѣвать ,
И Риму , ноги чтобъ не пухли ,
Святыя оставляя туфли ,
Царямъ претишь ихъ цѣловать ;

Въ тѣ дни , какъ все вездѣ въ разгульѣ :
Политика и правосудье ,
Умъ , совѣсть и законъ святой
И логика пиры пируютъ ,
На карты ставятъ вѣкъ златой ,
Судьбами смертныхъ понтируютъ ,
Вселенну въ трантелево гнутъ ;
Какъ полюсы , меридіаны ,
Науки , музы , боги — пьяны ,
Всѣ скачутъ , пляшутъ и поютъ ;

Въ тѣ дни , какъ всюду ерихонцы
Не сѣютъ , но лишь жнутъ червонцы ,

Ихъ денегъ куры не клюютъ ;
 Какъ вкусъ и нравы распестрились ,
 Весь міръ сталъ полосатый шутъ ,
 Мартышки въ воздухѣ явились ,
 По свѣту свѣтятъ фонари ,
 Витійствуютъ уранги въ школахъ ,
 На пышныхъ карточныхъ престолахъ
 Сидятъ мишурные цари ,

Въ тѣ дни , какъ мудрость среди троновъ
 Одна не мѣситъ макаронъ ,
 Не ходитъ въ кузницу ковать .
 А развѣ временемъ лишь скучнымъ
 Изводитъ музъ къ себѣ пускать ,
 И перышкомъ своимъ искуснымъ ,
 Не ссоряся никакъ , ни съ кѣмъ ,
 Для общей и своей забавы ,
 Комедьи пишеть , чистить нравы ,
 И дрипѣваетъ : хемъ , хемъ , хемъ¹⁾ !

.....

Въ тѣ дни и времена чудесны
 Твой взоръ и на меня всемѣстный
 Простри , о надъ царями царь !
 Простри , и удостой усмѣшкой
 Презрѣнную тобою тварь !
 И , если я не созданъ пѣшкой ,
 Валяться не рожденъ въ пыли ,
 Прошу тебя моимъ быть другомъ :
 Песчинка можетъ быть жемчугомъ ;
 Погладь меня и потрепли .

Но въ Державинѣ было сочувствіе и къ нашей старой Руси : таковы его пьесы «Царь-дѣвица», «Новгородскій волхвъ Зломиръ», многія мѣста въ его драматическомъ представленіи «Добрыня» (д. III, яв. 3 и 4, д. V, я. 7, окончательный квартетъ и въ явл. 9

¹⁾ См. примѣч. 5 — 16, въ которыхъ поясняются всѣ эти намеки на тогдашнюю современность.

древній русскій хоръ); вотъ , напริมѣръ , хоръ дѣвицъ въ началѣ четвертаго дѣйствія : —

Что по гриднѣ князь ,
Что по свѣтлой князь ,
Наше солнышко Владиміръ князь похаживаетъ ;
Что соколій глазъ ,
Молодецкій глазъ ,
Какъ на пташечекъ , младыхъ дѣвицъ посматриваетъ ;
Что у ласточки ,
У касаточки ,
Алу бѣлу грудь , сизы крылья , посматриваетъ .
Парчевой кафтанъ ,
Сапоги сафьянъ ,
Золоту казну и соболи показываетъ .
Веселымъ лицомъ ,
Въ обинякъ словцомъ
Мысли дѣвичьи и думу ихъ извѣдываетъ .
Не мани насъ , князь !
Не гадай насъ , князь ;
Красно солнышко ! ему боярышни возговорятъ .
Не златой казнѣ ,
Но твоей красѣ
Очи и сердце свои давно всѣ продали .
Ты взгляни на насъ ,
Ты вздохни хоть разъ ,
Дай въ залогъ перстень любой тебѣ , ту выбери .

Какъ художникъ , онъ лѣлѣялъ въ душѣ своей сочувствіе къ древнему міру эллинскому («Побѣда красоты», «Рожденіе красоты», «Геба»); въ своихъ же анакреотическимъ стихотвореніяхъ нерѣдко изумляетъ утонченностью художественнаго вкуса и удачною воспримчивостію («Русскія дѣвушки» и «Цыганская пляска»). Вотъ два подобныхъ отрывка въ двухъ изъ поименованныхъ здѣсь пьесахъ :

Изъ опалаго неба ,
Со Олимпа высоты ,
Вижу , идетъ юна Геба ,
Лучезарны красоты !
Изъ сосуда льетъ златаго
Въ чашу злату — снѣдь орлу.

Зоблетъ молній царь пернатыхъ ,
Пукъ держа въ когтяхъ громовъ ;
Вѣтръ съ раменъ его крылатыхъ
Вкругъ шумить межъ облаковъ ;
Чернопламенные очи
Мещетъ Геба на него ,

И улыбкою Авроры
Бранный умягчая духъ ,
Музь его клоня на хоры
Нѣжимый , палимый слухъ.
Вьетъ орелъ гнѣздо на лонѣ ;
Оперяются птенцы !

(«Геба»).

Какъ ночь — съ ланить сверкай зарями ,
Какъ вихоръ — прахъ плащемъ сметай ,
Какъ птица — подлетай крылами ,
И въ длани съ визгомъ ударяй.

Жги души , огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Подъ лѣсомъ ноцію сосновымъ ,
При блескѣ блѣдныя луны ,
Топоча по доскамъ гробовымъ ,
Буди сонъ мертвой тишины :

Жги души , огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Да вопль твой , Эвоа ! ужасный ,
Вдали мѣшаясь съ воемъ псовъ ,

Лієть повсюду гулы страшны,
А сластолюбіє любовь.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

(«Цыганская пляска»).

Но, если общій недостатокъ анакреонтическихъ стихотвореній Державина составляетъ невыдержанность въ цѣломъ, то есть, однакожь, нѣкоторыя стихотворенія, отчетливо отдѣланныя : припомните граціозную пьеску «Мельникъ» : —

Вечоръ миѣ красныя дѣвицы
Мѣшокъ пшеницы принесли :
«Вѣдь расклюютъ же даромъ птицы.
Возьми, старинушка, смели».
Бѣла пшеница и румяна,
И такъ была полна зерномъ,
Что вмигъ пришла охота рьяна :
Я ну молоть всѣмъ животомъ.
Мололъ я пристально, трудился,
Ночь цѣлую провелъ безъ сна :
Но что жъ ? — какъ ни потѣлъ, ни бился,
Не раскололъ я ни зерна.
Смѣясь, миѣ дѣвушкѣ въ назолу,
Пѣняли : «Что жъ не мелешь, дѣдъ ?
— «А вы», сказалъ я : «для помолу»
Пришли, какъ жорновъ не беретъ».

— Отличительное же качество Державина, какъ художника, это — *образность*... Его поэтическіе образы столько же роскошны, сколько и художественны, то выражаемыя одной чертой : —

И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...

И... точить лезве косы.

то представляемая въ болѣе полныхъ очеркахъ :
таковы, напримѣръ, изображеніе довременнаго хаоса
и перваго момента мірозданія («Цѣленіе Саула»),
аллегорическое олицетвореніе генія Суворова («На
взятіе Варшавы») и плѣнительная сцена гробницы
Потемкина («Водопадъ») : —

На пустыхъ высотахъ , на зыбяхъ Божій духъ
Искони до вѣковъ въ тихой тмѣ возносился ,
Какъ орелъ надъ яйцомъ , надъ зародышемъ вокругъ
Тварей всѣхъ теплотой , такъ крылами гнѣзвился.
Огонь , земля и вода , и весь воздухъ въ борьбѣ
Межъ собой , внутрь и внѣ , безпрестанно сражались ,
И лишь жизнь тѣмъ они всѣмъ являли въ себѣ ,
Что тамъ стукъ , а тамъ трескъ , а тамъ блескъ прорывались ;
Громъ на громъ въ вышины , гулъ на гулъ въ глубины ,
Какъ катясь , какъ вращаясь , даль и близъ оглушали ;
Бездны безднѣ , хляби хлябѣ , колебавъ въ тишинѣ
Безъ устройствъ естество , ужасъ , мракъ представляли . —

.....

Но гласъ взгремѣлъ :

Стихивъ бездны раздѣлились ;

Огонь съ воздухомъ на высоту взлетѣлъ ,

Земля съ водою внизъ спустились :

Бысть свѣтъ !

Чертежъ , въ умѣ Творца предвѣчно изложенный ,

Напечатлѣлся всей природы на росткахъ ,

На скрытыхъ сѣменахъ .

Всѣхъ думъ его отсвѣтъ ,

Отъ слова образъ взявъ , сталъ видъ одушевленный ,

И въ родѣ всяка тварь въ своемъ ,

Къ чему назначена , явилась точно тѣмъ .

Черная туча , мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ , весь воздухъ покрыла ;
Вихрь полуночный летитъ — богатырь !

Тма отъ чела , съ посвиста пыль !
Молнии отъ взоровъ бѣгутъ впереди ,
Дубы градою лежатъ позади .

Ступить на горы — горы трещать ;
Ляжетъ на воды — воды кипятъ ;
Граду коснется — градъ упадетъ ;
Башни рукою за облакъ кидаетъ ;
Дрогнетъ природа , блѣднѣя , предъ нимъ
Слабыя трости щадятся лишь имъ .

Подъ древомъ , при зарѣ вечерней ,
Задумчиво Любовь сидитъ ,
Отъ цитры вѣтерокъ весенней
Ея повсюду голосъ мчитъ ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ —
Геройскій образъ оживляетъ .

По утру солнечнымъ лучомъ
Какъ монументъ златый зажжется ,
Лежатъ объаты серны сномъ ,
И паръ вокругъ холмовъ вѣется ,
Пришедши , старецъ надпись зрѣтъ :
«Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ !»

Алцибиадовъ прахъ ! — И смѣетъ
Червь ползати вкругъ его главы ?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ ,
Нашедши въ полѣ , Оирсъ ?...

Эта образность развивается иногда полною картиною съ свѣжими красками самой роскошной живописи : таковы первыя строфы «Водопада», ландшафтъ Кавказа въ одѣ «На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи», изображеніе луннаго свѣта въ «Видѣніи мурзы», эскизъ русской осени и зимы въ одѣ «Осень

во время осады Очакова»; таковы цѣлыя его пьесы «Полдень», «Ласточка», «Павлинъ», «Радуга», таково, наконецъ, описаніе мнѣнически-чудеснаго торжества, даннаго княземъ таврическимъ по случаю взятія Измаила въ 1791 году апрѣля 28.

Доселѣ представлена общая характеристика Державина какъ поэта¹⁾. Что же касается до вліянія его на отечественную литературу, то опытъ удостовѣряетъ, что поэзія его прошла безслѣдно въ отечественной литературѣ, не оставивъ послѣ себя, кромѣ множества одъ, писанныхъ въ подражаніе Державину, и которыя забывались при самомъ своемъ появленіи, никакого плодотворнаго вліянія. — Сказано выше, что Державинъ получилъ поэзію свою въ наслѣдство отъ Ломоносова : по внутреннему духу этой поэзіи Ломоносовъ и Державинъ преимущественно сходятся между собою въ высшемъ національномъ значеніи ихъ поэзіи, сознающей безпредѣльность величія нашего славнаго отечества. Извѣстно, что мысль «Изображенія Фелицы» внушена Державину Ломоносовскимъ «Разговоромъ съ Анакреонтомъ» и именно одой «Мастеръ въ живописи первой». Вспомните прекрасное олицетвореніе Россіи Державина : здѣсь, а также и въ описаніи торжества Потемкинскаго : —

Богатая Сибирь, наклонись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и золото и серебро :

¹⁾ Какъ profession de foi Державина въ теоріи искусства, котораго онъ былъ жрецомъ, остается его „Разсужденіе о лирической поэзіи или объ одѣ“. Смирд. изд. т. I, стр. 643.

Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трасяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украина, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна классами хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошицу Тавръ;
Рифей, нагнувшись, въ топазны, аметистны
Лилъ кубки медь златый, дровъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріавъ отъ Белта съ рукъ
Въ фарфоръ, кристалъ, чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдась,
Что потчивать должна такъ прихоть по неволѣ.

Сравните теперь подобное же мѣсто въ 9 похвальной одѣ Ломоносова :

Коль нынѣ радостна Россія!
Она коснувшись облаковъ,
Конца не зрить своей державы;
Гремящей насыщенная славы,
Поконится среди луговъ.

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сидитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ,
И вокругъ довольства исчисляетъ,
Возлегли лактемъ на Кавказъ.

Припомните также описаніе русскаго флота и воинства во 2-й одѣ, олицетвореніе бога войны, сокрушеннаго мирнымъ царствованіемъ Елисаветы, въ 13-й одѣ Ломоносова, и сравните съ приведенными выше

изображеніями вшествія русскаго воинства въ Измаиль и генія Суворова въ одахъ Державина «На взятіе Измаила» и «На взятіе Варшавы»... И вотъ кровное родство патріотической поэзіи Державина и Ломоносова! — Сравните также преложенія псалмовъ Ломоносова и Державина, и вы увидите тожество приемовъ въ обработкѣ религіозной поэзіи обоихъ... Изъ того что собственно принадлежитъ Державину, и что неизвѣстно было Ломоносову, это — какъ замѣчено выше — жизненный характеръ поэзіи Державина, противоположный кабинетной поэзіи Ломоносова, и протекшее отсюда *сатирическое* направленіе, обнаружившееся въ его «Фелицѣ» въ его одѣ «На счастье» и столь блистательно проявленное въ его дивномъ, наиболѣе извѣстномъ, произведеніи «Вельможа». — Въ отношеніи внѣшней формы поэзіи Державина — стихотворнаго языка, кромѣ собственнаго его сознанія, что онъ «въ выраженіяхъ и слогѣ старался подражать Ломоносову», при внимательномъ сравненіи стиховъ Ломоносова и Державина, можно встрѣтить на каждомъ шагу сходныя мѣста и выраженія, характеръ же стиха у обоихъ совершенно одинаковъ и, даже въ чистотѣ, стихотворный языкъ Державина мало сдѣлалъ успѣха впередъ противъ Ломоносовскаго. Слѣдственно поэзія русская, и по внутреннему духу своему и по внѣшней формѣ, не измѣнилась у Державина и осталась въ такомъ состояніи какъ положила ей начало Ломоносовъ : далѣе увидимъ, что это совершенно поэтомъ, принадлежащимъ второму

періоду. — Вотъ почему вліяніе Державина на литературу нашу не замѣтно.

Но за то не безслѣдно прошла поэзія Державина въ исторіи нашей гражданственности : и здѣсь то заключается это высокое національное значеніе ея, по которому она дѣлается драгоцѣннымъ перломъ для всякаго русскаго. — Велико значеніе Державина и какъ поэта вообще... Да, въ этомъ отношеніи имя его — наша народная слава, которою мы смѣло можемъ гордиться. Державинъ самъ сознавалъ это свое достоинство и благородно выразилъ свое сознаніе въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ своихъ, каковы : «Приношеніе Монархинѣ» (упомянутое выше), «Издателю моихъ пѣсней», «Лебедь», «Памятникъ». — Такъ Державинъ какъ поэтъ вообще могъ сказать о себѣ :

Необычайнымъ я пареньемъ
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душой безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимаюсь.

Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный,
Не задержусь въ вратахъ мытарствъ;
Надъ завистью превознесенный,
Оставлю подъ собой блескъ царствъ.

Да, такъ! Хоть родомъ я не славенъ;
Но, будучи любимецъ музъ,
Другимъ вельможамъ я неравенъ,
И самой смертью предпочтусь.

Не заключить меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ,
Но, будто нѣкая пѣвица,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.

Какъ поэтъ русскій онъ также имѣлъ право сказать
о себѣ :

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный !
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ :
Ни вихрь его, ни громъ не сложитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушить.

Такъ ! Весь я не умру ; но часть меня большая ,
Отъ тѣна убѣжавъ , по смерти станеть жить ,
И слава возрастетъ моя , не увядая ,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ.
Гдѣ Волга , Донъ , Нсва , съ Рифея леть Ураль ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ ,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слоgѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить ,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ ,
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

О , муза ! возгордись заслугой справедливой ,
И презреть кто тебя , сама тѣхъ презирай ;
Непринужденною рукой , неторопливой ,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

Фонз-Визинг¹⁾ — такъ же какъ и Державинъ —
руссскій дворянинъ , родился въ Москвѣ , почти въ
одно время съ Державинымъ. Четырехъ лѣтъ онъ
уже учился грамотѣ. Родители его были люди на-
божные : на канунъ каждаго церковнаго праздника

¹⁾ „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ“ и „Письма“ въ
Смрд. издан. сочиненій Фонз-Визина, изд. 2-е, стр. 479.

отправляемо было у нихъ въ домѣ богослуженіе, также на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста, и когда онъ выучился читать, то отецъ его заставлялъ читать... «Сему обязанъ я — говоритъ онъ — если имѣю въ руссiйскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе: ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего руссiйскаго языка и знать невозможно». (Вспомните Ломоносова и то, что онъ говоритъ по этому предмету въ своемъ разсужденіи «О пользѣ книгъ церковныхъ въ руссiйскомъ языкѣ».) По учрежденіи московскаго университета, онъ поступилъ туда, ~~вмѣстѣ съ братомъ своимъ~~. — Любопытны разсказы Фонъ-Визина, каково было тогда тамъ ученіе и каковы наставники, при экзаменахъ употреблявшіе пуговицы на камзолѣ и кафтанѣ для подсказыванія ученикамъ. — Впрочемъ онъ приобрѣлъ здѣсь основанія латинскаго языка, выучился сначала по нѣмецки, а потомъ и по французски, «а паче всего — какъ самъ говоритъ — получилъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ». Четырнадцати лѣтъ, онъ, вмѣстѣ съ прочими воспитанниками, — въ числѣ которыхъ находился и будущій князь таврическій, — представленъ былъ директоромъ ~~Меллисино, возившимъ ихъ въ Петербургъ~~, куратору Шувалову и у него обласканъ Ломоносовымъ: блескъ двора и театръ сдѣлали сильное впечатлѣніе на его юное воображеніе; здѣсь онъ познакомился съ корифеями тогдашняго театра Волковымъ и Дмитревскимъ. Возвратясь въ Москву, онъ продолжалъ

учиться; (а между тѣмъ, по заказу одного книго-продавца, перевелъ басни Гольберга и за это получилъ отъ него книгъ, къ несчастію однакожь, по собственнымъ словамъ его, «соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами», которыя, какъ самъ онъ сознается, рано развратили его воображеніе и возмутили душу, — за что онъ такъ дорого расплатился своимъ здоровьемъ. Потомъ онъ перевелъ «Жизнь Скифа, царя египетскаго», романъ Террасона; а за тѣмъ Вольтерову трагедію «Альзира» стихами.) Въ одинъ годъ съ Державиннымъ, онъ записанъ былъ гвардіи сержантомъ въ семеновскій полкъ; но скоро потомъ переведенъ вице-канцлеромъ ~~кн. Голицынымъ~~ въ иностранную коллегію и былъ посыланъ къ герцогинѣ мекленбургъ-шверинской съ екатерининской лентой; отсюда переманилъ его кабинетъ-министръ Елагинъ на службу подъ свое начальство; но, при всемъ покровительствѣ начальника, Фонъ-Визинъ не могъ ужиться по причинѣ непріятностей съ близкимъ Елагину Лукинымъ — тогдашнимъ писателемъ комедій... «Въ тоже самое время (разсказываетъ онъ) вступилъ я въ тѣсную дружбу съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ, и вошелъ въ общество, о коемъ я до нынѣ безъ ужаса вспомнить не могу. Ибо лучшее провозженіе времени состояло въ богохуленіи и кошунствѣ. Въ первомъ не принималъ я никакого участія, и содрагался, слыша ругательство безбожниковъ; а въ кошунствѣ игралъ и самъ не послѣднюю роль : ибо всего легче шутить надъ святыней

и обращать въ смѣхъ то, что должно быть почтено. Въ сіе время сочинилъ я посланіе къ *Шумилову*, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе.» — Интересенъ разсказъ *Фонъ-Визина*, какъ онъ потомъ былъ увлеченъ на философическіе обѣды, какого-то графа ***, такого-жъ вольнодумца, и какъ, вскорѣ потомъ, нечаянной встрѣчѣ съ *Тепловымъ*, бывшимъ въ послѣдствіи сенаторомъ, который указалъ ему на сочиненіе *Кларка* «Доказательства бытія Божія», онъ обязанъ своимъ обращеніемъ и нравственнымъ перерожденіемъ. — Между тѣмъ ~~переведена имъ повѣсть Битобе «Іосифъ»~~ и сочинена комедія «*Бригадиръ*», доставившая ему громкую извѣстность и входъ ко Двору : онъ читалъ ее императрицѣ, наслѣднику, также у тогдашнихъ вельможъ, графамъ *Шувалову*, *Строганову*, *Чернышеву*, *Бибикову*, *Панину*, сближеніе съ которымъ благопріятно подѣйствовало на дальнѣйшую его участь. — Съ поступленіемъ на службу къ графу *Никитѣ Ивановичу Панину*, онъ дѣятельно занимался дипломатическою его перепискою : (доказательствомъ этого можетъ служить собственная его переписка съ тогдашними посланниками при европейскихъ дворахъ, и съ другими государственными лицами, между которыми особенной пріязнью пользовался онъ — начальника *Державина Бибикова*, бывшаго турецкаго посланника и извѣстнаго переводчика «*Всемирнаго путешественника*» аббата дела-Порта — *Булгакова*, *Обрѣзкова*, и графа *Петра Ивановича Панина* —

брата его начальника.) Фонъ-Визинъ четыре раза ѣздилъ за границу : въ первый разъ, какъ замѣчено выше, по службѣ къ герцогинѣ мекленбургъ-шверинской ; второй разъ, чрезъ Варшаву, Дрезденъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Страсбургъ, Ліонъ и ~~Нимъ~~ до Монпелье — бывшемъ цѣлю его поѣздки, для поправленія здоровья жены... По возвращеніи, въ томъ же году когда написана Державинымъ «Фелица», явился и «Недоросль» Фонъ-Визина. Есть преданіе, что Потемкинъ, послѣ перваго представленія, сказалъ Фонъ-Визину : «Умри Денисъ, или больше ничего уже не пиши» ! Complimentъ этотъ сдѣлался зловѣщимъ предсказаніемъ. Послѣ третьей поѣздки Фонъ-Визина, чрезъ Пруссію, Лейпцигъ, Ниренбергъ, Аугсбургъ, Инсбрукъ и Триестъ, въ Италію, — возвратившись, чрезъ Вѣну, въ Россію, почувствовалъ онъ въ Москвѣ первый ударъ, лишившій его, до конца жизни, свободнаго употребленія языка и лѣвой руки и ноги. — Четвертая поѣздка его за границу въ Вѣну, въ Карлсбадъ, въ Венгрію, была съ цѣлю употребленія минеральныхъ водъ, которыя, однакожъ, мало принесли ему пользы. Послѣднее время жизни онъ былъ въ пріязни съ Державинымъ, у котораго познакомился съ нимъ Дмитріевъ : и это было накануне смерти Фонъ-Визина...

(Вотъ исчисленіе сочиненій и переводовъ Фонъ-Визина. — Сочиненія : 4 комедіи : «Бригадиръ», «Недоросль», «Выборъ гувернера», «Коріонъ»; «Калисфенъ, греческая повѣсть»; три стихотво-

ренія : «Къ уму моему», «Посланіе къ слугамъ моимъ : Шувалову, Ванькѣ и Петрушкѣ», и «Лисица кознодѣй, басня»; «Поученіе въ Духовъ день, говоренное іереемъ Василюмъ»; нѣсколько статей, приготовленныхъ къ предположенному имъ, но по причинѣ болѣзни несостоявшемуся, сатирическому журналу «Другъ честныхъ людей, или Стародумъ»; «Размышленіе о суетной жизни человѣческой»; «Слово на выздоровленіе цесаревича великаго князя Павла Петровича въ 1779 году»; «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина»; «Вопросы Фонъ-Визина и отвѣты императрицы Екатирины II»; »Письмо къ сочинителю былей и небылицъ отъ сочинителя вопросовъ»; «Челобитная россійской Миннервѣ отъ россійскихъ писателей»; «Письмо къ О. П. Козодавлеву о планѣ россійскаго словаря»; «Опытъ россійскаго сословника» и «Примѣчаніе на критику, касающуюся до россійскаго сословника»; »Письма изъ заграницы» къ графу Петру Ивановичу Панину, къ Я. И. Булгакову, къ сестрѣ, къ родителямъ, «Отрывокъ изъ журнала путешествія» и упомянутое выше «Чистосердечное признаніе» — Переводы : — «Басни Гольберговы»; «Жизнь Сиса, царя Египетскаго», «Альзира или Американцы», трагедія Вольтера, «Юсифъ», поэма сочиненіе Битобе; «Торгующее дворянство, противоположное дворянству военному» французское сочиненіе; «Сидней и Силли, или благодѣяніе и благодарность», повѣсть Ариода, «Слово похвальное Марку Аврелю» То-

маса; «Любовь Хариты и Полидора», повѣсть Бартеми, «Сидней», драма Грессета.

Подобно Державину, Фонъ-Визинъ патріотъ и сынъ своего вѣка. — Но по направленію своей литературной дѣятельности, оба они, сходные между собою въ общности своей литературной характеристики, расходятся въ частномъ ея примѣненіи. — Державинъ, какъ поэтъ лирическій, преисполненъ свѣжаго сочувствія къ свѣтлой сторонѣ настоящаго; Фонъ-Визинъ, какъ комикъ, взирающій на это настоящее сквозь темную призму сатиры, проникнуть теплымъ упованіемъ на лучшее будущее. Но такъ какъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ нравственной реформѣ общества есть просвѣщеніе, разсвѣвающее мракъ предразсудковъ и замѣняющее частный эгоизмъ человѣчественнымъ сочувствіемъ къ благу общественному, — то задушевной идеей Фонъ-Визина, является идея о воспитаніи; — идея же эта, сама собою, распадается двояко: съ одной стороны она представляется какъ идея абсолютнаго невѣжества, съ другой какъ идея ложнаго воспитанія. Здѣсь прямая точка взгляда на комедіи Фонъ-Визина, изъ которыхъ къ первой категоріи принадлежитъ «Недоросль», ко второй, «Бригадиръ» и «Выборъ Губернера.» — «Бригадиръ» и «Недоросль», имѣя благородную общепользную цѣль, ~~не непосредственному своему достоинству~~, составляютъ превосходныя картины современныхъ нравовъ, ~~будучи при томъ смѣлыя~~ ~~артистическія произведенія таланта~~, увѣреннаго въ

себѣ; (но какъ раннее произведеніе, «Бригадиръ» уступаетъ своими относительными достоинствами произведенію болѣе зрѣлому, каковъ «Недоросль»; третья же комедія Фонъ-Визина «Выборъ гувернера» — какъ писанная въ позднѣйшую эпоху болѣзненнаго состоянія автора, по справедливому выраженію римскаго поэта «*mens sana in corpore sano*», недостойна своего автора. Но если нравственная цѣль комедій Фонъ-Визина даетъ имъ прекрасное значеніе не только въ исторіи нашей литературы, но и въ исторіи нашей гражданственности, за то эта же нравственная цѣль, въ примѣненіи собственно къ художественному достоинству комедій Фонъ-Визина, причиною значительнаго, общаго въ нихъ, недостатка — невыдержанности исполненія: такъ, характеры обѣихъ Софій, жениховъ ихъ Добролюбова и Милона, и такъ называемыхъ резонеровъ — Правдина, Стародума, Сеума, Нельстецова въ высшей степени безличны и сцены, гдѣ они участвуютъ, натянуты, а потому скучны и утомительны. Между тѣмъ какъ характеры, на которые устремленъ меткій сатирическій взглядъ Фонъ-Визина, каковы Бригадира и Бригадирши, Совѣтника и Совѣтницы и сына ихъ Иванушки, Простакова и Простаковой и сына ихъ Митрофанушки, также Скотинина — рельефны и сцены, гдѣ они дѣйствуютъ, въ высшей степени интересны; не менѣе типически изображены и простонародныя личности Тришки и Еремѣвны. Но тамъ, гдѣ сатира Фонъ-Визина вдается въ утрировку, являются кари-

катуры, хотя не безъ-интересныя, но художественно невѣрные : таковы характеры Кутейкина, Цыфиркина, Вральмана, князя и княгини Слабоумовыхъ, графини Самодуровой и гувернера Пеликана. Сказано прежде, что Фонъ-Визинъ — преемникъ Каптемира, подобно какъ Державинъ Ломоносова. — Всматриваясь пристально въ его комедіи, нельзя не видѣть, что лучшими вдохновеніями своими онъ обязанъ тому же патріотическому взгляду на современную жизнь, который одушевлялъ и Каптемира. — Доказательствомъ этого могутъ служить лучшіе характеристическіе портреты въ его комедіяхъ (какъ замѣчено выше) — Бригадира, Бригадирши, Совѣтника, Совѣтницы и сына ихъ Иванушки, Простакова, Простаковой и сына ихъ Митрофанушки, также Скотинина. — Припомнимъ здѣсь главнѣйшія черты этихъ характеровъ : —

Совѣтница. Ахъ, сколь счастлива дочь наша ! Она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя ! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Сынъ (*вслушавшись, приподнимаетъ шишку колпака*). Madame ! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ, кромѣ французскаго : наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Бригадирша. О, Иванушка ! Богъ милостивъ. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ, и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздражали. Мой Игнатій Андреевичъ вымещалъ на мнѣ вину каждаго рядоваго.

Бригадиръ. Жена, не все ври, что знаешь.

Совѣтникъ. А я могу и о тебѣ также сказать, дорогой зятюшка, что въ тебѣ путь будетъ. Прилежи только къ дѣламъ, читай больше.

Сынъ. Къ какимъ дѣламъ? Что читать?

Бригадиръ. Читать? Артикулъ и уставъ военный; не худо прочесть также инструкцію межевую молодому человѣку.

Совѣтникъ. Паче всего изволь читать Уложеніе и указы. Кто ихъ, будучи судьей, толковать умѣетъ, тотъ, другъ мой затюшка, нищимъ быть не можетъ.

Бригадирша. Не худо пробѣжать также и мои расходныя тетрадки; лучше: плуты люди тебя не обмануть. Ты тамо не дашь уже пяти копѣекъ, гдѣ надобно дать четыре копѣйки съ денежкой.

Совѣтница. Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была пыльнымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, все на свѣтъ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться навѣки дурую.

Сынъ. Madame, вы говорите правду. O! vous avez raison. Я самъ кромѣ романовъ ничего не читывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня видите.

Добролюбовъ. (видя, что бригадирша слезы отираетъ). О чемъ вы плакали, сударыня?

Бригадирша. Я, мой батюшка, не первый разъ на вѣку плачу. Одинъ Господь видитъ, каково мое житье!

Софья. Что такое, сударыня?

Бригадирша. Закажу и другу и ворогу идти замужъ.

Софья. Какъ, сударыня? Можете ли вы говорить это въ самое то время, когда хотите вы того, чтобъ я была женою вашего сына?

Бригадирша. Тебѣ, матушка, для чего за него нейти? Я сказала такъ про себя.

Добролюбовъ. Итъ, вы про всѣхъ теперь сказать изволили.

Бригадирша. И вѣдомо.

Софья. Какъ же это, то про себя, то про всѣхъ? Скажите, сударыня, что нибудь одно.

Бригадирша. Ты изволь говорить; а мнѣ что?

Добролюбовъ. Чтò же вамъ угодно?

Бригадирша. Ничего. Я пришла сюда такъ, поплакать въ свою волю.

Софья. Да о чемъ же?

Бригадирша. (плача) О томъ, что мнѣ грустно. Теперь Игнатій Андреевичъ напади на меня ни за что ни про что. Ругалъ,

ругаль, а Господь вѣдаетъ за что. Ужъ я у него стала и свищя и дура; а вы сами видите, дура ли я?

Добролюбовъ. Конечно виднѣя, сударыня.

Софья. Да за что онъ такъ на васъ теперь напалъ?

Бригадирша. Такъ, слово за слово. Онъ же такого крутого права, что упаси Господи; того и смотрю, что рѣзнетъ меня чѣмъ ни попало; разсуди же, моя матушка, вѣдь долго ль до бѣды: раскроить черепъ разомъ! Послѣ и спохватится, да не что сдѣлаешь.

Добролюбовъ. Поэтому ваша жизнь всякую минуту въ опасности?

Бригадирша. До лихова часу долго ли?

Софья. Неужели онъ съ вами столько варварски поступалъ, что вы отъ него уже и терпѣли на это похожее?

Бригадирша. То нѣтъ, моя матушка. Этого еще не бывало, чтобъ онъ убилъ меня до смерти. Нѣтъ, нѣтъ еще!

Добролюбовъ. Объ этомъ, сударыня, васъ никто и не спрашиваетъ.

Софья. Довольно, ежели онъ имѣлъ варварство пользоваться правомъ сильнаго.

Бригадирша. То онъ силенъ, матушка. Однажды и то безъ сердцовъ, знаешь, въ шутку, потолкнулъ онъ меня въ грудь, такъ вѣришь ли, мать моя, Господу Богу, что я насилу вздохнула: такъ глазки подъ лобъ и закатились, — не извидѣла свѣта Божьяго?

Софья. И это было въ шутку!

Бригадирша. Насилу отдохнула; а онъ, мой батюшка, хохочетъ, да тѣшится.

Добролюбовъ. Изрядный смѣхъ!

Бригадирша. Недѣль чрезъ пять, шесть и я тому смѣялась, а тогда, мать моя, чуть-было, чуть Богу души не отдала безъ покаянія.

Добролюбовъ. Да какъ же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть-было васъ на тотъ свѣтъ не отправилъ?

Бригадирша. Такъ и жить. Вѣдь я, мать моя, не одна замужемъ. Мое житье-то худо-худо, а все не такъ, какъ, бывало, нашихъ офицершей. Я всего наглядѣлась. У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванью Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная молодка. Такъ, бывало, онъ разсерчалъ за что нибудь, а больше хмѣльной: такъ, вѣришь ли Богу, мать моя, что гвоздитъ онъ, гвоздитъ ее, бывало, въ чѣмъ душа останется, а ни дай ни вынеси за что. Ну мы, наша сторона дѣло, а ипо наплачешься, на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о томъ, что возмущаетъ челоѣчество.

Бригадирша. Вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешь; каково же было терпѣть капитаншѣ?

Сынъ. Какъ, ма тѣге, я жепюсь, и мнѣ нужды нѣтъ до выбора невѣсты?

Бригадирша. И вѣдомо. А какъ отецъ твой женился? А какъ я за него вышла? Мы другъ о другѣ и слыхомъ не слыхали. Я съ нимъ до свадьбы отъ роду слова не говорила, и начала уже мало по малу кое-какъ заговаривать съ нимъ недѣли двѣ спустя послѣ свадьбы.

Сынъ. За то послѣ слишкомъ вы другъ съ другомъ говорили.

Бригадирша. Дай-то Господи, чтобъ и тебѣ такъ же удалось жить, какъ намъ.

Сынъ. Dieu m'en préserve!

Бригадирша. Буди съ вами милость Божія и мое благословеніе.

Сынъ. Très obligé.

Совѣтникъ. Поди сюда, Софьюшка. Мнѣ о многомъ съ тобою поговорить надобно.

Софья. О чемъ изволите, батюшка?

Совѣтникъ. Во-первыхъ, о чемъ ты печалишься?

Софья. О томъ, батюшка, что ваша воля съ моимъ желаніемъ не согласна.

Совѣтникъ. Да развѣ дѣти могутъ желать того, чего не хотятъ родители? Вѣдаешь ли ты, что отецъ и дѣти должны думать одинаково. Я не говорю о нынѣшнихъ временахъ: нынѣ все пошло новое, а въ мое время, когда отецъ виновать бывалъ, тогда дерутъ сына; а когда сынъ виновать, тогда отецъ за него отвѣчаетъ, вотъ какъ въ старину бывало.

Софья. Слава Богу, что въ наши времена этого нѣтъ.

Совѣтникъ. Тѣмъ хуже. Нынѣ кто виновать, тотъ и отвѣчай, а съ иного что ты содрать изволишь? На что и приказы заведены, ежели виновать только одинъ виноватый. Бывало...

Софья. А правому, батюшка, для чего жъ быть виноватымъ?

Совѣтникъ. Для того, что всѣ грѣшны челоѣцы. Я самъ бывалъ судьею: виноватый; бывало, платить за вину свою, а правый

за свою правду; и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ.

Совѣтникъ. ...Однако, про насъ слово: чудно мнѣ, что ты могъ такъ скоро выходить свое дѣло, и, погнавшись за нимъ, не растерялъ и достальное.

Добролюбовъ. Ваша правда. Корыстолюбіе нашихъ лихоимцевъ перешло все предѣлы. Кажется, что нѣтъ такихъ запрещеній, которыя ихъ унять бы могли.

Совѣтникъ. А я такъ всегда говорилъ, что взятки и запрещать невозможно. Какъ рѣшить дѣло даромъ за одно свое жалованье? Этого мы, какъ родились, и не слыхивали! Это противъ натуры человѣческой...

(«Бригадиръ»).

Г-жа Простакова. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ каттанецъ Тришка сшить изволилъ?

Простаковъ (*отъ робости запинаясь*). Мѣ... мѣшковать немного.

Г-жа Простакова. Самъ ты мѣшковать, умная голова.

Простаковъ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Простакова. Вотъ какимъ муженькомъ наградила меня Господь: не смыслитъ самъ разобрать, что широко, что узко.

Простаковъ. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Г-жа Простакова. Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

Скотининъ. Кого? за что? въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата.

Скотининъ. Что жъ я не вижу моей цѣвѣсты? Гдѣ она? Ввечеру быть уже сговору : такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ?

Г-жа Простакова. Успѣемъ, братецъ. Если ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ее докладываемся. Хотя по мужъ, однако я ей свойственница; а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

Простаковъ (Скотинину). Правду сказать, мы поступили съ Софьюшкой какъ съ сущою сироткой. Послѣ отца осталась она младенцомъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкѣ, а моей сватьюшкѣ, сдѣлался ударъ...

Г-жа Простакова (показывая, будто креститъ сердце). Съ нами сила крестная!

Простаковъ. Отъ котораго она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея, г. Стародумъ, поѣхалъ въ Сибирь; а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то мы и считаемъ его покойникомъ. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее въ нашу деревеньку и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты сегодня такъ разоврался, мой батюшка! Еще братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли.

Простаковъ. Ну какъ, матушка, ему это подумать? Вѣдь Софьюшкино недвижимое имѣніе намъ къ себѣ придвинуть не можно.

Скотининъ. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ челомъ; а всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдѣру съ своихъ же крестьянъ, — такъ и концы въ воду.

Простаковъ. То правда, братецъ : весь околотокъ говорить, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-жа Простакова. Хотя бы ты насъ поучилъ, братецъ батюшка; а мы никакъ не утѣмъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали : ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

Г-жа Простакова. Ну, такъ теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофанъ. Да, зады! Какъ не такъ.

Г-жа Простакова. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, другъ мой сердечный! Такое дѣло.

Митрофанъ. Какъ не такое! Пойдешь на умъ ученье. Ты бѣ еще навезла сюда дядюшекъ!

Г-жа Простакова. Чтѣ, чтѣ такое?

Митрофанъ. Да, того и смотри, что отъ дядюшки таска; а тамъ съ его кулаковъ, да за Часословъ. Иѣтъ, такъ я спасибо, ужъ одинъ конецъ съ собою!

Г-жа Простакова (*испугавшись*). Чтѣ, чтѣ ты хочешь дѣлать? Опомнись, душенька!

Митрофанъ. Вѣдь здѣсь и рѣка близко. Пырну, — такъ поминай какъ звали!

Г-жа Простакова (*виѣ себя*). Уморилъ! уморилъ! Богъ съ тобой!

Еремѣевна. Все дядюшка напугалъ: чуть-было въ волосы ему не вѣѣпился. А ни за што, ни про што...

Г-жа Простакова (*съ злобѣ*). Ну...

Еремѣевна. Присталъ къ нему: хочешь ли жениться...

Г-жа Простакова. Ну...

Еремѣевна. Дитя не потаилъ: ужъ давно-де, дядюшка, охота береть. Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскипется...

Г-жа Простакова (*дрожая*). Ну... а ты, бестія, остолбенѣла, а ты не впилаь братцу въ харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремѣевна. Приняла-было! Охъ, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да чтѣ... не твое дитя, бестія! По тебѣ ребенка хоть убей до смерти.

Еремѣевна. Ахъ, Создатель спаси и помилуй. Да кабы братецъ въ ту жъ минуту отойти не изволилъ, то бѣ я съ нимъ поломалась, во чтѣ бы Богъ ни поставилъ: притупились бы эти (*указывая на ногти*); я бѣ и клыковъ беречь не стала.

Г-жа Простакова. Всѣ вы, бестіи, усердны на однихъ словахъ, а на дѣлѣ...

.....

Г-жа Простакова. (*къ Митрофану*). ...Пойдемъ со мною, Митрофанушка. Я тебя изъ глазъ теперь не выпущу. Какъ скажу я тебѣ пещичко, такъ пожить на свѣтѣ слюбителя. Не вѣкъ тебѣ, моему другу, не вѣкъ тебѣ учиться: ты, благодаря Бога, столько уже

смыслишь, что и самъ взведешь дѣточекъ (*къ Еремьевнѣ*). Съ братцомъ перевѣдаюсь не по твоему. Пусть же всѣ добрые люди увидятъ, что мама и что мать родная.

Г-жа Простакова. Пусти! пусти, батюшка! дай мнѣ до рожи, до рожи...

Милонъ. Не пушу, сударыня, не прогнѣвайся!

Скотининъ (*съ запальчивости, оправляя парикъ*). Отвяжись, сестра! Дойдетъ дѣло до ложки: погну, такъ затрешишь.

Милонъ (*г-жѣ Простаковой*). И вы забыли, что онъ вамъ братъ!

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, сердце взяло, дай додраться!

Милонъ (*Скотинину*). Развѣ она вамъ не сестра?

Скотининъ. Что грѣха таить, одного помету: да вишь какъ развизжалась.

(«Недоросль»).

Вотъ правы, вотъ жизнь, куда метитъ перо Фонъ-Визина! Согласитесь, что здѣсь еще болѣе прекрасный патріотическій подвигъ гражданскій, нежели заслуга писателя. Въ этомъ отношеніи первое явленіе пятаго дѣйствія — не смотря на неумѣстность свою въ комедіи — весьма замѣчательно... Обращаясь же непосредственно къ литературной сторонѣ комедій Фонъ-Визина, нельзя не замѣтить особенно комическихъ и вѣрно очерченныхъ сценъ, каковы: въ «Бригадирѣ» — изъясненіе въ любви Иванушки и Совѣтницы (д. I, яв. 3), признаніе Совѣтника предъ Бригадиршей (д. II, я. 3) и Бригадира Совѣтницѣ (д. III, я. 4); въ «Недорослѣ» — въ началѣ комедіи сцена Простаковой съ Тришкой (д. I, я. 1 и 2), сцена ученія Митрофанушки (д. III,

я. 7 и 8), но верхъ совершенства — это окончаніе комедіи (д. V, съ я. 7), гдѣ комическое достигаетъ трагическаго паѳоса и характеръ Простаковой до-рисовывается истинно художественно.

О письмахъ Фонъ-Визина, которыя нѣкогда печатались въ образцовыхъ сочиненіяхъ и хрестоматіяхъ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ кн. Вяземскаго : «Нѣкоторыя изъ писемъ автора нашего, писанныхъ изъ Франціи къ графу П. И. Панину, давно уже извѣстны и пользуются у насъ большимъ уваженіемъ, которое мы никакъ раздѣлить не можемъ. Вѣроятно они были писаны не для печати : этимъ оправдываются встрѣчающіяся небрежности въ слогъ и языкъ ; но тѣмъ строже судимъ мы мнѣнія писателя, который въ частной и пріятельской перепискѣ, могъ свободно высказывать впечатлѣнія и мнѣнія свои въ ихъ естественной наготѣ. Должно признаться, что нѣкоторыя изъ наблюденій путешественника и справедливы, а именно тѣ, кои относятся до политическаго положенія Франціи. Здѣсь жестокія обвиненія наблюдателя оправданы были послѣдовавшею революціею. Но за то въ наблюденіяхъ его о характерѣ французовъ, объ образѣ жизни ихъ и въ характеристикѣ знаменитыхъ писателей, какая неумѣренность, какая оскорбительная рѣзкость въ сужденіяхъ, сколько желчи и даже изступленія ! Впрочемъ не однимъ французамъ достается : нѣмцы, и послѣ того итальянцы, не лучше отдѣланы». Послѣ приведенныхъ замѣтокъ княгини Дашковой, современницы Фонъ-

Визина, посѣщавшей Парижъ, авторъ продолжаетъ : «Мнѣ пріятно было рѣзкимъ приговорамъ Фонъ-Визина противопоставить благонамѣренный отзывъ нашей-же соотечественницы, это будетъ отъ лица русскихъ примирительное, очистительное жертвоприношеніе памяти мужей, которые имѣли свои заблужденія и погрѣшности, но ознаменовали земное поприще свое заслугами просвѣщенію и слѣдовательно человечеству. Можно указать еще и на письма русскаго путешественника, Карамзина. Писанныя безъ педантизма, безъ догматической важности, онѣ содержатъ болѣе истинъ и тонкихъ наблюдений о Франціи и французахъ, нежели письма Фонъ-Визина, которыя писаны будто съ кафедры, во услышаніе и трепетъ грѣшниковъ. Въ одномъ только Карамзинъ сходится съ нимъ, — во мнѣніи о физической нечистотѣ Парижа. — Принявъ уже на себя званіе обвинителя Фонъ-Визина заграничнаго вмѣстѣ съ званіемъ защитника обиженныхъ имъ, не умолчу и другаго обвиненія. Въ письмахъ его многіе изъ наблюдений о правахъ французовъ, и въ особенности тѣ, которыя отзываются истинною и глубоко-мысліемъ, не его. Таить нечего; въ письмахъ своихъ онъ нѣсколько кривилъ совѣстью предъ графомъ Панинымъ, выдавая ему за свои заключенія, выписки изъ книги Дюкло : «*Considerations sur les mœurs de ce siècle*»; кривилъ совѣстью вмѣстѣ съ тѣмъ и предъ Дюкло, заимствуя изъ него обличительныя указанія на современниковъ и утаивая то, что гово-

рилъ онъ въ пользу ихъ» ¹⁾). (За тѣмъ слѣдуютъ выписки изъ Дюкло въ параллель съ заимствованіями, сдѣланными у него Фонъ-Визинь). — Внимательное чтеніе писемъ Фонъ-Визина докажетъ всякому безпристрастному читателю вѣрность мнѣнія князя Вяземскаго, къ которому можно здѣсь прибавить развѣ только догадку : не было ли это у Фонъ-Визина тайною, самымъ имъ себѣ несознаваемою, местию, за моральное зло, причиненное ему въ юности французскимъ вліяніемъ? Но, кромѣ того, что такое исключительное примѣненіе частной своей личности къ общности цѣлой націи слишкомъ эгоистически-мелочно, да при томъ это и не по христіански : истинное христіанство въ такомъ случаѣ молится, а не злословитъ; тѣмъ болѣе, что во всемъ и всегда есть сѣмена добра и зла, и отъ насъ самихъ зависятъ усвоить уму и сердцу своему то, или другое.)

Вотъ литературные представители перваго, Ломоносовскаго, періода нашей словесности! Но литература слагается не изъ этихъ исключительныхъ дѣйствователей, а изъ совокупной дѣятельности

¹⁾ Фонъ-Визинъ, соч. князя Вяземскаго, стр. 121, 134 — 135.

писателей различнаго достоинства въ различныхъ родахъ... Ломоносовскій періодъ нашей словесности представляетъ множество лицъ, трудившихся въ эту пору на литературномъ поприщѣ: загляните въ «Опытъ россійской бібліографіи» Сопикова — (Спб. 1814 — 1821 г. 5 частей) и «Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ бібліотеки Смирдина» (Спб. 1828), и вы найдете такое количество книгъ, изданныхъ въ это время, которое можетъ служить утѣшительнымъ доказательствомъ достаточнаго въ эту пору литературнаго движенія. Но объемъ этого очерка русской словесности не позволяетъ вдаваться въ подробности и требуетъ ограничиться здѣсь лишь перечневымъ исчисленіемъ главнѣйшихъ именъ, способствовавшихъ своими трудами литературному развитію въ различныхъ родахъ словесности.)

По слѣдамъ Ломоносова, вмѣстѣ съ Державнымъ, писали оды, пѣсни, элегіи : *Нелединскій-Мелецкій*, *кн. Долгорукій*, *Капнистъ*, изъ которыхъ первый преимущественно извѣстенъ своими пѣснями, отличавшимися нѣжнымъ чувствомъ и долго обращавшимся во всеобщемъ обиходѣ, второй философскими одами и остроумными посланіями, третій элегіями и, кромѣ того, своею комедіей «Ябеда», представляющею энергическій протестъ истиннаго патріота противу подъячества, составлявшаго лютую общественную язву того времени; эти три лирическихъ поэта, писавшіе стихами, по тому времени, довольно гладкими, чистыми и пріятными, составляютъ поэтическое

созвѣздіе Державина, а Капниттъ, кромѣ того, какъ комикъ, соотвѣтствуетъ Фонъ-Визину. — Какъ стихотворцы въ лирическомъ родѣ и переводчики значительныхъ произведеній древнихъ и новыхъ литературъ, извѣстны также : *гр. Хвостовъ* и *Карabanовъ* — оба члены россійской академіи, писали оды, посланія, притчи и проч., и переводили изъ французскихъ классиковъ Расина, Вольтера, Буало и другихъ; *Поповскій* — переводчикъ «Науки стихотворства» Горация и дидактической поэмы Попе «Опытъ о человѣкѣ»; *кн. Голенищевъ-Кутузовъ* — переводчикъ одъ Сафо, Пиндара, Гезіода, идиллій Теокрита, стихотвореній Грея и поэмы «Четыре части дня» Бернса, также Вольтеровыхъ трагедій «Меропя» и «Смерть Цезаря»; *Костровъ* — переводчикъ александрійскими стихами Гомеровою Илиады (первыя 8 пѣсень) «Стихотвореній Оссіана», «Апулеева золотого осла»; *Бобровъ* — кромѣ лирическихъ стихотвореній и переводовъ изъ англійскихъ поэтовъ, написалъ двѣ поэмы «Таврида, или мой лѣтній день» (при новомъ изданіи переименованная «Херсонидою») и «Древняя ночь вселенной, или странствующій слѣпецъ»; *Барковъ* — кромѣ переводовъ «Гораціевыхъ сатиръ» и «Федровыхъ басень», извѣстенъ преимущественно собственными вакхическими и эротическими стихотвореніями, а также пародіями трагедій Сумарокова, оставшимися не напечатанными; *Майковъ* — писалъ оды, посланія, басни, трагедіи («Агріона», «Θеμισъ и Іеронима»), особенно же

замѣчательны его комическія поэмы «Елисей, или раздраженный Вакхъ» и «Игрокъ Ломбера», также перевелъ стихами «Овидіевы превращенія» и трагедію Вольтера «Меропа»; *Осиповъ* — извѣстенъ преимущественно пародіями «Виргиліевой Энеиды» и «Овидіевыхъ эротическихъ стихотвореній». — Кромѣ упомянутыхъ здѣсь произведеній древнихъ и новыхъ литературъ, переведены, въ то время, почти всѣ значительныя поэмы, начиная съ Гомеровыхъ эпосей, изъ которыхъ принадлежатъ тому времени: переводъ 12 пѣсень «Иліады» — *Екимова*, и переводъ «Одиссеи» — *Соколова*; сверхъ того переведены — «Фарсалия» Лукана, «Луизіада» Камюенса, «Пенстовый Роландъ» Аріоста, «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса, «Потерянный рай» Мильтона, «Мессіада» Клопштока, «Оберонъ» Виланда, «Поэмы Оссіана», «Гонзальвъ кордуанскій» Флоріана, поэмы Геснеровы «Смерть Авеля» и «Первый мореплаватель», и изъ нихъ нѣкоторые, какъ «Поэмы Оссіана» и «Потерянный рай», имѣли нѣсколько переводовъ и изданій.)

(Что касается до драматической словесности нашей въ періодъ Ломоносовскій и театра, воспріявшаго въ это время свое начало, то, — не вдаваясь въ подробности младенческаго состоянія у насъ сценическаго искусства, начиная съ представленій кіевскими семинаристами духовныхъ драмъ Св. Димитрія ростовскаго, а потомъ московскими драмъ Симеона Полоцкаго, также представленій у бояръ Милославскаго и Матвѣева, или нѣмецкими актерами въ

Потышномъ дворцѣ, и придворныхъ спектаклей у царицы Софіи Алексѣевны, а потомъ въ *Комидіальной храминѣ* на московской красной площади, до *италианскихъ интермедій*, въ Петербургѣ на придворномъ театрѣ, а потомъ и французскихъ спектаклей *кассельскихъ актеровъ* ¹⁾, вспомнимъ, что — основателемъ собственно русскаго театра, по справедливости, считается *Волковъ*. По внутреннему страстному влеченію къ сценическому искуству, онъ устроилъ сначала театръ на родинѣ своей въ Ярославѣ, откуда отозванъ былъ по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны въ 1752 году въ Петербургъ, гдѣ и началъ первыя русскія представленія трагедіями Сумарокова. Въ числѣ актеровъ этой первой русской труппы былъ *Дмитревскій* : (и вотъ два корифея нашего театра, память которыхъ останется навсегда незабвенна въ исторіи русскаго сценическаго искуства! — Фонъ-Визинъ называетъ Волкова «мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть чловѣкомъ государственнымъ» ²⁾.) *Дмитревскій*, кромѣ геніальнаго сценическаго таланта, былъ отлично образованъ и даже самъ писалъ стихотворенія, (изъ театралныхъ же сочиненій перевелъ трагедію «Беверлей», двѣ оперы «Рѣдкая вещь» и «Діаннио дерево», также передѣ-

¹⁾ Весьма любопытна „Исторія русскаго театра, музыки и персонъ до 1768 года.“ Штелина, напечатанная въ „С. Петербургскомъ вѣстникѣ“ 1779 года.

²⁾ Чистосердечное признаніе въ Смирд. изд. сочин. Фонъ-Визина, стр. 498.

лалъ комедіи «Раздумчивый Демокритъ», «Лунатикъ» и проч., и сверхъ того сочинилъ «Похвальное слово Сумарокову» (1807.) Ему преимущественно обязаны успѣхомъ трагедіи Сумарокова, составлявшія долго исключительное достоинство тогдашняго репертуара. Впрочемъ, вообще, собственно русская Мельпомена въ періодъ Ломоносовскій скудна количествомъ производителей и произведеній. Кромѣ преемника Сумарокова, Княжнина, плодovitѣйшимъ драматическимъ писателемъ былъ актеръ, сначала петербургскаго а потомъ московскаго театровъ, *Плавильщиковъ* — авторъ трагедій «Рюрикъ», «Тахмасъ Кулы Ханъ» (обѣ въ стихахъ) и «Ермакъ» (въ прозѣ), драмъ «Ленса, или дикіе въ Америкѣ», «Графъ Вальтропъ» (подражаніе нѣмецкой) и комедій «Братья Своеладовы», «Бобыль», «Сидѣлецъ», «Мельникъ и Сбп-теньщикъ соперники». Извѣстна еще трагедія *Николева* «Сорена», имѣвшая въ свое время значительный успѣхъ. † Зато русская Талія періода Ломоносовскаго, по слѣдамъ Сумарокова, съ легкой руки Княжнина, можетъ похвалиться богатствомъ производителей и произведеній. (Замѣчательнѣйшіе изъ комиковъ того времени : *Ефимьевъ* («Преступникъ отъ игры, или братомъ проданная сестра», «Слѣдствіе братомъ проданной сестры», «Вояжеръ, или воспитаніе безъ успѣха»); *Клушинъ* («Смѣхъ и горе», «Услужливый», «Худо быть близорукимъ»); *Веревкинъ* («Такъ и должно»); *Лукинъ* («Мотъ любовью исправленный»); *Прокудинъ-Горскій* («Добродѣтель увѣччанная вѣр-

ностию», «Самохваль», «Судьба деревенская»); *Елманиновъ* («Наказанная вертопрашка», «Награжденное постояльство»). Прибавьте къ этому еще нѣсколько оригинальныхъ и передѣланныхъ оперъ. Полнымъ репертуаромъ того времени можетъ служить «Россійскій театръ, или полное собраніе всѣхъ российскихъ театральныхъ сочиненій, изданное академією наукъ, 43 части, 1786 — 1794». — Изъ писателей иностранныхъ, которыхъ трагедіи, драмы и комедіи были переводимы преимущественно, должно упомянуть имена: Корнеля, Расина, Вольтера, Крепильона, Метастазія, Гольберга, Дидерота, Голдони, Лессинга, Мольера, Бомарше, Шеридана, Мариво, Мерсье, Легранда, Реньяра, Детуша. Изъ переводчиковъ извѣстны особенно: *Нартовъ*, *Кропотовъ*, *Свистуновъ*, и проч. → Говоря вообще о характеристикѣ тогдашнихъ драматическихъ произведеній, надо замѣтить, что всѣ онѣ, — будучи болѣею частію подражанія французскихъ образцовъ, ~~вѣрные правила и условія господствовавшей французской теоріи~~, — въ отношеніи предмета и содержанія своего, писаны подъ вліяніемъ живыхъ современныхъ интересовъ и впечатлѣній, даже до того, что нерѣдко представляютъ просто личности, болѣею частію теперь намъ неопытныя, исключая не многихъ поясненій, оставшихся въ преданіи. Въ такомъ характерѣ явилась комедія наша, при самомъ ея появленіи, у Сумарокова, въ комедіяхъ котораго безпрерывно встрѣчаются намѣтки, предполагающія

мету, на которую они направлены. Вспомнимъ, при этомъ, признаніе Фонъ-Визина о созданіи характера Бригадирши, списаннаго съ московской барыни, за дочерью которой онъ волочился¹⁾; а также замѣчаніе Новикова въ его «Словарѣ» о комедіи Луккина, въ которую, по словамъ его, «сочинитель ввелъ два смѣшные подлинника, которыхъ представлявшіе актеры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ выговоромъ, ужимками и тѣлодвиженіями, также и сходственнымъ къ тому платьемъ, зрителей весьма смѣшили». Еще любопытнѣе, что такія личности были даже въ трагедіяхъ; вотъ также современное свидѣтельство о трагедіи Хераскова «Бориславъ» о коей говорится, что «вся трагедія была сочинена подъ другими именами, нѣкоторыя обстоятельства принудили перемѣнить оныя и поставить вымышленныя; при чемъ должно упомянуть, что пятый актъ совсѣмъ перемѣненъ и при выборѣ другихъ именъ сочиненъ новой»²⁾.)

Были въ это время и романисты, — и представитель ихъ Эминъ, жизнь котораго, сама по себѣ, интересный романъ, (ожидающій еще искуснаго пера. Біографическія извѣстія объ немъ весьма различны³⁾ :

¹⁾ Чистосердечное признаніе, въ Смирд. изд. сочиненій Фонъ-Визина, стр. 492.

²⁾ См. въ Репертуарѣ русскаго театра 1811 г. статья „Любопытная библиографическая рѣзкость“, въ которой представлены извлеченія о старинныхъ театральнхъ пьесахъ изъ интересной книги : „Драматическій словарь, или показаніе по алфавиту всѣхъ русскіихъ театральнхъ сочиненій и переводовъ, съ означеніемъ именъ извѣстныхъ сочинителей, переводчиковъ и слагателей музыки, которыя когда были представлены на театрахъ, и гдѣ, и въ которое время напечатаны. Въ пользу любящихъ театральныя представленія Собранной въ Москвѣ, въ типографіи А. А. 1787 года“.

³⁾ Всѣ эти показанія представлены въ Словарѣ русскихъ свѣдѣній писателей митрополита Епифанія, т. 1, стр. 211.

дѣло въ томъ, что) Эминъ жилъ въ молодости въ Константинополѣ и исповѣдывалъ магометанскую религію, откуда бѣжалъ, въ Лондонѣ крещенъ у посланика русскаго въ грекороссійское исповѣданіе, потомъ прибылъ въ Петербургъ, и, зная много иностранныхъ языковъ европейскихъ и азійскихъ, въ короткое время достигъ познанія въ русскомъ языкѣ въ такой степени, что написалъ множество сочиненій и сдѣлалъ переводовъ (Сочиненія его : романы — «Награжденная постоянность, или приключенія Лизарка и Сарманды», «Непостоянная фортуна, или похождения Мирамонда» (въ которомъ, какъ увѣряютъ, есть намеки на собственную его жизнь), «Письма Эрнеста и Доравры» — подражаніе «Новой Элоизы» Руссо; «Правоучительныя басни въ прозѣ», «Приключенія Эмистокла и разные политическіе, гражданскіе, философическіе, физическіе и военные съ сыномъ своимъ разговоры, постоянная жизнь и жестокость фортуны его гонящей»¹⁾, «Краткое описаніе древнѣйшаго и новѣйшаго состояніе Оттоманской имперіи», «Россійская исторія» (доведенная до Всеволода III, или до 2113 года) и духовно-нравственное сочиненіе «Путь ко спасенію» (имѣвшее до сихъ поръ множество изданій). Переводы : «Безсчастный Флоридоръ, или исторія о принцѣ Ракальгутскомъ, романъ политическій и правоучительный, переводъ съ италіанскаго», «Любовный верто-

¹⁾ Въ Смирдяновской «Росписи книгъ» (Спб. 1828) означены еще, подъ именемъ Эмина, двѣ повѣсти «Игра судьбы» и «Роза».

градъ, или непреоборимое постоянство Камбера и Арисены», «Горестная любовь маркиза де Толедо, испанская повѣсть», «Польская исторія, сочиненная Солиньякомъ, переводъ съ французскаго». — *Захарьинъ* написалъ два романа: «Арфаксадъ, халдейская повѣсть» (въ шести частяхъ) и «Приключенія Клеандра, храбраго царевича лакедемонскаго и Пютильды, королевы еракійской» (въ двухъ частяхъ). — Этому же времени принадлежатъ очень извѣстные два романа: «Несчастный Никаноръ, или приключеніе жизни російскаго дворянина Н.» и «Повѣсть о приключеніи англійскаго милорда Георга и о брандебургской маркграфинѣ Фридерикѣ Луизѣ, съ присокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго турецкаго визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезинъ» — *Комарова* (много разъ перепечатававшийся). — Изъ переводчиковъ, того времени, первое мѣсто принадлежитъ *Воликову*, котораго первый переводъ съ французскаго книги «Балтазара Граціана придворный чело-вѣкъ, переведенъ съ гишпанскаго языка на французскій Амелотомъ де ла Гусей» явился въ самомъ началѣ Ломоносовскаго періода, именно въ 1739 г.¹⁾ Сверхъ того — въ числѣ множества переводовъ,

¹⁾ Посвященъ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, другое же изданіе 1740 г. посвящено принцу Іоанну Антоновичу, но экземпляры этого изданія, уничтожены вслѣдствіе указа императрицы Елисаветы Петровны о перепечатаніи вновь заглавій и ивъствъ, напечатанныхъ въ церковныхъ и гражданскихъ книгахъ съ именемъ правительницы Анны Леопольдовны и принца Іоанна Антоновича, а въ 1760 г. было новое изданіе. (См. „Опытъ російской бібліографіи“ Соинкова, ч II, стр. 273, гдѣ приведены извлеченія изъ этого перевода, интересныя какъ образецъ литературнаго языка того времени)

сдѣланныхъ имъ, зымѣчательны : «Житіе и славныя дѣла Марка Аврелія Антонина, цезаря римскаго, съ собственными его премудрыми разсужденіями о себѣ самомъ, переводъ съ нѣмецкаго», «Эзоповы басни съ нравоученіемъ и примѣчаніями г. Летранжа, переводъ съ французскаго», «Достопамятное въ Европѣ, т. е. описаніе всего, что для любопытнаго смотрѣнія свѣта, также за нужду или по случаю путешествующему въ знатнѣйшихъ мѣстахъ Европы знать и видѣть надлежитъ», сочиненіе Рудольфа Рота, переводъ съ нѣмецкаго, «Нравоучительная книга языкъ, переводъ съ нѣмецкаго», «Наука счастливымъ быть, переводъ съ нѣмецкаго», «Ленобля свѣтская школа, или отеческое наставленіе сыну объ обхожденіи въ свѣтѣ, переводъ съ французскаго». Литературный вкусъ переводчика доказываетъ выборъ сочиненій для перевода: имъ переведены «Монтаньевы опыты» (Спб. 1762 г.) и «Житіе Давида Симпля» — переводъ Фильдингова романа, сдѣланный еще въ 1752 г., но не напечатанный. Есть впрочемъ другой переводъ этого романа, подъ названіемъ : «Давидъ простой, или истинный другъ», Спб. 1798. Въ это же время былъ переведенъ и другой романъ Фильдинга, «Томъ Дононсъ», также Гольдсмитовъ «Вакефельдскій священникъ», Ричардсоновъ «Грандиссонъ», «Кларисса Гарловъ», «Памела», всѣ романы Виланда, повѣсти Вольтера, «Телемакъ» Фенелоновъ, «Хромоногій бѣсъ» Лесажа, знаменитый романъ Кувре «Фобласъ»; наиболѣе же переводимымъ авторомъ въ это время былъ

Арподъ. Замячательнѣйшіе переводчики: *Сипожниковъ*, *Сухаровъ*, *Н. Страговъ*, *Н. Осиповъ*, *Кондратовичъ*, *Н. Яценковъ*. — По авторитету же современной извѣстности, особенно замячатель *Елагинъ*, переводчикъ, вмѣстѣ съ *Лукинымъ*, извѣстнаго романа: «Приключенія маркиза Г., или жизнь благороднаго человека, оставившаго свѣтъ, соч. аббата Прево, перев. съ франц., Спб. 1756 — 1764» (въ новѣйшемъ изданіи 1790 г. прибавлены часть 7-я и 8-я, содержація въ себѣ исторію Маноны Леско): этотъ романъ имѣлъ много изданій до новѣйшаго времени: кромѣ того онъ перевелъ Мольерова «Мизантропа», и трагедію Браве «Безбожный»: преимущественно же извѣстенъ какъ авторъ «Опыта повѣствованія о Россіи», доведеннаго до 1389 г., т. е. кончины В. К. Дмитрія Донскаго. — Еще весьма замячательнымъ лицомъ въ исторіи нашей литературы Ломоносовскаго періода является *Лопухинъ*, который, кромѣ множества переводовъ изъ Флешье, Томаса и разныхъ духовно-правственныхъ сочиненій, также «Подражанія нѣкоторымъ пѣснямъ Давыдовымъ» стихами, и собственной драмы «Торжество правосудія и добродѣтели, или добрый судья», извѣстенъ преимущественно какъ авторъ книгъ, имѣвшихъ цѣлю реакцію проникавшему не чувствительно вліянію философскаго духа XVIII вѣка, увлекавшаго даже, на нѣкоторое время, умы сильные. Вотъ названія его сочиненій этого рода: «Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями», «Изображеніе мечты равенства и буйной

свободы съ пагубными ихъ плодами», «Изліяніе сердца чтущаго благодать единачалія», «Описаніе нѣсколькихъ картинъ и списокъ съ нѣкоторыхъ отрывокъ, находящихся въ магазинѣ давняго смотрѣнія на внутрення причины дѣйствій и на слѣпоту развращенныхъ французовъ», «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели», «Отрывки, сочиненія одного стариннаго судьи, и его же замѣчанія на извѣстную книгу Руссову : *du contrat social*»; кромѣ того онъ писалъ стихи, печатавшіеся въ «Другѣ юношества» и «Сіонскомъ вѣстникѣ», и сочинилъ «Записки о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни и службы своей».)

Въ заключеніе очерка русской словесности въ періодъ Ломоносовскій, съ благоговѣніемъ должно быть упомянуто безсмертное имя императрицы Екатерины II, которая своимъ руководствомъ, покровительствомъ и даже собственнымъ примѣромъ, была, по истинѣ, благодатнымъ геніемъ нашей словесности (въ эту пору первоначальнаго ея развитія, когда преимущественно ей нужны были помощь и поддержаніе....) Предварительнымъ, многостороннимъ и разнообразнымъ, образованіемъ пріуготовившись къ высокому своему назначенію, — императрица Екатерина II, по вступленіи своемъ на престолъ, досуги свои отъ царственныхъ трудовъ, заботъ и попеченій о благѣ отечества, посвящала отечественной литературѣ съ ревностію непримѣрною. — Здѣсь, прежде всего, представляется великій,

столько же государственный сколько и философскій трудъ монархини — ея принопамятный «Наказъ комисіи о сочиненіи новаго уложенія». (предложенный сенату 1766 года декабря 14: рукописи этого «Наказа», на русскомъ языкѣ, болынею частію писанныя собственною ея рукою, и выписки ея, на французскомъ языкѣ, изъ Монтескю, Беккарія и другихъ, а также собственныя ея мысли, служившія основаніемъ этому творенію, — вотъ наша народная святыня, прекрасный памятникъ въ исторіи нашей гражданственности!) Извѣстно, что «Наказъ» былъ переведенъ на языки латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій, новогреческій и польскій; (полнѣйшее изданіе «Наказа», со всѣми приложеніями въ дополнительныхъ указахъ, есть шестое, Спб. 1776, въ 8. → Другой достопамятный трудъ императрицы Екатерины II, по предмету отечественной исторіи, это «Записки касательно россійской исторіи», (помѣщавшіяся въ «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова», изданныя же вполнѣ въ 6 частяхъ 1786 — 1794, а потомъ перепечатанныя въ 1801 году съ именемъ сочинительницы.) Третій важный трудъ императрицы Екатерины II посвященъ отечественной филологіи: это «Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранный десницею Высочайшей Особы» (~~изданный Наполеономъ, Спб. 1787 — 1789 года~~). — Императрица Екатерина II, во всю жизнь свою питая ненависть и отвращеніе къ массонамъ и иллюминатамъ, написала на фран-

цузскомъ языкѣ, потомъ переведенную по русски, книгу подъ заглавіемъ : «Тайна противу пельнаго общества, открытая непричастнымъ онаго, Спб. 1759 года». — Собственно же словесность отечественная гордится слѣдующими произведеніями вѣщеносной писательницы : сказки, писанныя императрицею для царственныхъ внуковъ ея великихъ князей Александра и Константина Павловичей «О царевичѣ Хлорѣ» (Спб. 1787 г.) и «О царевичѣ Февеѣ, Спб. 1782 г.»; комедіи — «О Время!», «Имянины Ворчалкиной», «Вѣстинкова съ вещью» (закрывающія въ себѣ намеки на разные случаи и обстоятельства изъ жизни придворной и свѣтской), «Обольщенный», «Обманщикъ», «Шаманъ сибирскій» (написанныя по случаю пріѣзда въ Петербургъ Калиостра), «Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями», оперы «Февей», «Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичъ», «Повгородскій богатырь Боеславичъ», «Федулъ съ дѣтьми», «Иванъ царевичъ» и «Горе богатырь» (всѣ эти комедіи вышли въ 1778 — 1786); замѣчательно также, что Шекспиръ и романтизмъ впервые явились у насъ подъ перомъ императрицы Екатерины II : «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье, вольное предложеніе изъ Шекспира¹⁾, въ 5 д., Спб. 1786 г.», «Начальное управленіе Олега, подражаніе Шекспиру, безъ сохра-

¹⁾ Это переводъ Шекспировыхъ „Винзорскихъ проказницъ“ названный переложеніемъ потому, что нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія сцены подлинника измѣнены въ переводѣ.

ненія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ, въ 5-ти дѣйств., Спб. 1787» (второе съ картинами и музыкою великолѣпное изданіе, Спб., 1791 въ листъ, третье съ предисловіемъ Болтина, 1793 г.), «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика. подражаніе Шекспиру, безъ сохраненія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ, Спб. 1786 г.» (изданіе второе, съ примѣчаніями Болтина, Спб. 1787 г.). → Пьесы на французскомъ языкѣ, сочиненныя императрицею и подъ ея руководствомъ ея придворными и другими лицами (каковы были : оберъ-камергеръ Шуваловъ, графъ Мамоновъ, графъ Строгоновъ, графъ Кобенцель, посланникъ австрійскаго двора, Сегюръ, министръ французскій, князь де Лишъ, генералъ австрійскій, Эссатъ, французъ, бывшій при кабинетѣ императрицы, и дочь французскаго актера Офреня) и игранныя въ эрмитажномъ театрѣ, собраны подлѣ заглавіемъ «Театръ эрмитажный великія Екатерины, (въ которомъ собраны пьесы, игранныя въ эрмитажѣ императрицы Екатерины II, сочиненныя самою ею и особами, составлявшими ея общество, переводъ съ французскаго. 2 части. Москва 1802». → Наконецъ, императрица Екатерина II находила еще время вести обширную переписку ученую, литературную и политическую, изъ которой изданы : «Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II съ Вольтеромъ (съ 1763 по 1778 годъ, перев. съ франц., 1802» (и потомъ три перевода въ 1803 г.).) «Философическая и политическая переписка императ-

рицы Екатерины II съ докторомъ Циммерманомъ. (съ 1783 по 1792 годъ, перев. съ франц., 1803 г.)», «Высочайшія собственноручныя письма императрицы Екатерины II къ генералу П. Д. Еропкину, и ~~всеноддашніи~~ ~~его допесенія~~, 1808», «Переписка императрицы Екатерины II съ графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ, (1805» (второе изданіе, 1808), «Переписка императрицы Екатерины II съ разными особами, 1808 г.», — Сотрудницей императрицы Екатерины II на поприщѣ просвѣщенія и литературы была *княгиня Дашкова*, наименованная директоромъ академіи наукъ и предсѣдателемъ російской академіи; стараніемъ ея, въ теченіи двѣнадцати лѣтъ изданъ російскою академіею «Російскій этимологическій словарь», въ которомъ обработаны ею самою буквы Ц, Ш, Щ и сдѣланы опредѣленія многимъ словамъ, относящимся къ нравственности и политикѣ. Первымъ ея литературнымъ опытомъ былъ переводъ Вольтерова «Опыта объ эпической поэзіи», напечатанный, равно и нѣкоторыя другія статьи ея, въ разныхъ журналахъ и ея собственномъ журналѣ «Собесѣдникъ любителей русскаго слова», издававшемся 1783 — 1785 г., гдѣ помѣщена была и рѣчь, говоренная ею въ російской академіи. Не имѣя призванія къ драматической словесности, она, по желанію императрицы, написала комедію «Тоисіоковъ, или человекъ безхарактерный», которая напечатана въ «Російскомъ театрѣ», и экспромтомъ драму «Свадьба Фабіана, или алчность къ богатству наказанная», служащую продолженіемъ

драмы Коцебу «Бѣдность и благородство души». Есть еще небольшое ея сочиненіе «Плугъ и соха». — Супруги двухъ писателей *Хераскова* и *Княжнина* (дочь Сумарокова) сами писали стихи. — Въ каталогъ Смирдина есть нѣсколько женскихъ именъ на сочиненіяхъ и переводахъ, изданныхъ въ эту пору. —

Журналистика русская, — минуя непринадлежащія этому обозрѣнію политическія газеты, начинающіяся съ «Курантовъ», въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и, въ царствованіе Петра I, «Вѣдомостей (о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти)», издававшихся въ Москвѣ съ 1705 года, а потомъ продолжавшихся съ 1714 года въ Петербургѣ, — имѣетъ основателемъ своимъ Миллера, сдѣлавшаго, еще за десять лѣтъ до начала этого періода, первый опытъ литературнаго періодическаго изданія, своими такъ называемыми «Примѣчаніями» къ Санктпетербургскимъ вѣдомостямъ, а въ 1755 году онъ основалъ настоящій литературный журналъ, съ библіографіей и критикой, подъ названіемъ «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія» (~~перепечатываемыя въ послѣдствіи времени~~ : «Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащія»). Чрезъ четыре года явилась «Трудолюбивая пчела» *Сумарокова* и затѣмъ журналы *Хераскова* : «Полезное увеселеніе» и «Свободные часы». (Чрезъ пять лѣтъ, въ одинъ годъ (1769), явились разомъ нѣсколько журналовъ, (въ томъ числѣ

представителя журналистики этого времени Новикова, о которыхъ будетъ сказано далѣе), именно : «Праздное время въ пользу употребленное», «Полезное съ пріятнымъ», «Смѣсь», «Поденщина» *Тузова*, «Адская почта» *Эмина*, «Всякая всячина» *Козицкаго*, «И то и сію» *Башилова*, «Ни то ни сію» *Рубана*, который въ слѣдующіе затѣмъ годы издавалъ еще два журнала «Трудолюбивый муравей», и «Старина и новизна». — Вотъ и прочіе журналы Ломоносовскаго періода : «Собраніе разныхъ сочиненій и новостей», изданное академіею наукъ, «Санктпетербургскій вѣстникъ» *Богдановича*, въ которомъ по образцу Миллера, помѣщались извѣстія о книгахъ, «Вечерняя заря», «Утро», «Модное ежемѣсячное изданіе» *Майкова*, «Что нибудь», «Растущій виноградъ», и «Зеркало свѣта» — *Туманскаго*, «Лекарство отъ скуки», «Россійскій магазинъ», «Утренніе часы» — *Рахманова*, «Бесѣдующій гражданинъ» — *Антоновскаго*, «Дѣло отъ бездѣлья» — *Решетникова*, «Прохладные часы», «Сатирическій вѣстникъ» *Н. Страхова*. Къ этому же времени относятся журналы писателя, принадлежащаго Карамзинскому періоду, по начавшаго свое поприще въ качествѣ журналиста въ періодѣ Ломоносовскомъ : это именно баснописца *Крылова* — «Почта духовъ», а также «Зритель» и «Санктпетербургскій Меркурій», издававшіеся имъ вмѣстѣ съ *Клушинымъ*. Сказано выше, что *Новиковъ* былъ представителемъ журналистики періода Ломоносовскаго. Вотъ названіе его журналовъ, издававшихся имъ въ теченіи двад-

цати пяти лѣтъ, съ 1769 по 1784 годъ/: «Тру-
тень», «Парнасскій щепетильникъ», «Вечера», «Жи-
вописецъ», «Кошелекъ», «Утренній свѣтъ», «Мо-
сковское ежемѣсячное изданіе», «Покоящійся тру-
долюбецъ»). Изъ этихъ журналовъ особенно заслу-
живаетъ вниманіе «Живописецъ», въ своей нату-
ральной и яркой сатирѣ представляющій живую,
одушевленную панораму нравовъ, образа жизни,
мыслей и самого общественнаго языка того времени:
поэтому журналъ этотъ пользовался значительнымъ
успѣхомъ и имѣлъ пять изданій (1772 — 1793).
Въ другомъ отношеніи, не менѣе важенъ и интересенъ
его «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ
писателяхъ», изданный имъ въ 1772 году. Кромѣ
того, Новиковъ посвящалъ труды свои изданію ма-
теріаловъ отечественной исторіи и географіи, каковы
его: «Древняя россійская вивліоѳека», «Повѣствованіе
древностей россійскихъ», и «Древняя россійская гидро-
графія». Въ послѣдствіи времени Новиковъ уклонился
отъ прежняго направленія своихъ трудовъ, увлекшись
нѣмецкимъ мистицизмомъ, начавшимся въ концѣ этого
періода — какъ реакція французскому скептицизму,
преимущественно же распространившимся и возбуж-
давшимъ нѣкоторое время общее вниманіе въ слѣдую-
щемъ, второмъ, періодѣ...). Заслуга Новикова въ оте-
чественной литературѣ останется незабвенна, по его
ревностному содѣйствію усиленію литературной дѣя-
тельности и распространенію отечественной образо-
ванности: кромѣ усовершенствованія университетской

московской типографіи онъ, ~~сверхъ того, какъ гово-
рится въ «Словарѣ» митрополита Евгенія¹⁾~~, завелъ
еще три особыхъ типографій (подъ разными наиме-
нованіями, изъ которыхъ особенно извѣстна такъ
называемая *типографическая компанія*) печатавшіяся
въ его типографіяхъ книги онъ разсылалъ ежегодно
gratis въ академію наукъ, въ московскій универси-
тетъ, также въ духовныя училища въ Москвѣ и по
губерніямъ; онъ первый открылъ публичную библио-
теку для чтенія и началъ издавать подробные и
обстоятельные библиографическіе каталоги. (А вотъ и
современное объ немъ свидѣтельство : — «За 25
лѣтъ передъ симъ были въ Москвѣ двѣ книжные
лавки, которые не продавали въ годъ ни на 10
тысячъ рублей. Теперь ихъ 20, и всѣ вмѣстѣ вы-
ручаютъ онѣ ежегодно около 200,000 рублей.
Сколько же въ Россіи прибавилось любителей чте-
нія? Это пріятно всякому, кто желаетъ успѣховъ
разума, и знаетъ, что любовь ко чтенію всего бо-
лѣ имъ способствуетъ. Господинъ Новиковъ былъ
въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной
торговли. Взявъ на откупъ университетскую типо-
графію, онъ умножилъ механическіе способы книго-
печатація, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки
въ другихъ городахъ, всячески старался пріохотить
публику ко чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не

¹⁾ См. Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, т. II, стр. 103.

забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый голландскій или англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель: то есть, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось московскихъ газетъ не болѣе 600 экземпляровъ: г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богаче содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ разныя другія статьи, и наконецъ выдавалъ при вѣдомостяхъ безденежно Дѣтское чтеніе, которое новостію своего предмета и разнообразіемъ матеріи, не смотря на ученическій переводъ многихъ пьесъ, нравилось публикѣ. Число пренумерантовъ ежегодно умножалось и лѣтъ черезъ десять дошло до 4,000». Это было писано въ 1801 году Карамзинымъ ¹⁾, который, отъ Новикова получилъ русскую журналистику, и этимъ-то «Дѣтскимъ чтеніемъ» (о которомъ самъ говоритъ здѣсь такъ скромно) началъ свое литературное поприще, на которомъ является преобразователемъ нашей литературы и языка, и потому его именемъ характеризуется слѣдующій второй періодъ.)

¹⁾ Ся. Смирдиновское изданіе сочиненій Карамзина, т. III, стр. 545.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

КАРАМЗИНЪ.

Но неисповѣдимымъ путемъ промысла, въ годъ смерти Ломоносова раждается преемникъ его въ великомъ дѣлѣ созданія отечественной литературы: это былъ сынъ симбирскаго дворянина *Николай Карамзинъ*. Біографія его не многосложна. Послѣ первоначальнаго воспитанія въ домѣ родительскомъ, онъ получаетъ образованіе въ пансіонѣ Шадена при московскомъ университетѣ, гдѣ учится языкамъ древнимъ — греческому и латынскому и новымъ — французскому, нѣмецкому, англійскому и итальянскому, слушаетъ въ московскомъ университетѣ лекціи отечественной и всеобщей исторіи, теоріи и исторіи словесности, и, начавъ въ дѣтскомъ возрастѣ съ басень Геллерта, прочитываетъ, въ пору ранней юности, образцовыхъ европейскихъ писателей. — Записанный гвардіи въ преображенскій полкъ, по прибытіи въ Петербургъ, онъ въ землякѣ и родственникѣ своемъ Дмитріевѣ пріобрѣтаетъ друга на всю жизнь. По выходѣ въ отставку, Карамзинъ, при

содѣйствіи Дмитріева, знакомится въ Москвѣ съ Новиковымъ, который въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II, выводитъ его на литературное поприще. Два года потомъ путешествуетъ Карамзинъ за границу. По возвращеніи въ отечество тринадцать лѣтъ издаетъ журналы и альманахи, пользуясь пріязнію Державина и Хераскова. — Чрезъ посредство Муравьева достигаетъ почетнаго званія исторіографа и съ этимъ званіемъ остальные двадцать два года жизни своей, въ продолженіи царствованія императора Александра I, подъ непосредственнымъ его высокимъ вниманіемъ и покровительствомъ, трудится надъ отечественною исторіею, (за которую нынѣ царствующій Императоръ Николай I воздаетъ ему отъ лица отечества достойную награду. — Такъ, вся жизнь Карамзина была посвящена отечественной литературѣ, въ исторіи которой онъ является преобразователемъ словесности и языка: поэтому исторія литературной его дѣятельности составляетъ изображеніе реформы въ русской словесности и русскомъ языкѣ, съ которой начинается этотъ второй періодъ.)

Первымъ литературнымъ опытомъ Карамзина былъ переведенный имъ съ нѣмецкаго «Разговоръ австрійской Маріи Терезіи съ императрицею Елисаветою въ Елисейскихъ поляхъ», за который, въ вознагражденіе, получилъ онъ отъ книгопродавца Миллера двѣ книжки Фильдингова романа «Томъ Джонсъ» (въ переводѣ Харламова; потомъ перевелъ онъ Гесне-

рову идиллію «Деревянная нога», напечатанную въ 1783 году, въ тотъ самый годъ, въ который — какъ мы видѣли выше — появились въ первый разъ «Фелица» и «Недоросль». — Съ 1785 — 1789 г.) онъ, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Петровымъ, издавалъ журналъ подъ названіемъ «Дѣтское чтеніе для сердца и разума», составлявшееся изъ переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго, и преимущественно изъ «Друга дѣтей» Вейсе, о которомъ онъ говоритъ : «Въ Германіи многіе писатели пишутъ для дѣтей и молодыхъ людей ; но никто не писалъ и не пишетъ лучше Вейсе. Онъ самъ отецъ , и отецъ нѣжный , посвятившій себя воспитанію юныхъ сердецъ. Со всѣхъ сторонъ осыпали его благодарностію , когда онъ издавалъ свои еженедѣльные листы : дѣти благодарили за удовольствіе , а отцы за видимую пользу , которую сіе чтеніе приносило ихъ дѣтямъ» ¹⁾. — Тоже, что Карамзинъ говоритъ о дѣтскомъ журналѣ Вейсе , можно сказать и о его дѣтскомъ журналѣ ; успѣхъ «Дѣтскаго чтенія» Карамзина былъ блистательный : оно читалось во всей Россіи и имѣло четыре изданія.

Въ теченіи двухъ лѣтъ , 1789 и 1790, Карамзинъ путешествовалъ за границую , описывая свои путевыя впечатлѣнія въ письмахъ къ друзьямъ своимъ , извѣстныхъ подъ названіемъ «Писемъ русскаго пу-

¹⁾ См. Смирд. изд. сочиненій Карамзина, т. II, стр. 130.

тешественника»: двадцать шестаго мая выѣхавъ изъ Санктпетербурга, онъ, чрезъ три недѣли, въ Кенигсбергѣ, гдѣ представляется Кашту, запечатлѣвая въ памяти рязсужденія изъ бесѣды великаго мыслителя; въ Берлинѣ знакомится онъ съ извѣстнымъ въ нѣмецкой литературѣ писателемъ и книгопродавцемъ Николаи, съ поэтомъ Рамлеромъ и психологомъ Морцомъ, въ берлинскомъ театрѣ смотритъ драмы Коцебу и трагедіи Шиллера: въ Дрезденѣ обзрѣваетъ картинную галерею, сообщая при этомъ краткія свѣдѣнія о знаменитыхъ художникахъ Рафаэлѣ, Корреджіо, Анджело, Романо, Веронезѣ, Караччи, Тинторетѣ, Бассано, Джіордано, Сальваторѣ Роза, Пуссенѣ, Рубенсѣ, Фанъ-Дикѣ; въ Лейпцигѣ памятникъ Геллерту напоминаетъ ему первую пору его умственного развитія въ лѣта дѣтства, и здѣсь же онъ слушаетъ эстетическія лекціи Платнера, знакомится съ Вейсе, Гердеромъ, Виландомъ, Гёте видитъ лишь въ окно; во Франкфуртѣ обзрѣваетъ тамошнія историческія достопримѣчательности, начиная съ портретовъ всѣхъ германскихъ императоровъ, равно и въ Страсбургѣ; съ поэтическимъ восторгомъ выѣхавъ въ Швейцарію, Карамзинъ въ Базелѣ не пропускаетъ ни монумента Эразма, ни картинъ Гольбейна, ни дома Парацельса; въ Цюрихѣ, проживъ двѣ недѣли, проводитъ время у Лафатера; путешествіе по Альпамъ, извлекаетъ въ письмахъ его нѣсколько одушевленныхъ и живописныхъ страницъ; изъ Берна заѣзжаетъ онъ въ Лозанну, гдѣ посвя-

щаетъ воспоминанія свои автору «Новой Элоизы», а живя пять мѣсяцевъ въ Женевѣ, посѣщаетъ Ферней и сближается съ Боннетомъ; въ Лионѣ знакомится съ нѣмецкимъ поэтомъ Маттисономъ; наконецъ достигаетъ Парижа, и здѣсь все предметомъ его любопытства — и улицы парижскія съ его палероялемъ, и достопримѣчательныя зданія, и національное собраніе, и академіи, и театры, и окрестности Парижа — царственный Версаль, свѣтскій Марли, поэтический Эрменонвиль, гдѣ поконится прахъ Руссо: изъ литературныхъ знаменитостей, въ Парижѣ знакомится онъ съ Бартельми — авторомъ «Путешествія Анахарсиса», съ Левекомъ — авторомъ «Русской исторіи» и Мармонтелемъ, — авторомъ «Велизарія», повѣсти котораго переводилъ потомъ Карамзинъ; чрезъ Кале и Дувръ пріѣзжаетъ онъ въ Лондонъ и съ такимъ же вниманіемъ обозрѣваетъ здѣсь всѣ достопримѣчательности — Justice Hall, Нюгетъ, Бедламъ, Tower, биржу, Королевское общество, парламентъ, Сентъ-Джемсъ, Виндзоръ, Вестминстеръ, театры, вокзалы, загородные мѣста: и въ Англіи, какъ и во Франціи, онъ съ тонкою отчетливостію, наблюдаетъ характеристику той и другой націи и выражаетъ въ вѣрныхъ и меткихъ очеркахъ, одушевленныхъ, притомъ, прекрасною человѣчественною симпатіею, столь отличною отъ желчнаго сарказма Фонъ-Визинскаго.)

Возвратившись въ отечество, Карамзинъ, на другой годъ, началъ издавать, въ теченіи двухъ лѣтъ, въ 1791 и 1792 годахъ, «Московский журналъ», въ

составъ котораго входили стихотворенія Державина, Дмитріева, Хемницера, Нелединскаго-Мелецкаго, и собственныя Карамзина, также его повѣсти оригинальныя, («Бѣдная Лиза» — изъ жизни современной, «Прекрасная царевна и счастливой Карло» — изъ народныхъ преданій, и «Наталья боярская дочь» — изъ міра историческаго) и переводныя (изъ Мармонтеля), «Письма русскаго путешественника», разборы пьесъ, игранныхъ на московской сценѣ, и новости парижскихъ театровъ, переведенныя съ французскаго, разборы русскихъ книгъ и извѣстія объ иностранныхъ сочиненіяхъ, заимствованныя изъ иностранныхъ журналовъ; все это, кромѣ того, что по своему предмету, содержанію и направленію было ново, интересно; для тогдашней публики, получало еще болѣе заманчивость отъ языка, которымъ писано, — языка столь же новаго какъ идеи и чувства, имъ выражаемыя: и потому-то журналъ Карамзина не только во время изданія своего имѣлъ успѣхъ, но и по прекращеніи помѣщенія въ немъ сочиненія Карамзина въ стихахъ и прозѣ были изданы отдѣльно подъ заглавіемъ «Мои Бездѣлки» (1794 — 1797 г. и 2-е изд. 1801 г.), равно и Мармонтелевы повѣсти («Новыя Мармонтелевы повѣсти» 2 части 1797 — 1798 г., 2-е изд. 1822 г.), да и самъ «Московский журналъ» чрезъ десять лѣтъ послѣ своего изданія перепечатанъ былъ вновь (1801 — 1803). — Въ 1794 году издалъ Карамзинъ альманахъ, или литературный сборникъ, подъ названіемъ «Аглая»,

состоявшій изъ его стихотвореній и большой въ стихахъ сказки «Илья Муромецъ», написанной въ подражаніе размѣру старинныхъ русскихъ сказокъ, а также статей въ прозѣ, какъ-то : «Островъ Бюригольмъ», — истинный рассказъ изъ путевыхъ впечатлѣній при возвращеніи изъ Лондона въ Кронштадтъ на кораблѣ «Британія» ¹⁾, продолженіе «Писемъ русскаго путешественника», «Цвѣтникъ на гробѣ моего Агатона» — трогательныя воспоминанія о другѣ Карамзина Петровѣ, «Аѳинская жизнь» — легкій литературный очеркъ, написанный подъ вліяніемъ «Анахарсиса» Бартельми, «Мелодоръ къ Филалету» и «Филалеть къ Мелодору», «Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи» — опроверженіе извѣстнаго разсужденія Руссо : «Discours sur la question, proposée par l'academie de Dijon, si l'établissement des sciences et des arts a contribué à épurer les mœurs» — написанное (какъ говоритъ самъ Карамзинъ въ примѣчаніи) по поводу нечаянно попавшейся ему въ руки «пѣсы одного неизвѣстнаго нѣмецкаго автора, въ которой бѣдныя науки страдаютъ ужаснымъ образомъ», которая заставила Карамзина прочесть со вниманіемъ трактатъ Руссо ²⁾; «Аглая» была издана вторично въ 1796 году, а «Письма русскаго путешественника» напечатаны от-

¹⁾ Въ этомъ то рассказѣ есть извѣстная нѣкогда пѣсня :

Законы осуждаютъ

Предметъ моей любви.

²⁾ См. Смирдин. изданіе сочиненій Карамзина, т. III, стр. 374.

дѣльно выполнѣ въ 1797 — 1801 г. въ 6 частяхъ. — Затѣмъ, при содѣйствіи Державина и Дмитріева, Карамзинъ издалъ собраніе стихотвореній, которое онъ называлъ «Аониды» (1796 — 1799 г. 3 части). Въ это же время (1796 — 1799) Карамзинъ напечаталъ отдѣльными брошюрами повѣсть «Юлія» — сюжетъ которой взятъ изъ современной свѣтской жизни, и «Разговоръ о счастіи» — въ которомъ изъ разговаривающихъ лицъ Филалета и Мелодора онъ въ лицѣ перваго выразилъ собственный образъ мыслей. — Но Карамзинъ не оставлялъ и переводовъ и въ 1798 году издалъ въ 3 частяхъ «Пантеонъ иностранной словесности» — богатую, разнообразную, интересную бібліотеку современной иностранной словесности по разнымъ отраслямъ наукъ и словесности, долго имѣвшую обширѣйшій кругъ читателей, (вторично изданъ въ 1818 году). Въ 1801 году Карамзинъ, вмѣстѣ съ Бекетовымъ, предприняли издавать «Пантеонъ русскіихъ авторовъ»: Карамзинъ писалъ текстъ, Бекетовъ приготавливалъ портреты; но изданіе это остановилось на первой книжкѣ.)

Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Карамзинъ высказался вполне — какъ человекъ и литераторъ! — Къ сочиненіямъ, въ которыхъ преимущественно выразилась задушевная философія Карамзина, должны быть отнесены, изъ стихотвореній: «Опытная Соломонова мудрость» и «Посланіе къ Дмитріеву», «Весеннее чувство», «Надежда», «На смерть кн. Хованскаго», «Къ бѣдному поэту», «Посланіе къ Плещееву», «Къ

самому себѣ», «Посланіе къ женщинамъ», «Къ невѣрной», «Къ вѣрной», «Дарованія», «Протей», «Гимнъ глупцамъ», «Къ добродѣтели», «Стихи на скоропостижную смерть Пельскаго»; изъ прозаическихъ статей: «Цвѣтокъ на гробѣ моего Агатона», «Мелодоръ къ Филалету», «Филалеть къ Мелодору», «Разговоръ о счастьи», «Чувствительный и холодный», (хотя эта пьеса напечатана и позже въ «Вѣстникѣ Европы».) — Вотъ нѣсколько отрывковъ, въ которыхъ обнаружился взглядъ Карамзина на жизнь, — его, такъ сказать, сердечныя убѣжденія.

По грозной влагѣ океана
Мы всѣ плывемъ на кораблѣ
Во мракѣ бури и тумана;
Плывемъ, спѣшимъ пристать къ землѣ —
Но вѣтръ ярится съ новой силой,
И море... служить намъ могилой.

Умы людей ослѣплены.
Что предковъ нашихъ обольщало,
Тѣмъ самымъ мы обольщены;
Ученье ихъ для насъ пропало:
И наше также пропадетъ —
Потомковъ таже участь ждетъ.

Ничто не ново подъ луною:
Что есть, то было, будетъ ввѣкъ.
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ,
И прежде былъ онъ жертвой рока,
Надежды, слабости, порока.

.....

Какъ жизнь для смертнаго мятежна!
И мы еще желаемъ жить!

Какъ власть и слава ненадежна!
И мы хотимъ мечтамъ служить,
Любить, чего любить не должно —
Искать, чего найти не можно!

.....

Что насъ за гробомъ ждетъ, не знаетъ и мудрецъ.
Могила, тѣбѣ всему ли есть конецъ?
Угаснетъ ли душа съ разрушеннымъ покровомъ,
На небо ль воспаривъ, жить будетъ въ тѣлѣ новомъ?

Сей тайны изъ людей никто не разрѣшилъ.
И червя произвелъ Творецъ непостижимый;
Животныя и мы Его рукой хранимы;
Ихъ такъ же, какъ и намъ, Онъ чувство сообщилъ.

Подобно намъ, они родятся, умираютъ :
Гдѣ будетъ ихъ душа? гдѣ будетъ и твоя,
О бранный человѣкъ? Въ нихъ чувства исчезаютъ,
Исчезнуть и во мнѣ : увы! чтожь буду я?

.....

Такъ все проходитъ здѣсь — и скоро гласъ пріятный
Умолкнетъ навсегда для слуха моего;
Свирѣли, звуки арфъ ему не будутъ вняты;
Застынетъ въ жилахъ кровь отъ хлада своего.

Исчезнуть для меня всѣ прелести земныя;
Ливанское вино престанетъ вкусу лѣстить;
Преклонится отъ лѣтъ слабѣющая выя,
И томною ногой я долженъ въ гробъ ступить.

Подруги нѣжныя, которыхъ ласки были
Блаженствомъ дней моихъ! простите навсегда!
Уже судьбы меня съ любовью разлучили;
Весна не расцвѣтетъ для старца никогда.

А ты, о юноша прелестный!
Спѣвши цвѣты весною рвать,
И время жизни, даръ небесный,

Умѣй въ забавахъ провождать ;
Забава есть твоя стихія :
Улыбка красить дни младя.

За чашей свѣтлаго вина
Бесѣдуй съ умными мужаи ;
Когда же тихая луна
Явится на небѣ съ звѣздами ,
Спѣши къ возлюбленной своей , —
Забудь... на время мудрость съ ней.

Люби!... но будь во всемъ умѣренъ ;
Поль нѣжный часто намъ не вѣренъ ;
Любя , умѣй и разлюбить.
Привычки , склонности и страсти
У мудрыхъ должны быть во власти :
Не мудрымъ цѣпи ихъ носить.

Не будь ни въ чемъ излишне строгъ ;
Щади безумцевъ горделивыхъ ,
Щади невѣждъ самолюбивыхъ ;
Безъ гнѣва обличай пороки :
Добро всегда собой прекрасно ,
А зло и гнусно и ужасно.

Прощая слабости другихъ ,
Ты будешь слабымъ любимъ :
Любовь же есть святой учитель.
И кто не падалъ иногда ?
Мудрецъ , народовъ просвѣтитель ,
Бывалъ ли мудръ и твердъ всегда ?

Въ какихъ странахъ благословенныхъ
Сіяетъ вѣчно солнца лучъ ,
И гдѣ не видимъ бурныхъ тучъ ,
Огнями молній воспаленныхъ ?
Ахъ ! самый лучшій изъ людей
Бывалъ игрищемъ страстей.

Не только для благихъ , будь добръ и для коварныхъ ,
Подобно какъ Творецъ на всѣхъ дары лѣтъ.
Прекрасно другомъ быть сердце неблагодарныхъ !
Награды никогда великій мужъ не ждетъ.

Награда для него есть совѣсть , духъ покойный
(Безуміе и злость всегда враги уму :
Вниманія его ихъ стрѣлы не достойны ,
Онъ или не являть : премудрость щить ему).

Сіяютъ передъ нимъ безсмертія свѣтили ;
Божественный огонь блещетъ въ его очахъ.
Ему не страшень видъ отверстія могилы :
Онъ тѣломъ на землѣ , но сердцемъ въ небесахъ.

(•Опытная Соломонова мудрость, или мысли
выбранныя изъ еkkлeзіаста•).

И я , о другъ мой ! наслаждался
Своею красною весной ;
И я мечтами обольщался —
Любилъ съ горячностью людей ,
Какъ нѣжныхъ братій и друзей ;
Желалъ добра имъ всей душою ;
Готовъ былъ кровію моею
Пожертвовать для счастья ихъ ,
И въ самыхъ горестяхъ своихъ
Надеждой сладкой веселился
Не бесполезно жить для нихъ —
Мой духъ сей мыслию гордился !
Источникъ радостей и благъ
Открыть въ чувствительныхъ душахъ ;
Плѣнить ихъ истиной святою.
Ея нетлѣнной красотою :
Орудіемъ небеснымъ быть
И въ памяти потомства жить ,
Казалось мнѣ всего славнѣе ,
Всего прекраснѣе , милѣе !
Я жребій свой благословлялъ ,
Любуясь прелестью награды —

И тихій свѣтъ мосей лампы
Съ звѣздою утра угасалъ.
Златое, дневное свѣтило
Примѣромъ, образцемъ мнѣ было...
Почто, почто, мой другъ, не вѣкъ
Обманомъ щастливъ человекъ?

Но время, опытъ разрушаютъ
Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ;
Красы волшебства исчезаютъ...
Теперь иной я вижу свѣтъ.

.....

Но что же намъ, о другъ любезный!
Осталось дѣлать въ жизни сей,
Когда не можемъ быть полезны,
Не можемъ премѣнять людей?
Оплакать бѣдныхъ смертныхъ долю,
И мрачный свѣтъ предать на волю
Судьбы и рока: пусть они,
Симъ міромъ правя искони,
И впредь творять, что имъ угодно!
А мы, любя дышать свободно,
Себѣ построимъ тихій кровъ,
За мрачной тѣнію лѣсовъ,
Куда бы злые и невѣжды
Во вѣкъ дороги не нашли,
И гдѣ бъ, безъ страха и надежды,
Мы въ мирѣ жить съ собой могли,
Гнушаться издали порокомъ,
И яснымъ, терпѣливымъ окомъ
Взирать на тучи, вихрь суетъ,
Отъ грома, бури укрываясь,
И въ чистомъ сердцѣ наслаждаясь
Мерцаніемъ вечернихъ лѣтъ,
Остаткомъ теплыхъ дней осеннихъ.

.....

Любовь и дружба — вотъ чѣмъ можно
Себя подъ солнцемъ утѣшать!
Искать блаженства намъ не должно,
Но должно — менѣе страдать;
И кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Былъ другомъ нѣжнымъ, другомъ чтимымъ,
Тотъ въ мірѣ семъ не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ.

Пусть громы небо потрясаютъ,
Злодѣи слабыхъ угнетаютъ,
Безумцы хвалятъ разумъ свой!
Мой другъ! не мы тому виной.
Мы слабыхъ здѣсь не угнетали,
И всѣмъ ума, добра желали:
У насъ не черныя сердца!
И такъ безъ трепета и страха
Намъ можно ожидать конца
И лечь во гробъ, жилище праха.
Завѣса вѣчности страшна
Убійцамъ, кровью обограннымъ,
Слезами бѣдныхъ орошеннымъ,
Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
Тотъ съ тихимъ чувствіемъ встрѣчаетъ
Златую Фебову стрѣлу
И ангелъ мира освѣщаетъ
Предъ нимъ густую смерти мглу.
Тамъ — тамъ — за синимъ океаномъ,
Вдали, въ мерцаніи багрянотъ,
Онъ зреть... но мы еще не зримъ.
(«Посланіе къ Дмитріеву».)

Каковъ ни есть подлунный свѣтъ;
Хотя блаженства въ ономъ нѣтъ:
Хотя въ немъ горестъ обитаетъ:
Но мы для свѣта рождены,
Душей, умомъ одарены,
И должны въ немъ, мой другъ, остаться.
Чѣмъ можно, будемъ наслаждаться,

Какъ можно менѣе тужить ,
Какъ можно лучше , тише жить ,
Безъ всякихъ суетныхъ желаній ,
Пустыхъ , блестящихъ ожиданій ;
Но что пріятное найдемъ ,
То съ радостью себѣ возьмемъ .
Въ лѣсахъ унылыхъ и дремучихъ
Бывасть краше анемонъ ,
Когда украдкой выдетъ онъ
Одинъ среди песковъ сыпучихъ ;
Во тѣмъ густой , въ печальной мглѣ
Сверкнетъ лучъ солнца веселѣе : —
Добра не много на землѣ .
Но есть оно — и тѣмъ милѣе
Ему быть должно для сердець .
Кто малымъ можетъ быть доволенъ ,
Не скованъ въ чувствахъ , духомъ воленъ ,
Не есть чиновъ , богатства льстець ,
Душею такъ же прямъ . какъ станомъ ,
Не ищетъ благъ за океаномъ
И съ моря кораблей не ждетъ ,
Шумящихъ вѣтровъ не робѣетъ ,
Подъ солнцемъ домикъ свой ищетъ ,
Въ сей день для дня сего живетъ
И мысли въ даль не простираетъ ;
Кто смотритъ прямо-всѣмъ въ глаза ;
Кому несчастнаго слеза
Отравы въ пищу не вливаетъ ;
Кому работа не трудна ,
Прогулка въ полѣ не скучна ;
И отдыхъ въ знойный часъ любезенъ ;
Кто ближнимъ иногда полезенъ
Рукой своей или умомъ ;
Кто можетъ быть пріятнымъ другомъ ,
Любимымъ , счастливымъ супругомъ
И добрымъ милыхъ чадъ отцомъ ;
Кто музъ отъ скуки призываетъ
И нѣжныхъ грацій , спутникъ ихъ ;
Стихами , прозой забавляетъ
Себя , домашнихъ и чужихъ !
Отъ сердца чистаго сѣется

(Смѣяться, право, не грѣшно!
 Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно):
 Тотъ въ мирѣ съ міромъ уживется
 И дней своихъ не прекратитъ
 Желѣзомъ острымъ или ядомъ;
 Тому сей міръ не будетъ адомъ;
 Тотъ путь свой розой оцвѣтитъ
 Среди колючихъ жизни терній,
 Отраду въ горестяхъ найдетъ,
 Съ улыбкой встрѣтитъ часъ вечерній,
 И въ полночь тихимъ сномъ заснетъ.

(Посланіе къ Александру Алексѣвичу
 Плещееву).

Мысли твои о вѣчномъ возвышеніи и паденіи разума человѣческаго кажутся мнѣ — извини искренность дружбы — воздушнымъ замкомъ; я не вижу ихъ основанія. Положимъ, что въ древней Азіи были многочисленные народы; но гдѣ же слѣды ихъ просвѣщенія? Исторія застала людей во младенчествѣ, въ начальной простотѣ, которая не совмѣстна съ великими успѣхами наукъ. Даже въ Египтѣ видимъ мы только первыя дѣйствія ума, первые магазины знаній, въ которыхъ истины были перемѣшаны съ безчисленными заблужденіями. Самыя Греки — я люблю ихъ, мой другъ; но они были не что иное, какъ — милыя дѣти! Мы удивляемся ихъ разуму, ихъ чувству, ихъ талантамъ; но такъ, какъ взрослый человѣкъ удивляется иногда разуму, чувству и талантамъ юнаго отрока. Читай вмѣстѣ Платона и Боннета, Аристотеля и Локка — я не говорю о Кантѣ — и потомъ скажи мнѣ, что была греческая философія въ сравненіи съ нашею?

Для чего и теперь не думать намъ, что вѣки служатъ разуму лѣствицею, по которой возвышается онъ къ своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно?

Ты указываешь мнѣ на варварство среднихъ вѣковъ, наступившее послѣ греческаго и римскаго просвѣщенія; но самое сіе, такъ называемое варварство (въ которомъ, однакожъ, отъ времени до времени, сверкали блестящія, зрѣлыя идеи ума) не послужило ли *въ цѣломъ* къ дальнѣйшему распространенію свѣта наукъ? Солнце, разсѣявъ облака, сіяетъ тѣмъ лучезарнѣе, и тѣмъ благотворнѣе дѣйствуетъ на землю. Дикіе народы сѣвера, которые въ грозномъ своемъ нашествіи гасили, подобно шумному дыханію Борея, свѣтильники разума въ

Европѣ, наконецъ сами просвѣтились, и новый ѳиміамъ воскурился музамъ на земномъ шарѣ.

Нѣтъ, нѣтъ! Сизифъ съ камнемъ не можетъ быть образомъ чело-вѣчества, которое безпрестанно идетъ своимъ путемъ, и безпрестанно измѣняется. Прохладимъ, успокоимъ наше воображеніе, и мы не найдемъ въ исторіи никакихъ повтореній. Всякій вѣкъ имѣетъ свой особый нравственный характеръ, — погружается въ нѣдра вѣчности, и никогда уже не является на землѣ въ другой разъ.

Мой другъ! мы должны смотрѣть на міръ какъ на великое поэ-рище, гдѣ добро со зломъ, гдѣ истина съ заблужденіемъ ведетъ кровавую брань. Терпѣніе и надежда! Все несправедливое, все ложное гибнетъ, рано или поздно гибнетъ: одна истина не страшится времени; одна истина пребываетъ во вѣки!

(«Филалетъ къ Мелодору»).

Провидѣніе и натура въ общемъ раздѣлѣ истинныхъ удовольствій никого не отдѣляютъ. Знать ихъ цѣну, есть искусство и вѣнецъ науки жить! Не се то легко, что кажется просто, и часто всего менѣе умѣемъ мы употреблять тѣ вещи, которые у насъ изъ рукъ не выхо-дятъ. Такъ любопытнѣй, безпокойной челоуѣкъ оставляетъ тихой, роди-тельской кровъ, свое отечество — странствуетъ по чужимъ землямъ, переплываетъ бурные океаны, чтобы наконецъ очутиться опять на милой своей родинѣ, и сказать: счастливъ, счастливъ тотъ, кто умираетъ, гдѣ родится.

Sans changer de toit, ni d'amour!

Натура и сердце — вотъ гдѣ надобно искать истинныхъ пріят-ностей, истиннаго возможнаго благополучія, которое должно быть общимъ добромъ челоуѣчества, не собственностию нѣкоторыхъ избран-ныхъ людей: иначе мы имѣли бы право обвинять небо пристрастіемъ. Не всѣмъ можно завоевать Индію; не всѣмъ можно властвовать надъ людьми; не всякой можетъ блистать въ свѣтѣ и кружить головы моднымъ красавицамъ; не для всякаго работаютъ въ золотыхъ минахъ и плывутъ корабли изъ Бразиліи: слѣдственно не въ лаврахъ Александра, не въ миртахъ Альцибіада, не въ сокровищахъ Крезовыхъ заключило небо возможное счастье для смертныхъ. Но для всякаго природа величественна и прекрасна въ своемъ разнообразіи, въ

своихъ ежегодныхъ и ежедневныхъ измѣненіяхъ ; вездѣ съ материнскою нѣжностію питаетъ она птенцовъ и человѣка ; всякой можетъ имѣть свѣтлую хижину , доброе имя , покойную совѣсть ; всякой можетъ любить , любить своихъ родныхъ , семейство , друзей — вотъ истинное благополучіе , которое соединяетъ всѣхъ людей ; которое царю и земледѣльцу даетъ чувствовать , что они братья , дѣти одного Отца , рожденные съ одинакими сердцами , съ одинакими способностями для наслажденія !

Истинный философъ или (что все одно) истинно-благоразумный человѣкъ смотритъ на міръ съ того мѣста , на которое онъ поставленъ судьбою ; ищетъ удовольствій на своемъ горизонтѣ , вокругъ себя ; пользуется тѣмъ , что у него подъ рукою ; знаетъ , что всякое состояніе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои пріятности и непріятности , и для того покойно остается въ своемъ , не завидуя никому ; знаетъ , что Тиберій въ Капреѣ , обладая сокровищами цѣлаго свѣта , былъ несчастливѣе Камчадала ; знаетъ , что будущее не вѣрно , и для того располагаетъ только настоящимъ .

Чернить нравственный міръ , изливать на людей желчь ненависти , многіе почитаютъ философіею ; но сохрани насъ Богъ отъ язвы , голода и такой философіи ! Люди дѣлаютъ много зла — безъ сомнѣнія — но злодѣевъ мало ; заблужденіе сердца , безразсудность , недостатокъ въ просвѣщеніи , виною дурныхъ дѣлъ . Предложи человѣку быть счастливымъ и добрымъ , или быть счастливымъ и злымъ : кто не избереетъ перваго ? Слѣдственно добро само по себѣ любезно всѣмъ сердцамъ . Люди дѣлаютъ зло , надѣясь имѣть черезъ то нѣкоторыя выгоды въ жизни ; но премудрый Творецъ соединилъ съ нимъ внутреннее неудовольствіе , стыдъ , страхъ , которые вмѣшиваются ядовитую горечь во всѣ удовольствія .

Вотъ мое заключеніе , вся моя система въ короткихъ словахъ :
• Возможное земное счастье состоитъ въ дѣйствіи врожденныхъ склонностей , покорныхъ разсудку — въ нѣжномъ вкусѣ , обращенномъ на природу — въ хорошемъ употребленіи физическихъ и душевныхъ силъ . Безирестанное наслажденіе также невозможно , какъ безире-

•станное движеніе; машину надобно заводить для хода, а работа •заводить душу для чувства новыхъ удовольствій. Быть счастливымъ, •есть быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ мудрыхъ законовъ; •а какъ они основаны на общемъ добрѣ и противны злу, то *быть •счастливымъ есть... быть добрымъ*».

(«Разговоръ о счастьи»).

Эта сущность образа мыслей Карамзина, разсма-
триваемаго въ отношеніи личности автора, представляя
ее въ самомъ свѣтломъ видѣ, въ отношеніи же
вліянія на читателей имѣетъ еще высшее значеніе :
пбо съ одной стороны это естественное, живое изло-
женіе, столь противоположное предшествовавшему
искусственному, а потому мертвому, создало го-
раздо обширѣйшій и разнообразѣйшій кругъ чи-
тателей, съ другой стороны это прекрасное чело-
вѣческое направленіе воспитывало новую чи-
тающую публику въ самой благотворной симпатіи
ко всему истинному, благому и прекрасному. —
Вотъ гдѣ Карамзинъ является не только преобра-
зователемъ языка (какъ почитаютъ нѣкоторые), но и
преобразователемъ словесности, которую онъ сое-
динилъ съ жизнію — не внѣшнею только, но жиз-
нію внутреннею, жизнію духа, которою и одухотво-
рилъ онъ словесность. — На возраженіе о легкости
этого направленія философіи Карамзина, можно отвѣ-
чать положительно, что эта-то легкость служила сред-
ствомъ къ успѣху : въ противномъ же случаѣ исклю-
чительная выпренность понятій осталась бы предме-
томъ вниманія небольшого избраннаго круга посвя-
щенныхъ въ высшія таинства науки и искусства, для

массы же читающей публики осталась бы безъ послѣдствій.

Что же касается до литературнаго profession de foi Карамзина, способствовавшаго къ преобразованію господствовавшей теоріи словесности и языка, то оно, будучи разсѣяно въ разныхъ мѣстахъ «Писемъ русскаго путешественника», обнаружилось исключительно въ критическихъ статьяхъ «Московского Журнала», а также сюда могутъ быть отнесены «Пантеонъ Россійскихъ авторовъ» и, хотя принадлежащая гораздо позднѣйшему времени, «Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Россійской академіи». — По принятому въ этомъ изложеніи правилу, представляются здѣсь нѣсколько отрывковъ, заключающихъ въ себѣ мнѣнія Карамзина о французской трагедіи и французской комедіи, о Шекспирѣ, о естественности въ искусствѣ, о подражательности и самостоятельности въ отечественной словесности...

Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, не многихъ) нѣмцевъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкой, нѣжной вкусъ, и *въ искусствѣ писать* могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго чувства *натуры* — простите мнѣ священные тѣни Корнелей, Распинова и Вольтеровъ! — должны они уступить преимущество англичанамъ и нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ сѣнь естественнаго съ романтическимъ; вездѣ *mes feux, ma foi*; вездѣ Греки и Римляне *à la française*, которые таютъ въ любовныхъ

восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами, и теряясь въ лабиринтъ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ автора прекрасныхъ стиховъ, *des vers à retenir*, они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важною приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными *положеніями* (*situations*) и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою.

Талія британская и Талія Германіи должны уступить преимущество французской. Англіійскія комедіи по большей части или скучны, или грубы, неблагопристойны, оскорбительны для всякаго пѣжнаго вкуса; а нѣмецкія, кромѣ нѣкоторыхъ посредственныхъ, совсѣмъ не достойны вниманія.

(«Письма русскаго путешественника».
Парижъ).

Въ драматической поэзіи англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; но этотъ авторъ есть Шекспиръ, и англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ — я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: *какой слѣпшой! какой чудака!*

Всякой авторъ ознаменованъ печатью своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ правиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самой великой геній не можетъ взять мѣръ своихъ. Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творить и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, *откровеніе* чело-вѣческаго сердца и великія мысли, разсыяныя въ драмахъ британскаго генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не

знаю другаго поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творить чудеса!

(«Письма русскаго путешественника».
Лондонъ).

— Здѣсь необходимо замѣтить, что Карамзинъ, еще до поѣздки за границу, перевелъ «Эмилию Галоти» Лессинга и «Юлія Цезаря» Шекспира: такъ Карамзинъ дѣйствовалъ сознательно, въ слѣдствіе непосредственнаго убѣжденія!

Драма должна быть вѣрнымъ представленіемъ *общезитія*; надобно, чтобы въ ней люди не только поступали, но и назывались такъ же, какъ они въ *общезитіи* называются; но называются ли у насъ мужчины *Зланетами*, *Буремыслами*, *Милоумами*, а женщины *Извѣдами*, *Премилами* и проч.? Одно такое имя напоминаетъ зрителю, что онъ въ театрѣ, и что все видѣнное имъ есть небылица; а надобно, чтобы онъ забывался. Сперва, можетъ быть, иному смѣшно бы показалось, когда бы театральные герои стали другъ друга называть по именамъ и по отечествамъ; но наконецъ мы бы къ этому привыкли.

(Московскій журналъ, въ разборѣ комедіи
«Оптимистъ»).

Переводъ достоинъ похвалы, только жаль, что г. переводчикъ употребляетъ *сей* и *оний*, что на театрѣ бываетъ всегда противно слуху. Употребляемъ ли мы *си* слова въ разговорахъ? Если нѣтъ, то и въ комедіи, которая есть представленіе общезитія, употреблять ихъ не должно¹⁾. Чѣмъ слогъ театальной пьесы простѣе, тѣмъ лучше.

(Московскій журналъ, въ разборѣ комедіи
«Графъ Ольсбахъ»).

--- Теперь все это для насъ очень обыкновенно;

¹⁾ Вспомните забавную войну изъ-за этихъ мѣстоименій десять лѣтъ назадъ тому.

а какою должны были казаться новостью эти слова Карамзина, при тогдашнихъ понятіяхъ о выраженіи, языкѣ и литературныхъ приличіяхъ!

Пусть смѣлые приговоры нѣкоторыхъ критиковъ осуждаютъ нашу словесность на подражаніе, утверждая, что она не имѣетъ въ себѣ ничего самороднаго, особеннаго : можемъ согласиться съ ними, не охлаждая ревности нашихъ писателей, или не согласиться, доказавъ неосновательность сего приговора. Петръ Великій, могущею рукою своею преобразивъ отечество, сдѣлалъ насъ подобными другимъ европейцамъ. Жалобы бесполезны. Связь между умами древнихъ и новѣйшихъ россіянъ прервалась навѣки. Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ : ибо живемъ, какъ они живутъ ; читаемъ, что они читаютъ ; имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса ; участвуемъ въ повсемѣстномъ, взаимномъ сближеніи народовъ, которое есть слѣдствіе самаго ихъ просвѣщенія. Красоты *особенныя*, составляющія характеръ словесности *народной*, уступаютъ красотамъ общимъ : первыя измѣняются, вторыя вѣчны. Хорошо писать для россіянъ : еще лучше писать для всѣхъ людей. Если намъ оскорбительно итти позади другихъ, то можемъ итти рядомъ съ другими къ цѣли всемірной для человѣчества, путемъ своего вѣка, не Мономахова, и даже не Гомерова : ибо потомство не будетъ искать въ нашихъ твореніяхъ ни красотъ *Слова о полку Игоревѣ*, ни красотъ Одиссея, но только свойственныхъ нынѣшнему образованію человѣческихъ способностей. Тамъ нѣтъ *бездушнаго подражанія*, гдѣ говоритъ умъ или сердце, хотя и *общимъ* языкомъ времени ; тамъ есть *особенность личная*, или характеръ, всегда новый, подобно какъ всякое твореніе физической природы входитъ въ классъ, въ статью, въ семейство ему подобныхъ, но имѣетъ свое частное значеніе. Съ другой стороны, Великій Петръ, измѣнивъ многое, не измѣнилъ всего кореннаго русскаго : для того ли, что не хотѣлъ, или для того, что не могъ : ибо и власть самодержцевъ имѣетъ предѣлы. Сія остатки, дѣйствіе ли природы, климата, естественныхъ или гражданскихъ обстоятельствъ, еще образуютъ народное свойство россіянъ, подобно какъ юноша еще сохраняетъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя черты его младенчества, въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ. Сходствуя съ другими европейскими народами, мы и разнствуемъ съ ними въ нѣкоторыхъ способностяхъ, обычаяхъ, навыкахъ, такъ, что хотя и не можно иногда отличить россіянина отъ британца, но всегда отличимъ россіянъ отъ британцевъ : во *множествѣ* открывается

народное. Сію истину отнесемъ и къ словесности : будучи зеркаломъ ума и чувства народнаго, она также должна имѣть въ себѣ нѣчто особенное, незамѣтное въ одномъ авторѣ, но явное во многихъ. Имѣя вкусъ французовъ, имѣемъ и свой собственный : хвалимъ чего они не хвалятъ ; молчимъ , гдѣ они восхищаются. Есть звуки сердца русскаго, есть игра ума русскаго въ произведеніяхъ нашей словесности, которая еще болѣе отличится ими въ своихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Молодые писатели нерѣдко подражаютъ у насъ иноземнымъ, ибо думаютъ, ложно или справедливо, что мы еще не имѣемъ великихъ образцовъ искусства : если бы сіи писатели не знали творцевъ чужеземныхъ чтобы сдѣлали? *подражали* бы своимъ ; но и тогда списки ихъ остались бы *бездушными* ! А кто рожденъ съ избыткомъ внутреннихъ силъ, тотъ и нынѣ, начавъ подражаніемъ, свойственнымъ юной слабости, будетъ наконецъ *самъ собою* — оставить путеводителей, и свободный духъ его, какъ орелъ дерзновенный, уединенно воспаритъ въ горнихъ пространствахъ.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи императорской россійской академіи 5-го декабря 1818 года.)

— Мысли эти, высказанныя почти уже предъ концемъ литературнаго поприща Карамзина, выражаютъ вполне правила, которыми руководствовался самъ Карамзинъ въ своей литературной дѣятельности — правила, оправданныя имъ самимъ, тогда уже историкомъ русскимъ, а потомъ Пушкинымъ — отъ подражательности обратившимся къ народности и самобытности. — Такой новый теоретическій взглядъ на словесность, при посредствѣ новаго языка, довершилъ литературную реформу Карамзина, ознаменовавшую начало втораго періода нашей словесности. Рѣшительный толчекъ былъ данъ и возвратиться назадъ нельзя уже было : ибо, сравнивая прошедшее съ настоящимъ, преимущество было не въ пользу перваго, а заманчивость оставалась неоспоримо на сторонѣ втораго...

Оттого Карамзинъ быстро увлекъ за собою и вниманіе публики и подражаніе литераторовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣтилъ противодѣйствіе въ отсталыхъ.

Съ начала новаго столѣтія начинается и новое направленіе литературной дѣятельности Карамзина — направленіе патріотическое и историческое. — Въ 1801 году въ одѣ «Е. И. В. Александру I, самодержцу всероссійскому на возшествіе на престолъ», Карамзинъ такъ привѣтствуетъ императора Александра, стяжавшаго титуло Благословеннаго :

Какъ ангелъ Божій ты сіяешь
И благостью и красотою,
И съ первымъ словомъ общаешь
Екатерининъ вѣкъ златой,
Дни счастья, веселья, славы,
Когда премудрые уставы
Внутри хранили нашъ покой,
А вѣ Россію прославляли;
Граждане мирно засыпали,
И гражданинъ же былъ герой. —

Когда монаршими устами
Вѣщала милость къ намъ одна,
И правила людей сердцами;
Когда и самая вина
Не рѣдко ею отпускалась,
И власть монаршая казалась
Памъ властію любви одной.
Какое сердцу услажденье
Имѣть къ царямъ повиновенье
Изъ благодарности святой!

Се твой обѣтъ, о царь державный,
Сильнѣйшій изъ владыкъ земныхъ!
Ахъ! Россы вѣрностію славны,

И вѣнценосецъ святъ для нихъ.
 Любимый и любви достойный,
 На тронѣ отческомъ спокойный,
 Бреги ты громы для враговъ,
 Рази единое злодѣйство :
 Россія есть твое семейство :
 Среди насъ ты, среди сыновъ.

— Другую же оду «На торжественное коронованіе Е. И. В. Александра I, самодержца всероссійскаго» Карамзинъ заключаетъ этой строфой : —

Монархъ ! въ послѣдній разъ предъ трономъ
 Дерзнулъ я съ лирою предстать ;
 Мнѣ сердце было Аполлономъ :
 Люблю хвалить , но не ласкать ;
 Хвалилъ , гласъ общій повторяя.
 Другіе славные пѣвцы
 Отъ музъ примутъ въ даръ вѣнцы ,
 Тебя безъ лести прославляя :
 Я въ храмъ исторіи иду ,
 И тамъ... дѣла твои найду ¹⁾.

— Въ слѣдующемъ 1802 году Карамзинъ создаетъ «Историческое похвальное слово Екатеринѣ II» — такъ кстати явившееся въ началѣ царствованія внука ея, торжественно возвѣстившаго своему народу, при вступленіи на престолъ, этотъ утѣшительный обѣтъ : «Я буду царствовать по сердцу и законамъ Екатерины Великой». — Въ 1803 г. императоръ Александръ

¹⁾ Но это не былъ еще послѣдній разъ : въ 1806 году Карамзинъ напутствуетъ русскую армію въ походъ своей „Пѣснью вонновъ,“ а въ 1814 году привѣтствуетъ возвращеніе императора Александра изъ знаменитой войны за независимость Европы одою „Освобожденіе Европы и слава Александра.“

назначилъ Карамзина исторіографомъ російской имперіи : и онъ блистательно выполняетъ это назначеніе своей «Исторіей государства російскаго», посвященною монарху. — Вспомните еще его «Записку о древней и новой Россіи», представленную Карамзинымъ императору Александру — прекрасный подвигъ возвышенной гражданственной доблести, достойно оцѣненный монархомъ, сочувствовавшимъ благороднымъ патріотическимъ побужденіямъ своего подданнаго. — Но прежде нежели Карамзинъ исключительно посвятилъ себя отечественной исторіи, онъ оканчиваетъ литературное свое поприще какъ журналистъ изданіемъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1802 — 1803) «Вѣстника Европы», въ которомъ, кромѣ обзорѣй современныхъ политическихъ событій, ~~гдѣ Карамзинъ~~ является прозорливымъ и краснорѣчивымъ публицистомъ¹⁾, помѣщались преимущественно историческія статьи : «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», «Историческія воспоминанія и замѣчанія, на пути къ Троицѣ», «Русская старина», «О случаяхъ и характерахъ въ російской исторіи, которыя могутъ быть предметомъ художествъ», «О тайной кацеляріи», «Марфа посадница» — историческая повѣсть; изъ статей чисто-литературныхъ, кромѣ характеристическаго очерка подъ названіемъ «Чувствительный и

¹⁾ См. «Статьи политическія изъ Вѣстника Европы» въ Смирдиновскомъ изданіи сочиненій Карамзина, т. I, стр. 525.

хладнокровный» (о которомъ было упомянуто выше) были напечатаны въ Вѣстникѣ Европы : «Моя исповѣдь» и «Рыцарь нашего времени» — заключающій въ себѣ авто-біографическіе намѣки; изъ статей критическихъ помѣщены были только двѣ, касающіяся филологическаго изслѣдованія русскаго языка «Великій мужъ русской грамматики» — въ остроумной формѣ разборъ вышедшей тогда академической грамматики, и «О русской грамматикѣ француза Мокрю» : сюда же могутъ быть отнесены «Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ» и «О книжной торговлѣ и любви ко чтенію въ Россіи» — два любопытныя матеріала для нашей литературной исторіи.

Обращаясь къ «Похвальному слову Екатерины II» мы видимъ, во первыхъ, что Карамзинъ, подобно Ломоносову, взиралъ на царствованіе ея какъ на довершеніе царствованія Петра I; вотъ слова въ началѣ панегирика, которыми Карамзинъ, какъ русскій, выражаетъ эту завѣтную нашу національную мысль : —

О слава Россіи! подъ небесами любезнаго отечества, на его тронѣ, въ его вѣнцѣ и порфирѣ сіяли Петръ и Екатерина. Они, были наши — и любовь Всевышняго запечатлѣла ихъ своею печатью! Они другъ другу, на величественномъ театрѣ ихъ дѣйствій, подають руку!... Такъ Екатерина явилась на престолѣ оживить, возвеличить твореніе Петра; въ ея рукѣ снова разцвѣлъ изсохшій жезлъ безсмертнаго, и священная тѣнь его успокоилась въ поляхъ вѣчности : ибо безъ всякаго суевѣрія можемъ думать, что великая душа и по разлукѣ съ міромъ занимается судьбою дѣлъ своихъ. Екатерина Вторая въ силѣ творческаго духа и въ дѣятельной мудрости правленія была

непосредственную преемницею Великаго Петра; раздѣляющее ихъ пространство исчезаетъ въ исторіи. И два ума, два характера, столь между собою различные, составляютъ въ послѣдствіи своемъ удивительную гармонію для счастья народа русскаго! Чтобы *утвердить* славу мужественнаго, смѣлаго, грознаго Петра, должна чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ его царствовать Екатерина; чтобы *предуготовить* славу кроткой, челоуколюбивой, просвѣщенной Екатерины, долженствовалъ царствовать Петръ; такъ сильные порывы благодѣтельнаго вѣтра волнуютъ весеннюю атмосферу, чтобы разсѣять хладныя остатки зимнихъ паровъ, и приготовить натуру къ теплоту вѣянію зephyровъ!

— А вотъ общая характеристика царствованія Екатерины II, столь гармонирующая изображеніямъ Державина: —

Екатерина завоевательница стоитъ на ряду съ первыми героями вселенныя; міръ удивлялся блестящимъ успѣхамъ ея оружія — но Россія обожаетъ ея уставы, и воинская слава героини затмѣвается въ ней славою образовательницы государства. Мечъ былъ первымъ властелиномъ людей, но одни законы могли быть основаніемъ ихъ гражданскаго счастья; и находя множество героевъ въ исторіи, едва знаемъ нѣсколько именъ, напоминающихъ разуму мудрость законодательную.

Нетерпѣливыя мысли мои спѣшатъ устремиться на многіе предметы, столь любезныя уму и сердцу; но прежде означимъ главное и столь новое для Россіи благодѣяніе Екатерины, которое изъясняетъ всѣ другія, и которое всѣми другими изъясняется; означимъ, такъ сказать, священный корень нашего блаженства во дни ея — сію печать, сей духъ всѣхъ ея законовъ.

Она уважила въ подданныхъ санъ челоука, нравственнаго существа, созданнаго для счастья въ гражданской жизни. Петръ Великій хотѣлъ возвысить насъ на степень просвѣщенныхъ людей: Екатерина хотѣла обходиться съ нами какъ съ людьми просвѣщенными. Исторія представляетъ намъ самовластныхъ владыкъ въ видѣ грознаго божества, которое требуетъ единого слѣплаго повиновенія, не даетъ отчета въ путяхъ своихъ — гремитъ, и смертные упадаютъ во прахъ ничтожества, не дерзая воззрѣть на всемогущество. Екатерина преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви, и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долготѣльнымъ царство-

ваніемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ россійскаго трона : ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель. Счастливые Россіане нашего вѣка ! вы уже не познаете строгихъ, опасныхъ временъ, когда страшно было наименовать вѣщеносца ; но имя Екатерины, съ самаго ея вступленія на престолъ, подобно имени благодѣтельнаго существа, изъ устъ въ уста съ любовію и радостію прелетало. Съ нею воцарились миръ въ семействахъ и веселіе въ обществахъ ; всѣ души успокоились, всѣ лица оживились, и добрые подданные сказали : «Монархиня ! читай въ сердцахъ нашихъ» ; «мы не боимся, ибо мы любимъ тебя!» Хотя и оставалась еще нѣкоторая тѣнь мрачнаго, тайнаго судилища ; но подъ ея собственнымъ, мудрымъ надзираніемъ оно было забыто добрыми и спокойными гражданами¹⁾. Хотя Великая предоставила августѣйшему ея внуку безсмертную славу *искоренить* навѣки учрежденіе временъ несчастныхъ, ненужное въ то время, когда счастье монарха и подданныхъ составляетъ единое, и когда любовь народная вооружена мечемъ правосудія для наказанія злыхъ умысловъ ; но въ царствованіе Екатерины одни преступники, или явные враги ея, слѣдственно враги общаго благоденствія, страшились пустынь сибирскихъ ; для однихъ изверговъ отверзался сей хладный гробъ живыхъ. Монархиня презирала и самыя дерзкія сужденія, когда оныя происходили единственно отъ легкомыслія, и не могли имѣть вредныхъ слѣдствій для государства : ибо она знала, что личная безопасность есть первое для человѣка благо, и что безъ нее жизнь наша, среди всѣхъ иныхъ способовъ счастья и наслажденія, есть вѣчное, мучительное безпокойство. Сей кроткій духъ правленія, доказательство ея любви и самаго почтенія къ человѣчеству долженствовалъ быть и главнымъ характеромъ уставовъ ея.

— Наконецъ Карамзинъ, въ заключеніе своего панегирика, представляя въ прославляемой имъ монархинѣ царственный образецъ, обозначаетъ утѣшительное отношеніе ея царствованія къ царствованію ея внука Александра I :

О монархи міра ! Екатерина и жизнь и смерть свою служила вамъ примѣромъ : такъ царствуйте, чтобы смертные обожали васъ ! и видя, съ

¹⁾ См. Указъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи въ 1762 году, октября 19.

какимъ умиленіемъ, съ какою трогательною любовію донинѣ говорятъ россияне о Великой, будьте увѣрены, что народы чувствительны и благодарны противъ царей добродѣтельныхъ, и что память ваша, если вы заслужили любовь подданныхъ, пребудетъ вѣкъ священною. И самого недостойнаго государя хвалятъ, когда онъ держитъ въ рукѣ скипетръ : ибо его бояться, или гнусныя лъстецы хотятъ награды ; но когда сей скипетръ изъ руки выпадетъ, когда монархъ платитъ дань общему року смертныхъ : тогда, тогда внимайте гласу истины, которая, повелѣвая умолкнуть страстямъ, надеждѣ и страху, опершись рукою на гробъ царя, произноситъ свое рѣшеніе : и вѣки повторяютъ его ! Не въ чертогахъ царскихъ обнаруживается чувство народное ; о всякомъ монархѣ кто нибудь изъ царедворцевъ искренно проливаетъ слезы ; нѣтъ, оно явно только на стогнахъ града, въ тихомъ жилищѣ семействъ, отъ двора удаленныхъ, и въ хижинѣ мирнаго трудолюбія : естли въ нихъ сердечная признательность не оплакиваетъ смертій государя, то онъ не царствовалъ для народнаго счастья !

Сограждане ! Какимъ торжествомъ для добродѣтелей монархини и для вашей святой благодарности были первыя слова юныя самодержца, который, восходя на престолъ Россіи, и желая объявить волю свою царствовать мудро и добродѣтельно, сказалъ только : *Я буду царствовать по сердцу и законамъ Екатерины Великой !*... Великой ! повторила вся Россія. — Симъ обѣтомъ онъ почтилъ и память ея, и вашу признательную къ ней любовь ; вы разумѣли его — и утѣшились !

Предуготовивъ себя предварительными изслѣдованіями нашихъ древностей въ своихъ историческихъ статьяхъ, сдѣлавъ въ панегирикѣ Екатеринѣ счастливый опытъ краснорѣчиваго изложенія историческихъ судьбъ Россіи, — Карамзинъ, въ благородномъ сознаніи своего историческаго призванія, смѣло и рѣшительно предлагаетъ, чрезъ посредство бывшаго наставника императора Александра I Муравьева, ввѣрить ему дѣло бытописанія отечественнаго въ своемъ письмѣ къ нему ¹⁾, своимъ благороднымъ

¹⁾ См. Письма Карамзина, въ Спирд. изд. его сочиненій, т. III, стр. 680.

тономъ напоминающемъ письма Ломоносова къ Шувалову :

Будучи весьма не богатъ , я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, *принужденною* работою пяти или шести лѣтъ, купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы — однимъ словомъ, сочинять русскую исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю душу мою. Теперь слабые глаза не позволяютъ мнѣ трудиться по вечерамъ и принуждаютъ меня отказаться отъ *Вѣстника*. Могу и хочу писать исторію, которая не требуетъ поспѣшной и срочной работы; но еще не имѣю способа жить безъ большой нужды. Съ журналомъ я лишаюсь 6000 руб. дохода. Если вы думаете, милостивый государь, что правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе російской публики и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ; то нельзя ли при случаѣ доложить императору о моемъ положеніи и ревностномъ желаніи написать исторію не варварскую и не постыдную для его царствованія? Во Франціи, богатой талантами, сдѣлали нѣкогда Мармонтеля *исторіографомъ* и давали ему пенсію, хотя онъ и не писалъ исторіи: у насъ въ Россіи, какъ вамъ извѣстно, не много истинныхъ авторовъ. Если галиматья, подъ именемъ *Корифея*, печатается на счетъ казны; если переводъ Анахарсиса удостоился вспоможенія отъ правительства: то для чего же, казалось бы, не поддержать автора, уже извѣстнаго въ Европѣ, трудолюбиваго и пылающаго ревностью ко славѣ отечества? Хочу не избытка, а только способа прожить пять или шесть лѣтъ: ибо въ это время надѣюсь управиться съ исторіею; и тогда я могъ бы отказаться отъ пенсіи: написанная исторія и публика не оставали бы меня въ нуждѣ. Смѣю думать, что я трудомъ своимъ заслужилъ бы профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ дерптскіе кураторы, но вмѣстѣ съ должностію неблагопріятною для таланта.

— Чрезъ мѣсяцъ въ именномъ указѣ кабинету государя императора Александра I, 31 октября 1803 года, изображено :

«Какъ извѣстный писатель, московскаго университета почетный членъ, Николай Карамзинъ, изъявилъ Намъ желаніе посвятить труды свои сочиненію полной исторіи отечества нашего; то Мы, желая ободрить его въ толь похвальномъ предпріятіи, Всеилостивѣйше повелѣваемъ производить ему, въ качествѣ исторіографа, по двѣ тысячи рублей ежегоднаго пансіона, изъ кабинета Нашего».

— Чрезъ двадцать лѣтъ Карамзинъ представилъ императору Александру I восемь томовъ своей «Исторіи», которые, по изготовленіи печатаніемъ, вышли въ свѣтъ въ 1818 году. Предисловіе къ «Исторіи» Карамзинъ заключилъ этими драгоценными строками, которыя отъ чистаго сердца повторяли милліоны русскихъ, читавшихъ ее на всемъ пространствѣ нашей необъятной Россіи :

Мы одно любимъ, одного желаемъ : любимъ отечество ; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы ; желаемъ , да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія ; да правила мудраго самодержавія и святой вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей ; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой !

— Въ 1821 году вышелъ девятый, а въ 1823 году напечатаны десятый и одиннадцатый томы «Исторіи» Карамзина... Но здоровье его, ослабленное трудами, истощалось... Между тѣмъ императора Александра I не стало. — Вотъ что писалъ Карамзинъ, по этому случаю, къ брату своему, въ январѣ 1826 года :

Александра любилъ я какъ человѣка, какъ искренняго, добраго, милаго пріятеля, если смѣю такъ сказать : Онъ самъ называлъ меня своимъ искреннимъ. Его величіе и слава конечно давали этой связи еще особенную для меня прелесть. Не думалъ я пережить Его и

надѣлся оставить въ Немъ покровителя моихъ дѣтямъ. Да будетъ воля Божія! Привязанность моя къ Нему осталась безкорыстною. Новый достойный Государь Россіи не можетъ знать и цѣнить моихъ чувствъ, какъ зналъ и цѣнилъ ихъ Александръ.

— Но напрасны были опасенія Карамзина : чрезъ четыре мѣсяца ~~шиш~~—наретвующій Государь Императоръ удостоилъ его слѣдующимъ рескриптомъ 13 мая 1826 года : —

«Николай Михайловичъ! Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время отечество, и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъяснить вамъ Мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами, и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ то же время, и за покойнаго Государя, знавшаго на опытъ вашу благородную, безкорыстную къ Нему привязанность, и за Себя самаго, и за Россію, изъясляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію какъ гражданинъ и своими трудами какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: русскій народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить Братъ Мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъясленіе воли Моей, которая, будучи съ Моей стороны одною только справедливостію, есть для Меня и священное завѣщаніе Императора Александра. Желая, чтобы путешествіе было вамъ полезно и чтобы оно возвратило вамъ силы, для довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Препываю вамъ всегда благосклонный».

«И И К О Л А Й».

— Высочайшимъ указомъ на имя министра финансовъ, назначено Карамзину, а по смерти его жень и дѣтямъ, — сынамъ до поступленія на службу, дочерямъ же до выхода въ замужество послѣдней, — пятьдесятъ тысячъ рублей ежегодно. *Дрожащей отъ болѣзненной слабости рукою Карамзинъ выразилъ Монарху чувства своей признательности :*

Всемиловѣйшій Государь! Рескриптъ, которымъ Вы меня ошастливили третьяго дня, написанный столь прекрасно, съ такимъ благоволеніемъ, съ воспоминаніемъ въ немъ о незабвенномъ Александрѣ, съ хвалою смиренному исторіографу сверхъ его достоинства — омочилъ слезами блѣдное мое лице. Прочитавъ указъ къ министру финансовъ я не вѣрилъ своимъ глазамъ: благодѣяніе чрезмѣрно; никогда скромныя мои желанія такъ далеко не простирались. Изумленіе скоро обратилось однакожъ въ умиленіе живѣйшей благодарности: если самъ уже не буду пользоваться плодами такой царской, безпримѣрной у насъ щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства рѣшена несчастливѣйшимъ образомъ. Дай Богъ, чтобы фамилія Карамзиныхъ, осыпанная милостями двухъ Монарховъ, заслужила имя вѣрной и ревностной къ Царскому Дому. О! какъ желаю выздоровѣть, чтобы скорѣе возвратиться въ Петербургъ, чтобы посвятить послѣдніе дни мои Вамъ, безцѣнный Государь, и любезному отечеству. Вчера не могъ я писать. И нынѣ голова моя слаба. Видомъ, говорятъ, я поправляюсь, но слабость не выпускаетъ меня изъ полулюдей. Заключу тѣмъ: милости, благодѣянія Ваши ко мнѣ такъ чрезвычайны, что я и здоровый не умѣлъ бы выразить вполне моей признательности.

Повергаюсь и проч.

— Чрезъ десять дней не стало Карамзина¹⁾: послѣднее время жилъ онъ и умеръ въ таврическомъ дворцѣ — мѣстопробываніи нѣкогда Потемкина и Суворова; онъ погребенъ на невскомъ кладбищѣ, гдѣ покоится прахъ и Ломоносова. — Двѣнадцатый томъ «Исторіи государства руссійскаго» изданъ уже въ 1829 году. Съ тѣхъ поръ «Исторія» Карамзина имѣла пять изданій (~~послѣднее Эйнерлинга, 1842 — 1843~~). Мимо ученаго значенія «Исторія государства руссійскаго» — ~~не принадлежащаго этому изложенію~~ — она, своимъ вліяніемъ на огромную массу читателей

¹⁾ См. «Письмо Карамзина къ графу Каподистрія» въ сочиненіяхъ Жуковскаго, Сиб. 1835, т. VII, стр. 262.

и своимъ изящнымъ языкомъ, достигшимъ, въ то время, высшей степени своего развитія, — довершаетъ литературное преобразование Карамзина, и въ этомъ отношеніи «Исторія государства російскаго» принадлежитъ, не только исторіи русской литературы вообще, но и исторіи русской словесности въ частности.

Подробное обозрѣніе здѣсь сороколѣтней литературной дѣятельности Карамзина представляетъ постепенный ходъ совершеннаго имъ преобразованія отечественной словесности, съ котораго начинается второй періодъ столѣтія нашей словесности отъ Ломоносова до Пушкина. Преобразование это было полное и всестороннее : ибо оно состояло въ преобразованіи и господствовавшихъ до того идей, и теорій искусства — словесности, и конструкціи отечественнаго языка; мы видѣли какъ достигалъ этого и въ какой степени успѣлъ исполнить Карамзинъ. Слѣдующее изложеніе фактовъ Карамзинскаго періода покажетъ дальнѣйшее развитіе преобразованія, совершеннаго имъ въ нашей словесности, которымъ онъ стяжалъ безсмертную память въ исторіи нашего просвѣщенія вообще и почетнѣйшее мѣсто въ исторіи нашей словесности.

ДМИТРИЕВЪ.

Другъ Карамзина *Дмитріевъ* былъ и сотрудникъ его въ дѣлѣ преобразованія, совершеннаго Карамзинымъ въ нашей словесности. — *Дмитріевъ* исключительно поэтъ : онъ писалъ *оды, посланія, пьесы, элегіи, мадригалы, эпиграммы, эпитафіи, надписи, сатиры, сказки, басни*. Наибольшимъ успѣхомъ пользовались, изъ лирическихъ пьесъ его — «Гимнъ Богу», «Размышленіе по случаю грома», «Ермакъ», и «Освобожденная Москва»; изъ пѣсень «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ», «Стонетъ сизый голубчикъ»; изъ басень — «Дубъ и трость», «Пѣтухъ, котъ и мышонокъ», «Мышь, удалившаяся отъ свѣта», «Чижикъ и Зяблица», «Лиса проповѣдница», «Два голубя», «Калифъ», «Воспитаніе льва», «Смерть и умирающій», «Котъ, ласточка и кроликъ», «Жаворонокъ съ дѣтми и земледѣлецъ», «Старикъ и трое молодыхъ», «Левъ и комаръ», «Искатели фортуны», «Царь и два пастуха» ; сказки — «Модная жена», «Воздушныя замки», «Причудница»; да сатира «Чужой толкъ». Если стихотворнымъ языкомъ, — далеко изыскавшейся отдѣлки относительно предшествовавшего, — *Дмитріевъ*, подобно Карамзину въ прозѣ, способствовалъ обращенію нашего языка къ легкости, противоположной прежней тяжелой монотонности, то съ другой стороны пѣснями, подобными пѣснямъ Карамзина, онъ сообщилъ нашей поэзіи новый оттѣнокъ, этой, такъ сказать, сердечности, которая хотя иногда вдается, какъ

и повѣсти Карамзина, въ исключительную сантиментальность, за то сильнѣе дѣйствуетъ на чувство читателя, нежели прежнее резонерское направленіе, дѣйствовавшее лишь на умъ. Не смотря на то, что пѣсня «Стонетъ сизый голубчикъ», прежде извлекавшая не притворныя слезы, теперь уже въ глазахъ нашихъ слишкомъ опрофанирована, нельзя, однакожъ, не согласиться, что теплое гуманическое чувство ея имѣетъ морально-эстетическую грацію, которая могла возбуждать сердечное сочувствіе : въ доказательство этого и, какъ примѣръ, разъ навсегда въ нашемъ изложеніи, она представляется здѣсь вниманію безпристрастныхъ читателей :

Стонетъ сизый голубчикъ ,
Стонетъ онъ и день и ночь ;
Миленькой его дружочикъ -
Отлетѣлъ на долго прочь .

Онъ ужъ болѣ не воркуетъ ,
И пшенички не клюетъ ;
Все тоскуетъ , все тоскуетъ ,
И тихонько слезы льетъ .

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ .

Ждетъ ее... увы ! по тщетно
Знать судилъ ему такъ рокъ !
Сохнетъ , сохнетъ непримѣтно
Страстный , вѣрный голубокъ .

Онъ ко травкѣ прилегалъ .
Носикъ въ перья завернулъ ;

Ужь не стонеть, не вздыхаетъ ;
Голубокъ — навѣкъ уснулъ !

Вдругъ голубка прилетѣла
Приунывъ издалека ,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла ,
Будить , будить голубка ;

Плачетъ , стонетъ , сердцемъ ной ,
Ходить милого вокругъ —
Но... увы ! прелестна Хлоя !...
Не проснется милый другъ !

— Какъ сильная реакція другаго направленія прежней поэзіи нашей, характеръ которой составляла лирическая торжественность, замѣчательна сатира Дмитриева «Чужой толкъ», въ которой онъ такъ остроумно издѣвается надъ прежними слагателями одъ :

Что за диковника ? лѣтъ двадцать ужъ прошло ,
Какъ мы напрягли умъ , наморщивши чело ,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ , пишемъ ,
А ни себѣ , ни имъ похвалъ нигдѣ не слышемъ !

Неужь-ли, продолжаетъ поэтъ, Фебъ указомъ своимъ учредилъ монополію для однихъ только Гораціевъ, Рамлеровъ ?... Чего бы , кажется : и наши одопѣвцы трудятся не менѣе , а можетъ быть еще и болѣе ? —

Вѣдь нашъ начнетъ писать , то всѣ забавы прочь !
Надъ парюю стиховъ просиживаетъ ночь ,
Потѣетъ , думаетъ , чертитъ и жжетъ бумагу ;
А иногда беретъ такую онъ отвагу ,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной !
И подлинно ужъ весь приложить разумъ свой !

Ужь прямо самая торжественная ода!
 Я не могу сказать, какого это рода;
 Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
 Судитежь, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
 Къ томужь, и въ правилахъ : сперва прочтешь вступленье,
 Тутъ предложенье, а тамъ и заключенье —
 Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
 Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
 Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
 Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы :
 Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
 Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу :
 Въ стихахъ реляція! прекрасно!... а зѣваю!
 Я бросивши ее, другую раскрываю,
 На праздникъ, иль на что подобное тому :
 Тутъ найдешь то чего бъ не хитрому уму
 Не выдумать и въѣкъ : *зари багряны персты,*
И райскій крингъ, и Фебъ и небеса отверсты!
 Такъ громко, высоко! а нѣтъ, не веселить,
 И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелить!

А вотъ и самый процессъ сочиненія одъ, заклеившій ихъ навсегда такою рѣзкою печатью, что едва ли уже кому либо могла притти охота подвести себя подъ категорію этого рода стихослагателей : —

И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду :
 Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
 Что Рымникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ,
 Иль Ферзешъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
 Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ : *ода!*
 Потомъ, въ одинъ присѣтъ : *такого дня и года!*
 • Тутъ какъ?... *Пою!*... Иль нѣтъ, ужъ это старина!
 • Не лучшель : *даждь мнѣ, Фебъ?*... Иль такъ : *не ты одна*
 • *Попала подгъ пятау, о чалмоносна Порта?*
 • Но что же мнѣ прибавить къ ней въ рѣчю, кромѣ чорта?
 • Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу,
 • И воздухомъ себя открытымъ освѣжу. —
 Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ :

•Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
 •Что хочешь; то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
 •Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
 •Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
 •Какъ жаль, что дрецнихи я не читывалъ! а съ новымъ —
 •Не ловко что-то всё. — Да просто напишу:
 •*Ликуй, Герой! ликуй! Герой ты!* возглашу.
 •Изрядно! Тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ!
 Скажу: *кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?*
 •*Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта*
 •*И то, и то...* А тамъ?... Извѣстно: *много льта!*
 •Брависсимо! и планъ и мысли, все ужъ есть!
 •Да здравствуетъ поэтъ! Осталось присѣсть,
 •Да только написать, да и печатать смѣло!
 Бѣжить на свой чердакъ, чертить, и въ шляпѣ дѣло!
 И оду ужъ его тисненію предають,
 И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продають.)

— Третья черта, характеризующая поэзію Дмитріева, —
 которою онъ участвовалъ въ литературномъ пре-
 образованіи Карамзина, — это юмористическій взглядъ
 на жизнь, обнаруживающійся въ его сказкахъ и ба-
 сняхъ, (изъ которыхъ прочтемъ здѣсь одну — обра-
 зецъ въ этомъ родѣ, которымъ онъ пріобрѣлъ пре-
 мущественное значеніе въ нашей литературѣ —
 какъ фабулистъ: —

КОТЪ, ЛАСТОЧКА И КРОЛИКЪ.

Случилось Кролику отъ дома отлучиться,
 Иль лучше: онъ пошелъ Аврорѣ поклониться
 На тыминѣ, вспрыснутомъ росой.
 Здоровъ, спокоенъ и на волю,
 Попрыгавъ, пощипавъ муравки свѣжей въ полѣ,
 Приходитъ кроличекъ домой,
 И что же? — чуть его не подкосились ноги! —
 Онъ видитъ: Ласточка разставляетъ тамъ
 Своихъ Певатовъ по угламъ! —

Во снѣ ли я, нль пѣтъ? страннопріимны боги!

Изгнанникъ возопилъ

Изъ отческаго дома.

«Что надобно»? вопросъ хозяйки новой былъ. —

Чтобъ ты, сударыня, безъ грома

Скорѣй отсюда вонъ! ей Кроликъ отвѣчалъ:

Пока я всѣхъ мышей на помощь не призвалъ.

«Мнѣ выдти вонъ? она вскричала: вотъ прекрасно!

Да что за право самовластно?

Кто далъ тебѣ его? и стоитъ ли войны

Пора, въ которую и самъ ползкомъ ты входилъ?

Но пусть и царство будь, не всѣхъ мы здѣсь равны?

И гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь,

Что Богъ, создавши свѣтъ, его размежевалъ?

Богъ создалъ Ласточку, тебя, и Дромадера,

А землемѣра

Отнюдь не создавалъ.

Ктожъ болѣ права далъ на эту десятину

Петрушкѣ Кролику, племяннику нль сыну

Филата, Фефела, чѣмъ Карпу, или мнѣ?

Пустое, братъ! земля всѣмъ служить на равнѣ;

Ты первый захватилъ: тебѣ принадлежала;

Ты вышелъ, я пришла: моею норка стала».

Петръ Кроликъ приводилъ въ доводъ

Обычай, давность — ихъ закономъ.

Онъ утверждалъ, введенъ въ владѣніе нашъ родъ

Безспорно этимъ домомъ,

Который Кроликомъ Софрономъ

Отказанъ, справленъ былъ за сына своего,

Ивана Кролика; по смерти же его

Достался, въ силу права,

Тожъ сыну, именно мнѣ Кролику Петру;

Но если думаешь, что вру,

Такъ отдадимъ себя на судъ мы *Крисодава*. —

А этотъ *Крисодавъ*, сказать безъ многихъ словъ,

Былъ постный, жирный Коть, мужъ святъ изъ всѣхъ Котовъ,

Пустынникъ набожный средь свѣта,

И въ *казусныхъ* дѣлахъ оракулъ для совѣта.

«Съ охотой!» Ласточка сказала. — И потомъ

Пошли они къ Коту. Приходятъ, бьютъ челомъ,

И оба говорить : «Помилуй!»! — Разсудите!... —
Поближе, дѣтушки, ихъ перервалъ судья :

Не слышу я,

Отъ старости сталъ глухъ; поближе подойдите! —
Они подвинулись, и вновь ему поклонъ,

А онъ

Вдругъ обѣ лапы врознь, царапъ того, другаго,

И въ выгъ ихъ примирилъ,

Не вымолвя ни слова :

Задавилъ.

— Здѣсь нарочно приведена эта, не только лучшая сама по себѣ, но и одна изъ весьма немногихъ басень Дмитріева, о которыхъ можно сказать : —

«Здѣсь русскій духъ, здѣсь Руссюю пахнетъ»!

Большая же часть басень Дмитріева — не болѣе какъ прекрасныя переводы изъ Лафонтена и Флоріана и далеко уступаютъ, въ отношеніи національной характеристики, не только баснямъ Крылова, но и баснямъ Хемницера; между тѣмъ какъ записные наши Аристархи того времени, благоговѣя предъ именитостью столько же литературною, сколько и чиновною Дмитріева¹⁾, не смѣли промолвиться лишнимъ словомъ о новомъ его парнаскомъ соперникѣ — Крыловѣ, о старомъ же — Хемницерѣ, тогда и помину не было... Впрочемъ, здѣсь была еще другая причина : тогда не пришла еще пора *сознанія* нашей народности, счастливо мелкнувшей прежде того въ басняхъ Хемницера, проявленной же вполнѣ потомъ въ бас-

¹⁾ Въ последнее время своей государственной службы онъ былъ министромъ юстиціи.—

няхъ Крылова. Пора эта была еще впереди, и принадлежит Пушкинскому періоду, ознаменовавшемуся созданіемъ новой самобытной словесности и новаго самобытнаго языка, — тогда какъ періодъ Карамзинскій исключительно характеризуется лишь разрушеніемъ, перѣдко даже *безсознательнымъ*, стараго направленія словесности и старой формы языка. И сюда собственно принадлежит Дмитріевъ.)

МУРАВЬЕВЪ. ШИШКОВЪ.

Изъ числа писателей, дѣйствовавшихъ въ Карамзинскомъ періодѣ, были два лица — оба старѣе Карамзина лѣтами, оба получившіе обширное образованіе во второй половинѣ Ломоносовскаго періода, оба достигшіе высшихъ государственныхъ должностей, оба искренно любившіе отечественную словесность; но одинъ изъ нихъ, съ безпристрастнымъ сочувствіемъ къ наукѣ и къ искусству въ высшемъ ихъ развитіи, былъ покровителемъ Карамзина, (и въ своихъ произведеніяхъ проявилъ характеристику направленія, данную имъ нашей словесности;) другой, съ одностороннимъ взглядомъ на вѣшнюю форму литературнаго языка по рутинѣ преданія, былъ литературнымъ антагонистомъ Карамзина и сочиненіями своими старался противодѣйствовать духу преобразования,

производившагося Карамзинымъ въ языкѣ и словесности: эти писатели были: *Муравьевъ* и *Шишковъ*.

Муравьевъ — воспитатель великихъ князей, впоследствии императора Александра I и цесаревича Константина Павловичей, а потомъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія и попечитель московскаго университета, — началъ писать въ теченіи перваго десятилѣтія по смерти Ломоносова; сочиненія его, по кончинѣ его изданы (въ 1810 г.) ¹⁾ обязаннымъ имъ Карамзинымъ, а Батюшковъ — воспитанникъ его, написалъ (въ 1814 г.) разборъ его сочиненій ²⁾. Сочиненія его состоятъ изъ небольшого числа стихотвореній и статей въ прозѣ, большихъ и меньшихъ: «Обитатель предмѣстія», «Эмиліевы письма», «Тетрадь для сочиненій», «Оскольдъ» (повѣсть), «Разговоры мертвыхъ», «Опыты исторіи», «Эпохи російской исторіи», «Письма къ молодому человѣку, о предметахъ касающихся исторіи и описанія Россіи», «Краткое начертаніе російской исторіи», «Соединеніе удѣльныхъ княжествъ во единое государство», «Разсѣянные черты изъ землеописанія Россіи», «Правоученіе», болѣе сорока мелкихъ статей, касающихся администраціи и правовѣденія, теоріи, критики и исторіи словесности, и наконецъ отдѣльныя «Мысли, замѣчанія и отрывки» изъ дневника автора. — Большая часть этихъ сочиненій писаны имъ для чтенія

¹⁾ Новѣйшее послѣднее изданіе Смирдиновское, 1847 года.

²⁾ О сочиненіяхъ Батюшкова, изд. 1834 года, стр. 96.

державныхъ питомцевъ по званію наставника отечественнаго языка, исторіи и словесности. Изъ нихъ особенно замѣчательны : «Краткое начертаніе российской исторіи», продолженіемъ которой служитъ сочиненіе подъ названіемъ «Соединеніе удѣльныхъ княжествъ во единое государство», оба же вмѣстѣ составляютъ вѣрный и краснорѣчивый очеркъ отечественной исторіи, оканчивающейся царствованіемъ Алексѣя Михайловича; также «Разсѣяныя черты изъ землеописанія российскаго» — меткое, живописное изображеніе главнѣйшихъ подробностей разнообразной мѣстности нашего отечества, сочиненіе подобнаго которому нѣтъ въ нашей литературѣ. «Обитатель предмѣстія», особенно же «Эмиліевы письма» представляютъ также единственный въ своемъ родѣ образецъ чтенія для эстетическаго развитія ума и вкуса. Здѣсь, равно какъ и въ мелкихъ сочиненіяхъ Муравьева, выражается прекрасная личность его — какъ писателя, имѣющая основаніемъ : сочувствіе къ природѣ, въ разумномъ изученіи которой просвѣтляется и возвышается наше сознаніе, а въ искреннемъ ея наслажденіи развивается чистота душевныхъ помысловъ — какъ единственный залогъ нашего въ этомъ мірѣ счастья; занятіе науками и изящными искусствами, предохраняющее сердце отъ загроубнѣнія; наконецъ, любовь къ отечеству — животворящій источникъ всего доблестнаго въ нашей общественной жизни... Таковы нѣсколько мыслей въ

сочиненіяхъ Муравьева, характеризующія ихъ направление : — .

Наслажденія, которыя природа представляетъ каждому, требуютъ одного чувствованія. Какой угрюмый человѣкъ сохранитъ холодность свою между тѣмъ, какъ весна усыпаетъ стези его цвѣтами, чистое небо разверзается передъ глазами его, украшенное неописаннымъ сіяніемъ? Но и разумъ имѣетъ свою роскошь, одному ему свойственную. Перенести существованіе свое изъ тѣсныхъ предѣловъ, которые его ограничиваютъ; летать по волѣ въ неизмѣримости небесъ, или надъ поверхностью морей; проникать взоромъ внутренность земли; вопрошать природу о причинахъ величественныхъ ея явленій, — таковы суть возвышенныя удовольствія испытателя природы. Душа его приобрѣла себѣ, такъ сказать, новыя чувства, чтобъ наблюдать малѣйшія и сокровеннѣйшія дѣйствія природы. Простой человѣкъ идетъ безъ вниманія мимо зрѣлища природы. Тотъ, который болѣе знакомъ съ природою, вездѣ встрѣчаетъ новыя причины удивленія, всеобщую и непрерывную цѣпь вещей и неизреченную мудрость, которая ее составила, между тѣмъ какъ мрачное воображеніе невѣжды и суевѣра безпрестанно показываетъ ему разсѣстыя пропасти и природу, вооруженную на погибель его. Просвѣщенный разумъ, предводимый опытомъ, находитъ повсюду постоянный порядокъ, многообразность и единообразіе, безпрестанное согласіе причинъ и дѣйствій, и природу всегда ту же, всегда прекрасную и величественную, несомнѣнную въ силахъ, живое наисчадѣннѣе благодѣи Всевышняго Существа! Въ глазахъ его природа отлагаетъ всѣ свои страхи и сохраняетъ одно величество. Чертежъ вселенной распростирается до бесконечности, и согражданинъ другихъ міровъ, наблюдатель, устремляется духомъ къ предѣламъ бытія, и нигдѣ не срѣтаетъ ничтожества. Тогда всѣ видимыя неправильности входятъ въ одинъ великій порядокъ, котораго мы не можемъ обозрѣть совершенно. Все стремится къ произведенію единого общаго блага. Тогда престають ужасать сіи явленія, на коихъ первое воззрѣніе колеблетъ мужество человѣка : споръ стихій, сіи молніи, рождающіяся при подшвѣ горъ, море, терзающее берега свои, странствующія кометы, которыя хвостомъ своимъ угрожаютъ государствамъ, затмѣнія солнца и луны, землетрясенія, возгорѣнія огнедышащихъ горъ : сіи ужасы природы, поражая страхомъ воображеніе народовъ, становятся привлекательными предметами любопытства для философа.

•Но многообразность предметовъ природы столь велика, что жизнь одного человѣка мала для окончанія сей картины. Недостаточныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о произведеніяхъ природы, могутъ однакожь улаживать благородный и дѣятельный разумъ. Сія наука поставляетъ человѣка выше точки времени, которую онъ занимаетъ, и за край предѣловъ, коими ограничено дѣйствительное существованіе его. Прочія наслажденія имѣютъ возрастъ свой и обстоятельства и скуку, слѣдствіе всѣхъ забавъ нашихъ : зрѣлище природы даетъ отраду разуму, утомленному движеніемъ и шумомъ общества, и кажется еще ново и привлекательно для тѣхъ, для которыхъ искусства уже истощили свои очарованія.

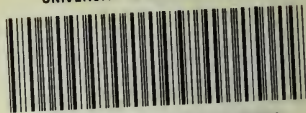
(«Зрѣлище природы»).

•Верховное благо, за которымъ мы гоняемся столь далеко, можетъ быть ближе къ намъ, нежели думаемъ. Оно въ нѣдрахъ природы. Чего ради было вселить въ сердце cadaго человѣка безпрестанное желаніе блаженства, ежели бы надлежало искать его далеко отъ насъ самихъ и ежели бы оно заключалось только въ такихъ выгодахъ, которыя судьба не многимъ даруетъ? Благополучіе есть произрастеніе каждой страны и cadaго климата. Нигдѣ все совсѣмъ, но вездѣ присутственное, оно является подъ тысячу различныхъ видовъ, соединяется съ каждымъ состояніемъ и существуетъ само собою. Оно не состоитъ ни въ весельи, ни въ пышности, ни въ сіяніи. Веселье есть существо убѣгающее, котораго не можно остановить; богатство ничего не сказываетъ сердцу; самая слава — кумиръ великихъ душъ. слава имѣетъ свои несчастія. дарованіе — свои мученія. Благополучіе есть чувствованіе сердца, которое жило всегда въ послушаніи природѣ и сохранило неповрежденную способность наслаждаться красотою ся. Простота. нездобіе. пріятное ощущеніе жизни, безпріятственное наслажденіе естественныхъ благъ, мало нуждъ, мало страстей, но тѣмъ болѣе чувствованій иѣжныхъ и тихихъ, священные союзы родства, дружбы и человѣчества; столько труда, чтобъ заставить желать спокойствія : таковы вообще понятія, которыя побуждаются во мнѣ при словѣ блаженство.

(«Блаженство»).

•Все, то, что способствуетъ къ доставленію вкусу болѣе тонкости и разборчивости, что приводитъ въ совершенство чувствованіе

274585
10201
P...
UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

3 0112 001429080